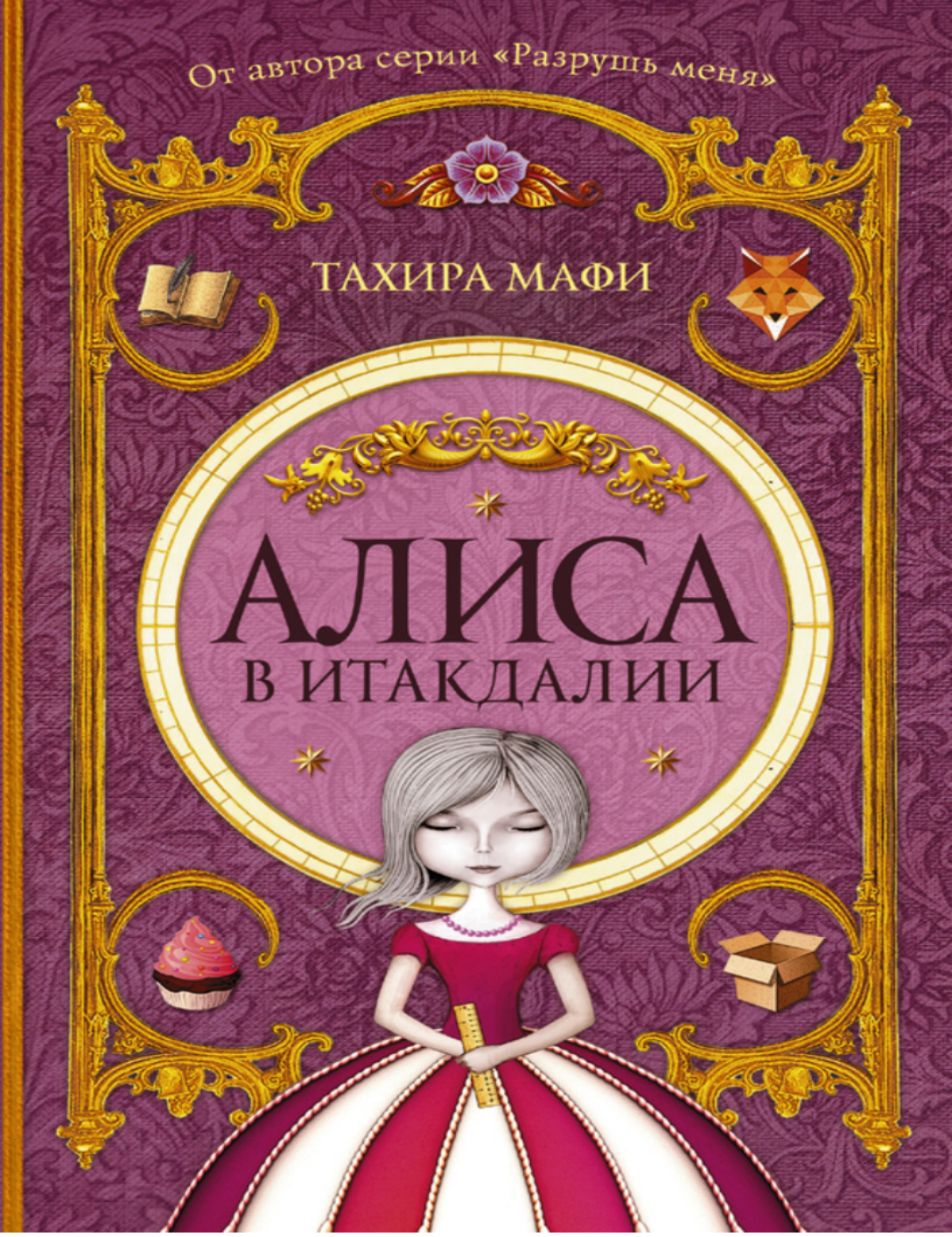
От автора серии «Разрушь меня»

ТАХИРА МАФИ

АЛИСА В ИТАКДАЛИИ

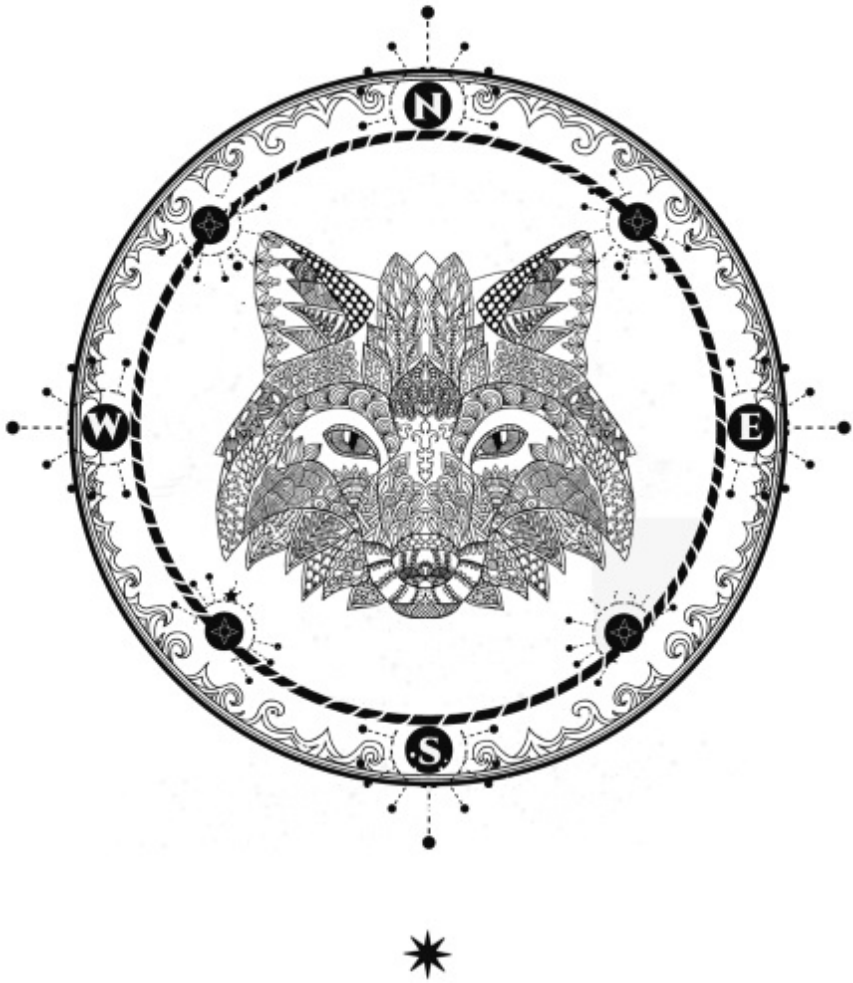


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Алиса – необычная девочка, которая живет в городке Ференвуд, полном красок и магии, только сама она… бесцветная, тусклая. Алиса носит яркие юбки и огромные браслеты, обожает живые цветы и захватывающие приключения. Больше всего на свете она любит свою семью: маму, братьев и отца… который пропал без вести три года назад. И любовь Алисы к отцу так сильна, что она вместе с другом Оливером отправляется в незнакомую, опасную страну Итакдалию (где в последний раз видели ее отца). А там! Все вверх дном, и живые бумажные лисы, и правое – на самом деле левое… Именно в этом чарующем месте Алиса узнает, что такое магия приключений и дружбы.

- Тахира Мафи
  -
  - Так начинается эта история
  - За этой страницей скрывается еще одна глава
  - Глава следующая
  - Я и не думала, что в этой книге столько глав!
  - Эта глава моя любимая
  - Ну, вот мы и здесь
  - Скорей! Нельзя терять ни минуты!
  - Оливер говорит, я ужасно называю главы
  - Прямо по курсу – новая глава!
  - !!!!!!!!


N
W
E
S

Тахира Мафи
Алиса в Итакдалии

Tahereh Mafi
FURTHERMORE

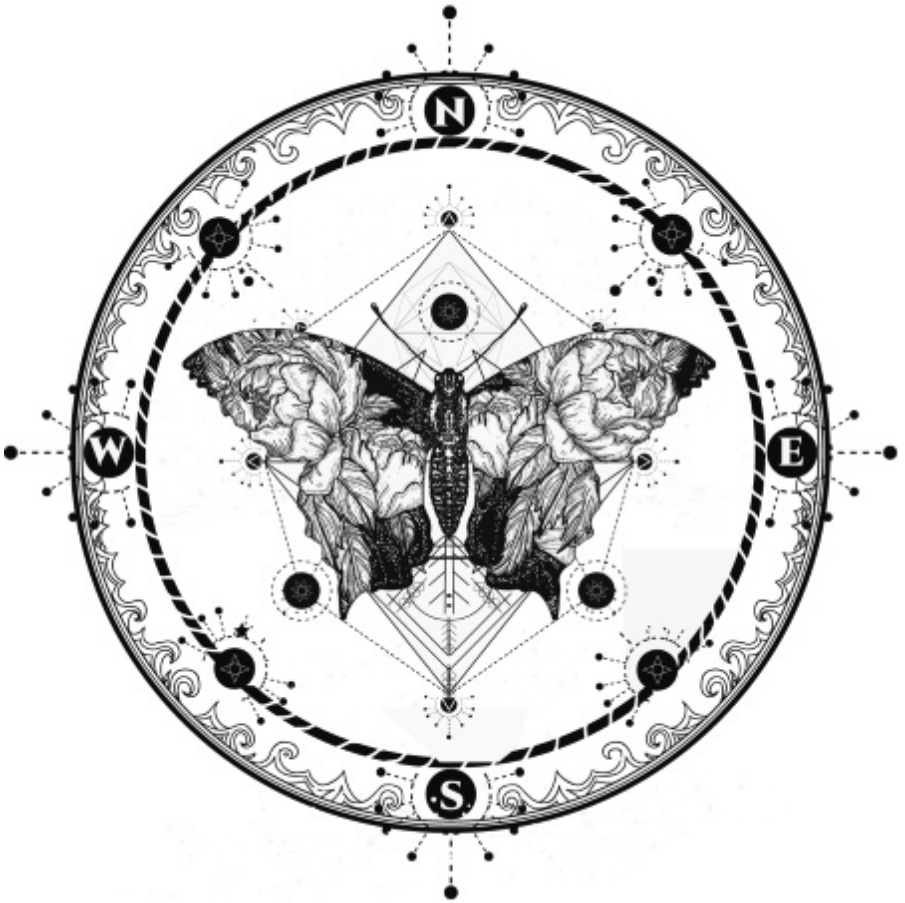
This edition is published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *Елены Фельдман*

Серийное оформление и дизайн обложки *Василия Половцева*

Иллюстрация на контртитуле *Екатерины Чинаски*

© Tahereh Haddadi, 2016 © Е. Фельдман, перевод на русский язык, 2016
© Е. Чинаски, иллюстрация, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017



Однажды в городе Ференвуде родилась девочка.

Само по себе это событие было ничуть не примечательным.

Ее родителей переполняло счастье – как и полагается в таких случаях. Мать была рада разрешиться от бремени, а отец испытывал облегчение, что с таинством рождения жизни покончено. Однако вскоре они заметили, что их дочь, названная Алисой, совершенно лишена красок. Ее кожа и волосы были белыми, как молоко, а душа и сердце – мягкими, как шелк. Лишь глазам ее досталось по капельке цвета: радужкой они походили на светлый мед.

Что и говорить, Ференвуд не принял бы такого ребенка. Его

основу составляли краски: их вспышки, переливы, мазки и радужные подтеки. Во всем мире не нашлось бы людей более ярких, чем жители этого города; сами они говорили, что созданы по подобию небесных светил. На их фоне маленькая Алиса казалась слишком тусклой – хоть она и знала, что это не так.

Однажды про девочку забыли.

Так начинается эта история

Солнце лило как из ведра.

С неба падали мягкие теплые капли светливня, и каждая прожигала маленькую аккуратную дырочку в ледяном доспехе зимы. Конечно, та сопротивлялась до последнего – но к нынешнему моменту была уже порядочно изрешечена солнечным дождем, так что из-под нее проглядывала бархатистая подкладка весны. Мир готовился в очередной раз преобразиться. Жители Ференвуда обожали весну – как и следовало ожидать. Они вообще находили удовольствие в предсказуемых, закономерных переменах: таких, как превращение ночи в день или снега в дождь. Чего бы они не оценили, так это превращения ночи в кекс или дождя в шлепанцы. В таких переменах, сами понимаете, никакого смысла – а именно смысл был чертовски важен для этих серьезных людей, чья жизнь вращалась вокруг магии. Точно так

же им было трудно увидеть смысл в Алисе.

Алиса была девочкой-подростком – сообразительной, подвижной и начиненной тысячей животрепещущих вопросов, как и подобает всякой девочке-подростку. Однако у Алисы не было кое-чего очень важного, о чем мы скажем позже, и именно этот недостаток делал ее такой необычной и интересной.

В день, когда началась эта история, обычно бесшумные шестеренки бытия издавали неприлично много шума: ветер хлопал ставнями, потоки светливня колыхали занавески на окнах, свежеподстриженная трава щекотала босые ноги. В подобные дни Алисе отчаянно хотелось ввязаться в какое-нибудь приключение, но к почти двенадцати годам – а именно столько было нашей героине – она все еще не выяснила, как это сделать. До ежегодной церемонии Сдачи оставалась лишь пара дней, и Алиса, которая была твердо намерена победить, знала, что это ее единственный шанс отправиться навстречу чему-то новому.

Теперь она шагала домой, то и дело оглядываясь на сверкающий в отдалении городок. В честь грядущих празднеств главную площадь перевернули вверх дном, и теперь по холмам разносился грохот разнообразных инструкций и конструкций. Алиса прыгала по камням булыжной мостовой, подставляя лицо потокам светливня и пытаясь ухватить хоть щепотку его золота. Город был охвачен возбуждением; в воздухе висело предвкушение такое густое, что в него можно было вонзить зубы. Алиса улыбнулась, отчего ее щеки тут же заяблонились, и взглянула на небо. Свет замерцал и начал блекнуть. Тучи снова норовили сомкнуть над Ференвудом свои тяжелые телеса. Ничего, подумала Алиса. Еще один день, и все переменится.

Она не могла дождаться.

Мостовая перешла в грязноватую главную дорогу, по обе стороны которой клубилась зелень. Встречаясь с соседями, Алиса теснее прижимала к себе корзину, кивала в знак приветствия, махала в знак прощания и молча радовалась, что не забыла сегодня ни одну из своих юбок. Мама очень о них беспокоилась.

Когда дорога опустела, Алиса вытащила из кармана тюльпан и торопливо откусила верхушку. Лепестки защекотали рот, а по языку заструился густой пурпурный цвет. Алиса закрыла глаза и облизнула губы, прежде чем вгрызться в стебель. О нет, не просто зеленый! Зеленейший – полный сока и самой атласной зелени. Этот цвет обладал собственной песней, и теперь она звучала внутри Алисы. Девочка нагнулась к обочине, чтобы погладить лохматую макушку травы, и прошептала: «Привет-привет! Вот мы и перезимовали».

Алиса была странной – даже для Ференвуда, где с небес временами лило солнце, все цвета сияли ярче обычного, а магия встречалась так же часто, как ворчливые родители. Странность Алисы проявлялась даже в мелочах – например, в том, как она возвращалась домой. Девочка просто не могла пройти по прямой линии из точки А в точку Б. Она то и дело останавливалась, сходила с дороги, набирала полную грудь воздуха и целую минуту не выпускала его обратно, жалея расставаться с таким сокровищем. Иногда она принималась кружиться в такт неслышимой мелодии, пока юбки не вставали колоколом, а улыбка становилась такой широкой, что немножко сползала с лица. Порой же она замирала на цыпочках – прямая и напряженная, как струна, – и лишь когда становилось совсем невмоготу, наконец выдыхала то, что ей не принадлежало.

«Алиса у нас полевой цветок», – сказал однажды отец. Цветок в цветастых юбках, с косой-колосом до колен. Алиса надеялась, что он прав. Может, мама ошиблась, и на самом деле Алисе не нужно быть таким сложным существом с целыми четырьмя конечностями? Порой она думала, как хорошо было бы укорениться в земле и на этот раз вырасти чем-нибудь получше – скажем, одуванчиком, дубом или грецким орехом, который никому не удастся расколоть. Но мама строго сказала (она часто говорила строго), что Алиса должна быть девочкой, поэтому одуванчика из нее не вышло.

Мама Алисе не очень нравилась. На взгляд девочки, она была чересчур старой и странной. Еще Алисе не нравилось, как мама переживает из-за стен и дверей – и денег, которые ее там удерживают. Но Алиса любила маму, насколько способны любить дети. Мама была теплой и мягкой и часто улыбалась, глядя на нее. Злилась и плакала – тоже, но это Алису не волновало.

Девочка крепче перехватила корзину и пустилась в пляс под слышную ей одной мелодию. Пальцы ног взбивали придорожную пыль, и на земле Алису удерживала только коса, слишком тяжелая для ее головы. Звонкие браслеты так и гуляли от локтей до запястий, выводя собственную нехитрую песенку. Алиса закрыла глаза. Она знала этот танец наизусть; его движения жили у нее в костях, подталкивали изнутри руки и ноги и заставляли бедра вращаться с чувственностью, которой не смог бы научить и самый лучший учитель.

Это был ее главный талант, дар – и подарок Ференвуду. Ее шанс на великое будущее. Она оттачивала этот танец годами и знала, что ее усилия не пропадут впустую.

Знала, что…

– Эй, ты! Что ты делаешь?

Алиса вздрогнула. Кто-то запнулся и упал – но девочка не сразу сообразила, что это она сама. Юбки сбились в ком, браслеты испуганно примолкли, из воздуха испарилась последняя капля светливня. Алиса ужасно, кошмарно опаздывала. Мама будет вне себя.

– Эй! – позвал тот же голос. – Что ты…

Алиса подобрала юбки и принялась шарить в темноте в поисках корзины. Внутри глухо ворочалась паника. «Никогда не разговаривай с незнакомцами, – множество раз твердила ей мать. – Особенно с мужчинами. Если тебе страшно, не время думать о приличиях. Если тебе страшно, ты не обязана быть вежливой. Поняла?»

Алиса кивала.

Но сейчас мамы тут не было – и Алиса не знала, почему ей так отчаянно страшно. Зато точно знала, что не обязана быть вежливой.

Незнакомец подошел ближе. Теперь Алиса видела, что это не мужчина – скорее уж мальчик. Алисе очень хотелось рявкнуть, чтобы он проваливал, но благоразумный голосок у нее в голове нашептывал, что лучше молчать. Если тебя не слышно, то, может быть, и не видно. А вот если она закричит, то наверняка выдаст себя.

В итоге желание Алисы остаться незамеченной сбылось – но не совсем так, как она рассчитывала.

Солнце уже зашло, а луна все не торопилась прийти ему на смену. Вокруг густилась непроглядная тьма. Алисе никак не удавалось разглядеть или нащупать корзину.

Она волновалась все сильнее.

В одну секунду она поняла все о тревогах – и пообещала себе больше никогда не злиться на маму, которая не тревожилась, кажется, только во сне. Страх оказался очень неприятной штукой – а еще он будто засасывал в себя минуты. Теперь стало ясно, почему у мамы вечно не находится времени помыть посуду.

– Это случаем не твое?

Алиса резко выпрямилась – и почти уткнулась носом в чью-то грудь. В этой груди билось сердце. Алиса слышала шепот и стрекот крови, ее жаркое журчание и мелодичные переливы. «Не отвлекайся, – приказала она себе. – Мама разозлится».

Но…

Что это было за сердце!

Какая симфония звучала внутри этого мальчика!

Алиса судорожно вздохнула.

А затем он коснулся ее руки – и у нее не осталось другого выхода, кроме как его стукнуть. Браслеты воинственно зазвенели.

Незнакомец отшатнулся от удара, Алиса закричала, вырвала у него корзину и опрометью кинулась домой – задыхаясь, почти не разбирая дороги и лишь в глубине души радуясь, что луна наконец-то решила осветить ее путь.

* * *

Разумеется, мама и слушать не стала ее оправданий. Честно говоря, она так разозлилась, что почти ударила дочь по руке. Она не дала Алисе ни малейшей возможности объяснить, почему ее юбки в грязи, корзина сломана (на самом деле совсем чуть-чуть), а в волосах полно травы. Вместо этого она сделала страшное лицо, указала дочери на ее место за столом и заявила, что, если Алиса еще хоть раз опоздает, она сошьет ей пальцы вместе.

Ну конечно.

Мама вечно чем-то угрожала дочери. От этого у нее улучшалось настроение, а вот Алиса начинала скучать. Обычно она пропускала все угрозы мимо ушей («Если ты немедленно не доешь свой завтрак, я превращу тебя в слона!» – пообещала ей мама однажды, и девочка даже воодушевилась), но как-то раз мама пригрозила превратить ее в *мальчика*. Алиса так перепугалась, что целую неделю нигде не пачкалась и вообще вела себя до неприличия прилично. С тех пор она частенько раздумывала, были ее братья мальчиками с самого начала – или просто так разозлили маму, что их постигло это ужасное наказание.

Мама бережно распаковала принесенную Алисой корзину. Похоже, та волновала ее куда больше дочери и трех сыновей, которые молча ждали начала трапезы за стареньким столом. Алиса провела ладонями по гладким доскам. Годы усердной кухонной службы отполировали их почти до зеркального блеска. Стол этот сделал папа, и Алисе нравилось понарошку вспоминать, как он его мастерил. Конечно, на самом деле помнить она ничего не могла: стол был старше самой Алисы.

Девочка взглянула на папин стул – пустой, как и всегда, – и опустила голову на скрещенные руки. За эти годы печаль подточила ее кости, и от воспоминаний они принимались ныть, точно от сквозняка. Снова подняв глаза, Алиса увидела три маленькие фигурки, которые едва виднелись над столешницей. Братья смотрели на нее с таким предвкушением, будто она могла превратить их жилетки в конфетки, а рубашки – в промокашки. Пожалуй, в другой день Алиса действительно попробовала бы, но мама и без того на нее злилась, а девочке не хотелось снова

ночевать со свиньями.

С возрастом Алиса начала понимать, что они с мамой не нравятся друг другу вполне взаимно. Маме не было дела до Алисиных странностей. Она вообще не относилась к тому типу родителей, которые проникаются любовью к потомству инстинктивно, от одного взгляда на пухлощекий кабачок в пеленках. Причуды детей не вызывали у нее умиления. В целом она считала Алису полезным, хотя местами и нелепым ребенком – но если бы вы подловили ее в Честное Воскресенье, она ответила бы, что ей нет ни малейшего дела до собственных детей, нет и не было, и как они у нее вообще получились, одному богу известно. (Конечно, приятных вещей об Алисе мама тоже могла бы сказать немало – только вот почему-то все время забывала их озвучивать.)

Алиса подцепила с тарелки цветок и отправила его в рот, позволяя яркому вкусу неспешно растечься по языку. Цветы ей нравились; один укус – и она снова чувствовала себя полной сил, готовой пуститься в пляс. Мама обычно обмакивала их в мед, но Алиса предпочитала чистый, ничем не приукрашенный вкус. Она вообще любила правду: на губах и во рту.

На кухне было тепло и уютно – хоть и вполсилы. В отсутствие отца Алиса с матерью старались, как могли, но в иные вечера на их тарелках пышно расцветала скорбь, и они зачерпывали ее ложками вместе с сиропом, не проронив об этом ни слова. Сегодня было еще не так плохо. Печка вспыхнула лавандовым жаром, когда мама пошевелила поленья и бросила в горшок несколько принесенных Алисой ягод. Вскоре весь дом наполнился запахами инжира и перечной мяты. Они пропитывали воздух так густо, что Алиса могла бы слизнуть их языком.

Наконец мама успокоилась и заулыбалась. Ягоды ференики напоминали ей о прежних счастливых временах, когда они с мужем были вместе и всё было хорошо. Ференика считалась редким лакомством – разыскать ее было непросто, – но после исчезновения отца мама стала ею одержима. Проблема заключалась в том, что найти ягоды могла лишь Алиса (почему, я объясню позже), – и Алиса, конечно, исправно их приносила, потому что с ягодами в доме было гораздо лучше, чем без них. Да, она опаздывала, вечно где-то пачкалась, ленилась и препиралась по любому поводу – но никогда не возвращалась домой без добычи.

Почти никогда. Сегодняшний вечер едва не стал первым.

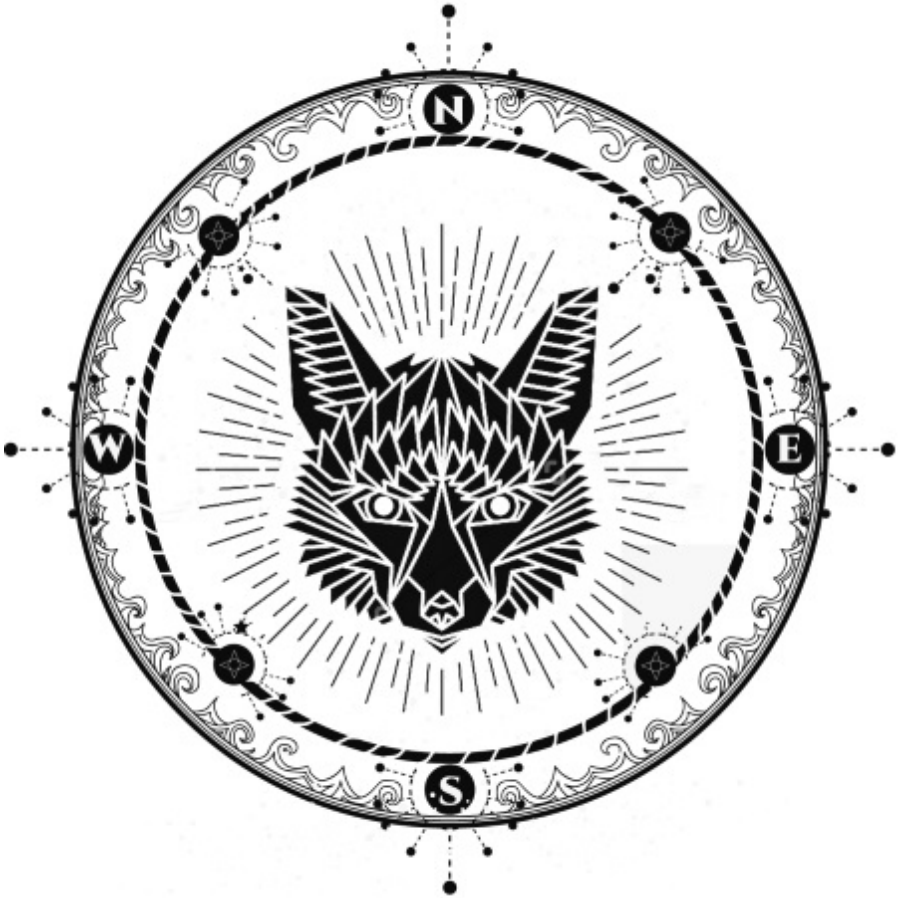
Алиса всегда чувствовала, что мама ее использует: ференика была единственным лекарством, ненадолго исцелявшим ее разбитое сердце. Она *нуждалась* в Алисе, хотя предпочитала не

заострять на этом внимание. И Алисе, конечно, было жаль маму – но еще больше жаль себя и братьев. Иногда ей хотелось, чтобы мама выросла – а может быть, наоборот, уменьшилась – в ту маму, которой им так сильно недоставало. Увы, она не могла размолодиться, и Алисе оставалось любить (или не любить) ее такую, какая есть. Ничего, снова подумала девочка. Скоро, очень скоро она встретит свою судьбу. Прекрасную, великую судьбу! Зима в Ференвуде сменялась весной, весна сменялась летом, а Алиса ждала уже слишком долго.

Она непременно выиграет Сдачу и докажет матери, что ей больше не нужна опека и носки. Она станет первооткрывателем! Изобретателем! Нет, лучше – художником! Она охватит целый мир парой широких мазков! Рука Алисы, отвечая ее мыслям, чертила замысловатые узоры в наполненной медом тарелке. Движения девочки становились все размашистее и увереннее, пока вилка-кисточка триумфально не взмыла в воздух… Чтобы через мгновение приземлиться – впрочем, не без определенного изящества – в шевелюру одного из братьев.

Алиса пискнула и съежилась на стуле. Прекрасное будущее было позабыто; вместо него на девочку надвигалась мать с половником.

Похоже, сегодня ей все-таки придется ночевать со свиньями.


N
W
E
S

За этой страницей скрывается еще одна глава

Свиньи были не так уж плохи. Они подпирали Алису теплыми боками, делились с ней соломой и участливо похрюкивали, выслушивая жалобы на жизнь. Девочка вытащила из кармана пару финков, подумала, один убрала обратно, а второй разломила пополам. Свиньи тут же учуяли запах свежих лимонов и стекляблок, и в хлеву воцарилось полное благоденствие. Ночь выдалась теплая и ароматная, над дырой в крыше важно дефилировали звезды. Их огоньки сверкали, как обычно, а вот планеты сегодня прямо-таки блистали, соперничая с самыми яркими звездами. Шестьсот тридцать две планеты последовательно вплыли в поле зрения Алисы, покачивая разноцветными кольцами – так же, как она при ходьбе покачивала

браслетами.

Они покрывали руки девочки от запястий до локтей и пестрыми змеями обвивали лодыжки. Она приносила браслеты отовсюду – из каждого магазинчика по холмедству, куда заглядывала после исчезновения отца. Алиса упорно стучала в дверь за дверью и спрашивала у всех и каждого, куда он мог пропасть.

Все и каждый давали разные ответы.

Все знали, что отец Алисы ушел с одной чертежной линейкой, поэтому некоторые говорили, будто он решил измерить море. Другие – луну. Третьи – небо. А может, он научился летать, но забыл, как вернуться обратно. Алиса никогда не делилась с матерью своими догадками, но в глубине души считала, будто отец укоренился в земле, чтобы на этот раз вырасти повыше.

Девочка встряхнула браслетами – золотыми, серебряными, каменными. Мама каждый месяц давала ей три финка карманных денег, и один из них Алиса непременно тратила на браслет. Для всех остальных они не имели большой ценности, но именно это делало их такими дорогими для Алисы. Самый первый браслет ей подарил отец – как раз перед тем, как пропал, – и почти каждый месяц после его исчезновения Алиса прибавляла к своей коллекции еще один.

На этой неделе у нее должен был появиться тридцать восьмой.

Может быть, подумала она, сонно смыкая веки, эти браслеты помогут отцу отыскать дорогу обратно. Стоит ему прислушаться повнимательнее – и он обязательно различит, как она танцует, призывая его домой…

На этой мысли Алиса перевернулась на другой бок и задремала.

А пока она спит, давайте-ка я расскажу вам два важных факта.

Факт первый: для того, чтобы творить колдовство в Ференвуде, не нужны волшебные палочки, привычные нам зелья или заклинания. Природа вообще наделила эти земли немалыми богатствами, но среди них главнейшими считались два – цвет и магия. Это был очень маленький и очень старый городок в окрестностях Феннельскайна, но поскольку никто из жителей Ференвуда сроду не был в Феннельскайне (на самом деле, огромное упущение; что за славное местечко!), они продолжали жить замкнутой общиной, черпая цвет и магию прямо из воздуха и построив на их основе целую экономическую систему. Я бы еще многое могла рассказать об истории и географии Ференвуда, но

не хочу испортить вам удовольствие от книжки, а посему смиренно умолкаю.

Факт второй: каждый житель Ференвуда рождался с каким-либо магическим талантом, маленьким кусочком собственного волшебства – но за все остальное нужно было платить, а у Алисиной семьи никогда не водилось лишних денег. В карманах Алисы никогда не бывало больше пары финков, и потому ей оставалось лишь жадно глазеть на других ребят, которые по-хозяйски выбирали лакомства на витрине или беспечно звенели пригоршнями стоппиков.

В ту ночь Алисе снился чуденец, который она купит на следующий день. (По правде говоря, Алиса еще не знает, что его купит, – но мы-то с вами по эту сторону переплета и можем немножко забежать вперед, верно?) Чуденцы – маленькие цветошарики травы, смешанной с медовыми сотами, – были любимым Алисиным лакомством, и на этот раз ее не остановило бы даже то обстоятельство, что на них пришлось бы потратить все остатки сбережений.

Вот так Алиса и спала – под теплым боком свиньи, с задранными до ушей юбками и сложенными на табуретку браслетами, – когда ее вдруг окликнул чей-то голос. Голос мальчика, в чьей груди билось необыкновенное сердце.

Кажется, он произнес «привет» или «эй, ты» (я не запомнила, потому что толком не расслышала, а Алиса не запомнила, потому что была слишком зла). Девочка медленно выдохнула, посмотрела на планеты, которые продолжали танцевать у нее над головой, и снова закрыла глаза.

– Мне очень лень вставать и тебя бить, – честно сказала она. – Поэтому ты сделаешь мне огромное одолжение, если уберешься.

– У тебя панталоны видно, – ответил мальчик.

Вот грубиян!

Алиса вскочила на ноги, красная как рак, и чуть не споткнулась о подвернувшегося под ноги поросенка. Девочка почти взяла себя в руки, когда врезалась в ведро с помоями и бесславно плюхнулась на спину у стены.

– Ты кто такой? – возмутилась она, судорожно пытаясь припомнить, куда положила лопату.

В следующую секунду Алиса услышала щелчок пальцев, и сарай затопил свет такой яркий, будто в окно залетела шаровая молния. Девочка немедленно приметила лопату и уже почти разработала план, как бы ее половчее схватить, но тут мальчик нагнулся и сам вручил ее Алисе.

Девочка молча взяла лопату.

Лицо мальчика казалось до странности знакомым. Алиса

прищурилась, пытаясь понять, где его раньше видела, но лопату все-таки не опустила.

– Кто ты? – повторила она со злостью. – И где научился делать такой крутой светреск? Я годами тренируюсь, но…

– Алиса, – прервал он ее со смешком, качая головой. – Это же я.

Девочка недоуменно моргнула – и вдруг вытаращила глаза.

– Папа?! – прошептала она.

Алиса быстро пробежалась по нему взглядом с головы до ног, при этом все ниже опуская лопату.

– Ох, папа, но ты так размолодился… Вряд ли мама обрадуется…

– Алиса! – почти-незнакомец снова покачал головой и схватил ее за руки, пригвоздив к полу смеющимся взглядом. У мальчика была кожа теплого шоколадного оттенка и тревожно-синие, почти фиолетовые глаза. Еще у него был очень прямой нос, очень приятный рот, очень милые брови, очень красивые скулы и волосы цвета серебристой сельди – другими словами, ничего общего с папой.

– Самозванец! – завопила Алиса, снова вскидывая лопату.

Девочка уже занесла ее над головой, готовясь проломить этому негодяю череп, когда он опять схватил ее за руки. Мальчик был немного (ну ладно, много) выше ее, так что ему не составило бы большого труда одолеть Алису, – но она тоже не собиралась сдаваться так просто.

Поэтому укусила его за руку.

И довольно чувствительно, надо сказать.

Мальчик вскрикнул и отшатнулся. Стоило ему поднять на Алису взгляд, как она заехала ему лопатой по колену, и он рухнул в солому. Теперь девочка возвышалась над ним, занеся оружие над головой.

– Алиса, ты что творишь?! – воскликнул мальчик, прикрывая голову руками в ожидании финального удара. – Это я, Оливер!

Алиса опустила лопату – но самую малость и по-прежнему не испытывая ни малейших угрызений совести за свое поведение.

– Кто?..

Мальчик осторожно поднял глаза.

– Оливер Ньюбэнкс. Ты меня не помнишь?

«Нет», – почти ответила Алиса, которая сгорала от желания наконец треснуть его по голове и с триумфом приволочь маме бесчувственное тело («Смотри, я поймала грабителя!»), – но мальчик выглядел таким испуганным, что ее возбуждение вскоре сменилось сочувствием. Поэтому Алиса опустила лопату и вгляделась в лицо Оливера Ньюбэнкса так, будто и в самом деле

должна была его помнить.

– Мы учились вместе в среднеросте!

Алиса наклонилась поближе. Имя мальчика показалось ей знакомым – но она не была уверена в своей догадке, пока не заметила белесый шрам, пересекавший его левое ухо.

Девочка втянула воздух – на этот раз особенно громко.

Да, они определенно были знакомы.

Алиса поудобнее перехватила лопату и врезала ему по ногам с такой яростью, что светреск погас, и хлев погрузился во тьму. Свиньи завизжали, Оливер завизжал и бросился прочь, Алиса погналась за ним через весь двор, подробно рассказывая, как приготовит его братьям утром на завтракус, – но тут из дома вышла мама и заявила, что лучше приготовит на завтракус саму Алису, после чего девочка тоже завизжала и бросилась наутек, а когда мама наконец ее поймала, Оливера и след простыл.

После этого случая Алисе еще неделю было больно сидеть.

* * *

Из-за такой ночи и утро началось наперекосяк.

Алиса проснулась, вдыхая аромат свиного бока; в волосах безнадежно запуталась солома, она же колкими шпажками утыкала пальцы ног. Алиса села, злая на весь мир, но особенно – на маму, Оливера и поросенка, который вздумал вылизать ей лицо от лба до подбородка. Мда, сейчас ей не помешала бы хорошая ванна.

Алиса встала, по мере сил отряхнула юбки (дурацкие юбки!) и направилась к пруду. Голова ее была забита мыслями, которые забивают головы почти всех двенадцатилетних девочек, а потому даже прелестное, полное светливня утро несильно поправило дело.

Дурацкий Оливер Ньюбэнкс – она от души пнула холмик грязи – осмелился показаться ей на глаза – она пнула другой холмик – после всего, что случилось! Алиса в ярости набрала пригоршню грязи и запустила ее в кусты, никуда особенно не целясь.

Алиса не видела Оливера Ньюбэнкса с того далекого дня, когда он заявил перед всем классом, что она – самая уродливая девочка в Ференвуде. Он все болтал и болтал, какой у нее огромный нос, крохотные глазки, губы с ниточку и волосы цвета прокисшего молока, – так что Алиса чуть не расплакалась. Полная чушь, ответила она. Носик у нее очень аккуратный, глаза большие, губы довольно пухлые, а волосы скорее напоминают

цветы хлопка. Но Оливер, разумеется, и слушать не стал.

Никто не стал.

Как неудачно сложилось, что незадолго до того пропал отец, мама превратилась в бледную тень прежней себя, а от всех сбережений у них остались двадцать пять стоппиков и десять тинтонов. У Алисы выдался непростой год, и она не собиралась больше терпеть. Ребята чуть животы не надорвали от смеха, а она только топала ногой в браслетах, пылая от гнева и смаргивая горячие слезы. Тогда она решила, что произведет на Оливера большее впечатление, если потратит оставшиеся финки, откусив ему ухо и заставив съесть его перед всем классом. «Уж одним ухом он меня точно выслушает!» – подумала Алиса. Но вместо этого ее выгнали из школы, поскольку то, что она *сделала*, было хуже того, что он *сказал*. Это выглядело особенно несправедливо, потому что на вкус его слова оказались куда противнее уха. В любом случае с тех пор мама учила ее на дому.

Алиса начинала понимать, почему мама ее не особенно любит.

Девочка вздохнула и, развязав ленты, позволила юбкам упасть в траву. Одежда ее сковывала. Панталоны Алиса ненавидела даже больше, чем юбки, но пока мама крутилась рядом, они оставались Алисиным проклятием. Ходить в одних трусах, сказала ей мама однажды, *неприлично*. С тех пор девочка мечтала о дне, когда отрастит пару крыльев и улетит прочь. Будь ее воля, она бы круглый год расхаживала голышом и босиком, в одних браслетах и плаще из распущенных волос цвета ванили.

Алиса стянула кофточку, бросила ее на траву к юбкам и, закрыв глаза, подняла голову к солнцу. Светливень пропитывал воздух, окружая все предметы неземным сиянием. Алиса высунула язык, надеясь слизнуть хоть одну золотую каплю, но солнечные потоки оставались неуловимыми. Они не касались людей, потому что предназначались только для земли. Именно светливень привносил магию в их мир; он наполнял воздух и орошал почву, заставлял расти цветы и деревья – и добавлял объем и звук вспышкам цвета, посреди которых протекала жизнь горожан. Красный пульсировал жарким рубином, зеленый истекал сочным лаймом, а желтый почти обжигал глаза. Цвет был самой жизнью. Цвет был *всем*.

Видите ли, цвет был универсальным признаком магии.

Жители Ференвуда рождались с маленькой искрой собственного волшебства, а взращенная светливнями пища помогала раздуть эту искру в мягкое устойчивое пламя. Каждый горожанин был наделен одним даром. Одним прекрасным

магическим талантом. Достигнув двенадцати лет, они демонстрировали этот талант на церемонии Сдачи, а взамен получали решающее задание. Такова была традиция.

Алиса открыла глаза. Облака сегодня плыли по небу одно за другим, будто их выдыхал какой-то невидимый великан. Скоро пойдет дождь, и старая жизнь Алисы закончится, чтобы под триумфальные раскаты грома дать родиться чему-то новому.

Цели.

Ей исполнится двенадцать лет. В этом году она наконец примет участие в Сдаче.

Завтра, подумала Алиса. Ее звездный час наступит завтра.

Алиса глубоко выдохнула, выбрасывая из головы Оливера Ньюбэнкса, всю боль, которую причинила ей мама, и всю боль, которую отец причинил маме и ей. Вместе с ними она выбросила из головы и трех бесполезных братьев, которые были слишком малы, чтобы от них была какая-то помощь – а именно в помощи их семья нуждалась больше всего. Да, Алиса была не такой яркой, как другие жители Ференвуда, – и что с того? Магии в ней было не меньше, и завтра ей наконец выпадет возможность это доказать.

Алиса подобрала гибкую веточку и, закинув ее за шею, принялась мурлыкать под нос знакомую мелодию. Глаза ее оставались закрыты, а ноги сами вели девочку к пруду. Сейчас она была воплощенной музыкой, а ее тело – наилучшим инструментом из всех, которыми она когда-либо владела.

Может, жизнь и была одинокой штукой, но Алиса, по крайней мере, знала, как ее скоротать.

Теплый пруд напоминал по цвету зеленый аметист. Он пах сладким нектаром, хотя на вкус не имел с ним ничего общего. Алиса бросила в траву трусы и панталоны, секунду помедлила, распуская косу, и прыгнула в воду.

Девочка сразу нырнула на самое дно и задержалась там, позволяя рукам и ногам избавиться от привычного напряжения. Вскоре она почувствовала знакомую щекотку рыбок-поцелуйщиков и приоткрыла глаза – ровно настолько, чтобы заметить, как они пощипывают ее кожу. Алиса улыбнулась и поплыла к поверхности; рыбки следовали за ней, не отставая ни на сантиметр. Они увивались вокруг, толкая носами ее локти и колени в попытке подобраться поближе.

Алиса плавала до тех пор, пока почти не засияла – а потом теплый воздух высушил ее кожу и волосы с такой стремительностью, что у нее даже еще осталось время до

ежедневного похода за ференикой.

Алиса изо всех сил старалась влипнуть в какое-нибудь приключение, пока ее ровесники протирали штаны на школьной скамье. Предполагалось, что мама будет учить ее на дому, но на самом деле она занималась этим очень редко. Два года назад, когда мама все еще злилась на Алису из-за школы и Оливера Ньюбэнкса, она плюхнула на кухонный стол стопку книг и велела Алисе их выучить, пригрозив, что в противном случае она вырастет не только самой уродливой, но и самой глупой девочкой в Ференвуде.

Порой Алисе хотелось наговорить маме не очень приятных слов.

И все же она ее любила. В самом деле любила. Алиса давным-давно научилась ладить с родителями. Однако здесь нужно внести одно уточнение: из старшего поколения Алиса всегда предпочитала отца – и не считала нужным это скрывать. Для Алисы он был больше чем родителем; он был ее лучшим другом и наперсником. Рядом с папой любые трудности казались преодолимыми. Он делал всё, чтобы его дочь была окружена безусловной любовью, так что ей просто не выпадало шанса по-настоящему осознать, насколько она не соответствует Ференвуду. В действительности он занимал в ее сердце такое большое место, что она редко замечала отсутствие у себя других друзей.

Только после его исчезновения Алиса начала понимать и ощущать вещи, от которых он так долго ее защищал. Эта потеря пробила брешь в ее броне, и холодные дуновения и шепотки страха отыскали лазейки в глубь девочки. Она плакала до тех пор, пока глазные яблоки совсем не высохли, а веки отвердели настолько, что отказывались закрываться, лишая ее сна по ночам.

Скорбь Алисы отныне стала почти зримой ношей, которую постепенно приучалось нести ее хрупкое тело. Когда отец исчез, ей было девять, но даже маленькая Алиса бесконечно раскапывала во сне глубины своего сердца, надеясь отыскать там папу, – а наутро просыпалась опустошенная, в слезах, согнувшись от боли.

Дорогой читатель! Ты должен понимать, что Алиса, эта несомненно гордая девочка, ни за что не одобрила бы подобного вторжения в свое личное пространство. Я вполне сознаю, что подробности трагедии, которые я изложила выше, являются закрытой информацией. Но, по моему скромному мнению, вы просто обязаны знать, как сильно она любила папу. Эта потеря обнажила ее сверху донизу, однако еще закалила дух. Алиса была сломлена и не сломлена одновременно, но чем дольше она оставалась в Ференвуде, тем более одинокой себя ощущала.

Для Алисы Алексис Квинсмедоу некоторые вещи были ясны как день: если папа покинул Ференвуд, ей там тоже нет места, потому что ничего в жизни она не желала так страстно, как последовать за ним.

Видите ли, преуспеть на Сдаче было ее единственной возможностью выбраться из города.

* * *

Когда Алиса вернулась, мама ждала ее во дворе. Янтарные глаза, ярко выделявшиеся на фоне шоколадной кожи, сузились при виде девочки. Мама стояла, подбоченившись и держа в одной руке корзину. Как и Алиса, она носила ворох юбок – но предпочитала скромные, немаркие цвета и простой покрой. За пояс была заправлена кофта с длинными рукавами, которые мягкими складками ниспадали с локтей. Юбки Алисы, напротив, вздувались колоколом от нашитых на них бусин, бисера и блесток; те густо усеивали ткань, складываясь в причудливые узоры.

Если на юбке не было ни одной, хотя бы самой маленькой вышивки, Алиса ее просто не признавала.

Приближаясь к матери, девочка вглядывалась в ее лицо, окаймленное травянисто-зелеными кудрями, и думала, что сама она с каждым днем становится только милее и прелестнее. Порой взгляд на маму заставлял Алису скучать по отцу особенно сильно. Если бы он знал, какая красота ждет его дома, то не затягивал бы с возвращением.

Когда Алиса подошла к матери, взгляд той смягчился, и она, опустив корзину на землю, протянула дочери руку. Алиса приняла ее, и они молча направились к своему четырехкомнатному домику, отделанному в медовых и каменистых тонах. Комната, чтобы есть; комната, чтобы сидеть; комната для мамы и комната для Алисы и тройняшек. Слишком тесно для пятерых – но лучшего судьба предложить им не могла.

Глиняная кровля задыхалась в объятиях ползучего плюща, который сплелся с ней так тесно, что теперь его нельзя было отстричь и садовыми ножницами. Несколько побегов нахально свешивались с крыши, и мама отвела одну лозу в сторону, чтобы они могли пройти в открытую парадную дверь.

В доме царила тишина. Братья еще были в школе.

В кухне мать указала Алисе на пустой стул. Стоило той усесться, как мама заняла стул рядом и смерила дочь взглядом таким свирепым, что Алиса содрогнулась. До этой секунды она и

не представляла, какие у нее проблемы! Сердце девочки ухнуло в пятки, подпрыгнуло и вернулось на место, стукнувшись о ребра. Алиса сжала кулаки и, несмотря на краткий приступ паники, задумалась, что они будут есть на полуденник.

Мама вздохнула.

– Утром приходила миссис Ньюбэнкс.

«Дурацкая миссис Ньюбэнкс!» – чуть не закричала Алиса.

– Она сказала, что Оливер пытался с тобой связаться. Думаю, ты его помнишь.

Тишина в ответ.

– Алиса, – продолжила мать уже мягче, отводя взгляд. – Оливер прошел Сдачу в прошлом году. Сейчас ему тринадцать.

Это Алиса тоже знала.

Оливер был на год старше, так что они не должны были учиться вместе. Но он потерял год, когда ухаживал за мистером Ньюбэнксом, которого скосила лихолёдка, и в итоге оказался в ее классе. Дурацкий больной мистер Ньюбэнкс разрушил всю ее дурацкую жизнь. У дурацкой миссис Ньюбэнкс родился такой же дурацкий сынок. Дурацкие Ньюбэнксы побили все рекорды дурацкости за последние тридцать лет.

Алисе не было никакого дела до Сдачи Оливера. Да и кому было? Уж точно не ей. Если ей и следовало о ком-то беспокоиться, так только о себе.

Завтра вся ее жизнь переменится.

Алиса твердо в это верила.

Девочка скрестила руки на груди. Снова их опустила.

– Не понимаю, зачем мы ведем этот разговор, – наконец сказала она. – Я ради Оливера Ньюбэнкса и пальцами не щелкну. Может подавиться жабой.

Мама с трудом сдержала улыбку и поднялась, чтобы поставить кастрюлю на огонь.

– Разве тебе не любопытно, – спросила она, не оборачиваясь, – какое задание ему дали?

– Нет. – Алиса принялась отодвигать стул, чтобы уйти, и деревянные ножки противно заскрипели по деревянному полу.

– Алиса, сядь. – В голосе матери больше не слышалось и намека на мягкость.

Девочка обернулась в дверях и сжала кулаки.

– Нет.

– Алиса Алексис Квинсмедоу, ты немедленно сядешь на место!

– Нет.

– *Алиса…*

Она бросилась бежать.

Прочь из дверей, вдоль по дорожке, через луг и поле, мимо пруда, через мост, по холму – и вверх, вверх, вверх по самому высокому дереву в Ференвуде. Там Алиса с бешено колотящимся сердцем уселась на самую высокую ветку и решила, что не слезет, пока не умрет.

Или пока не заскучает.

Что бы ни случилось первым.

* * *

Никто не стал ее искать.

Да Алиса и не ждала, что кто-нибудь станет. Уж точно не мать – и не тройняшки, которым в десять лет было интереснее делать рогатки из носков, чем раздумывать, куда пропадает на целый день их сестра.

Она и в самом деле была неуместной.

В глубине души Алиса надеялась, что на ее поиски отправят спасательный отряд. Может, горожане объединятся в знак поддержки самой уродливой девочки в Ференвуде.

В глубине души Алиса надеялась, что мама хотя бы забеспокоится.

Но та уже привыкла, что дочь постоянно засыпает в разнообразных лесах, лугах, оврагах и сараях – и с ней никогда ничего не случается. На самом деле, она наверняка вздохнула с облегчением, поняв, что не увидит Алису до завтра. Правда, ференики она тогда тоже не увидит – но вчера Алиса насобирала ее достаточно, чтобы сегодня устроить выходной. Или истерику.

Девочка вздохнула.

С каждым годом она все отчетливее уясняла, как утомительно человеческое бытие.

Алиса свесила ноги с ветки и подалась вперед, вслушиваясь, вглядываясь, впитывая в себя мир. Отсюда ей был виден весь Ференвуд: холмы, луга, поля и покрывавшие их бесконечные переливы цвета. Красный и синий; охра и лазурь; зеленый и розовый; аквамариновый и персиковый; желтый, оранжевый, мандариновый, фиалковый… У каждого цвета был свой вкус, сердцебиение, жизнь. Алиса сделала глубокий вдох, вбирая ее в себя.

Внизу тянулись ряды аккуратных домиков, чьи окна золотились в блекнущих потоках светливня. Где-то дымили печки и исходили любовными трелями птицы. Цветы подслащивали небо разноцветными ароматами. Солнцеворот подходил к концу – а это значило, что в следующие двенадцать месяцев светливня

жители Ференвуда не увидят. Какая-то часть Алисы загодя скорбела о неизбежной утрате, скучая по солнечным струям и их мягкому сиянию, которое наделяло благородством каждый камешек и травинку. Но она не могла печалиться слишком долго; только не в этом году.

Завтра наступит ее день. Первый день весны.

После исчезновения отца Сдача стала единственной целью, к которой упорно шла Алиса. И вот этот день почти настал. Завтра облака расступятся, чтобы пролить на ее жизнь свет нового смысла. Завтра она исполнит свой триумфальный танец в будущее, которое уже ждет ее в нетерпении и предвкушении. Которое в ней *нуждается*. Выиграв Сдачу, Алиса докажет, что является полноценным гражданином Ференвуда, – и получит свой единственный шанс вырваться из мира, в котором больше нет папы.

Ее сердце почти пело от предчувствий.

Алиса поднялась на ноги, осторожно балансируя на суку, и спрыгнула, хватаясь за нижние ветки. Наконец босые ступни коснулись травы, и девочка упала под дерево, задыхаясь от скорости и восторга. До конца светливня оставалась еще пара часов, и хотя у Алисы было предостаточно времени, чтобы всласть подуться на весь белый свет, обида постепенно вытеснялась радостью.

Внезапно она поняла, что проголодалась.

По дороге Алиса срывала цветы и аккуратно складывала их в карман. Это был ее любимый способ перекусить. Конечно, она любила и орехи, и ягоды, и некоторые растения (особенно хорошо те смотрелись в супе), но цветы… Нет, цветы оставались вне конкуренции.

Алиса принялась жадно откусывать стебли и лепестки – не забывая, впрочем, смаковать вспышки вкуса. Затем она нашла ручей и пила до тех пор, пока у нее не забулькало в ушах. После этого она почувствовала полный покой и удовлетворение.

Надо бы вернуться домой. Извиниться перед мамой. Выслушать, что же та хотела ей сказать. «Будь взрослее», – напомнила себе Алиса.

И все-таки она медлила.

Дома у Алисы не было собственной комнаты. Ни своего угла, ни чувства принадлежности к этому месту. Ей отчаянно хотелось к чему-нибудь *принадлежать*. Но у такой девочки – дочери, не похожей на мать, сестры, не похожей на братьев, – не было особой надежды. Лучше всего она чувствовала себя в дикой природе, где цветам не требовалось в точности походить один на другой, чтобы жить в согласии.

В любом случае она не хотела непременно *нравиться* людям.

Довольно было того, что она нравилась сама себе, считала себя весьма интересной (а также умной, творческой, милой, забавной, дружелюбной и душевной) и искренне не понимала, почему не вписывается ни в одну компанию.

Да, помимо всего перечисленного, Алиса находила себя весьма привлекательной.

Может, ее волосы и были лишены определенного цвета или формы, но с ними не возникало никаких проблем: они не оживали по ночам, не шипели и не кусали детишек за пятки. А ее кожа, не имевшая даже слабого оттенка румянца, вполне исправно покрывала Алисины внутренности и отнюдь не была грязной, колючей или чешуйчатой.

Может, ее глаза и не могли назваться карими – в радужках плескалось лишь по капле бледного меда, – но они были большими и яркими. Да, порой они подводили Алису, но перед исчезновением отец научил ее видеть все, что нужно. К тому же эти глаза прелестно расширялись, когда Алисе требовалось убедить окружающих, что это не она дернула кошку за хвост (попробуй докажи!).

Все будет хорошо.

На самом деле, все уже почти стало хорошо – то есть она начала в стотысячный раз отрабатывать свой танец, когда (только не говорите, что вы этого не ждали!) Оливер Ньюбэнкс появился под деревом, чтобы разрушить все в третий раз за два дня.

Алиса пожалела, что не прихватила с собой лопату.

– Твоя мама сказала, что я найду тебя здесь, – произнес он вместо приветствия.

Девочка продолжила мысленно считать такты. Пальцы ног впивались в землю, бедра покачивались, руки взмывали в воздух, а юбки вращались по кругу в безупречном, однажды налаженном ритме. Звон браслетов составлял совершенную гармонию с ударами ног. Танцуя, Алиса становилась частью леса, неба… мира.

Музыка давала ей корни.

И она с каждым шагом врастала этими корнями в мягкую душистую почву. Танцуя, Алиса чувствовала ее глубинные токи, пульсации, дыхание деревьев, которое текло сквозь нее – и дальше, в самую высь. Будь ее воля, она бы никогда не остановилась. И никогда не забыла этого чувства.

– Алиса, прости меня, – сказал Оливер.

Девочка продолжала кружиться.

– Я виноват. Пожалуйста, дай мне объяснить…

Алиса резко остановилась. Юбки по инерции захлестнули

ноги. У нее вышло время и терпение, и ей не было никакого дела до того, что он собирается ей сказать – вот просто ни капельки.

Алиса шагнула к Оливеру Ньюбэнксу, сграбастала его за ворот рубашки и бесцеремонно дернула вниз, чтобы их глаза оказались на одном уровне. (Учитывая, что за год он вымахал на сажень, это было совершенно честно.)

– Чего тебе надо? – прошипела она.

Оливер был напуган – хоть и умело это скрывал. Столкнувшись с ним лицом к лицу, Алиса снова услышала песню его сердца и оказалась мгновенно захвачена ее красотой. Песней его души – и ее невероятной гармонией. Она различила ее еще вчера, но была тогда слишком расстроена, чтобы разбираться, что все это значит.

Алиса выпустила воротник Оливера и сделала несколько шагов назад. Ей больше не хотелось стоять рядом с ним.

– Пожалуйста, – произнес мальчик, складывая ладони в умоляющем жесте. – С тех пор прошла целая вечность. Я был глупым ребенком. Я этого не хотел.

Алиса смотрела на него так долго, что это стало почти неприличным.

– Ладно, – ответила она наконец.

После чего развернулась и зашагала прочь.

Она уже наполовину пересекла луг, когда Оливер догнал ее, задыхаясь от бега.

– Что значит «ладно»?

Алиса закатила глаза, хоть он и не мог этого увидеть.

– Это значит, что теперь мы можем быть друзьями?

– Определенно нет.

– Почему?

– Потому что я никогда не буду тебе доверять.

– Да брось, Алиса! Я правда не хотел…

Алиса обернулась и сузила глаза.

– То есть ты не думаешь, что я самая уродливая девочка в Ференвуде?

– Нет! Разумеется, не…

– Тогда зачем ты это сказал?

Оливер замялся.

– Ты жестокий, глупый мальчишка, – заявила Алиса, продолжая путь. – И ты мне не нравишься. Так что проваливай, и хватит уже меня донимать.

Ну вот. Теперь он отстанет.

– Не могу.

Алиса замерла.

– Что?

– Я не могу, – повторил Оливер, на этот раз со вздохом.

Когда Алиса оглянулась, мальчик смотрел на собственные руки. Потом отвел глаза.

Так вот почему мама улыбалась. Должно быть, она считала это смешным. Нет, *уморительным*.

– Алиса, – прошептал Оливер.

– Лучше молчи.

– Алиса…

Она заткнула уши и принялась напевать себе под нос.

– Алиса! – Оливер схватил ее за руки и развел их в стороны. – Алиса, мне задали… тебя.

Девочка уставилась в небо, борясь с желанием пнуть его по коленной чашечке.

– Ты бесстыжий врун.

– Я тебя люблю.

– Соболезную.

Оливер несколько раз моргнул.

– Но, Алиса… – Мальчик явно был сбит с толку.

– Тебе задали меня? Когда? Год назад? И ты год собирался с духом, чтобы со мной заговорить?

– Я… перенервничал, – промямлил Оливер. – Я этого не ожидал. Мне нужно было все обдумать… Осознать…

– Ты любишь меня точно так же, как я люблю этот пень. – И Алиса указала на трухлявый пень. – А теперь я отправляюсь домой. Премного благодарна за доставленное неудовольствие.

– Но…

– Проваливай, Оливер.

– Ладно, – сказал он, не отставая ни на шаг. Алиса видела, что он расстроен. Расстроен и в нетерпении. – Ладно… Прости меня.

И Оливер стиснул челюсти, глядя прямо на Алису.

– Я соврал. Ясно? Соврал.

Девочка, не дрогнув, вернула ему взгляд.

– И чего же ты от меня хочешь?

Оливер в смятении покачал головой.

– Как ты поняла? Никто не может раскусить мою ложь. Это мой единственный талант…

– Чего ты хочешь? – упрямо повторила Алиса.

Он глубоко вздохнул:

– Мне нужна твоя помощь.

Алиса вытащила из кармана цветок и откусила верхушку.

– Ну разумеется, – пробормотала она с набитым ртом. – Как я раньше не догадалась.

Глава следующая

Алиса нашла свободный клочок травы и уселась, веером разложив вокруг юбки. Ноги она вытянула и скрестила в лодыжках, а руки уперла в землю позади себя. Из угла рта у девочки свисала недоеденная маргаритка.

– Продолжай, – предложила она, щурясь на Оливера в потоках светливня. Без сомнения, он был симпатичным мальчишкой, но стал бы еще симпатичнее, если бы вымыл с мылом не только голову, но и мысли в ней.

Оливер запустил руку в волосы, и несколько прядей упали ему на глаза, резко контрастируя со смуглой кожей. По цвету они в точности напоминали серебристую сельдь. Алиса на мгновение задумалась, не ел ли он эту рыбу в детстве, и с трудом подавила дрожь.

Мальчик прислонился к соседнему дереву, скрестил руки на

груди и смерил Алису долгим взглядом. Она выдержала его, не моргнув.

– Это намного сложнее, чем я думал, – пробормотал Оливер.

– Да? – Алиса невозмутимо продолжала жевать стебель маргаритки.

– Как ты можешь сопротивляться силе моего убеждения?

Алиса пожала плечами.

– Как ты можешь быть таким злобным мальчишкой?

Он нахмурился.

– Я не злобный.

– Но ты по-прежнему считаешь, будто я самая отвратительная девочка в Ференвуде?

Он неторопливо обдумал ее вопрос.

– Ты должен знать, – добавила Алиса, – что я ради тебя и ногой не топну, пока ты не будешь со мной совершенно честен.

И она, вытащив из кармана тюльпан, протянула его Оливеру. Тот поморщился, покачал головой и отвел глаза.

– Не понимаю, как ты можешь есть все эти штуки.

Алиса скорчила гримасу и целиком засунула тюльпан в рот.

– Итак? – сказала она, не прекращая жевать. – Ты считаешь меня отвратительной?

Оливер покачал головой.

Алиса оцепенела.

– Нет?

Последнее слово она проговорила почти шепотом. Сердце так и бухало в груди. До этой минуты Алиса даже не осознавала, как сильно надеялась, что он передумает. Ей не хотелось быть уродливой. Ей так отчаянно не хотелось быть уродливой.

– Ты не считаешь меня отвратительной?

Оливер пожал плечами:

– Я считаю, что ты никакая.

– О…

Алиса опустила голову. Его слова жалили ей лицо: каждый слог – как крохотная змейка.

Никакая было гораздо хуже, чем *уродливая*.

Щеки Алисы залила краска, на коже расцвели красные и розовые пятна. Оливер это заметил.

– Слушай, – сказал он мягко. – Я просто старался быть честным, как ты и…

– Знаю, – ответила она чересчур громко, быстро моргая.

Не нужно было ей его сочувствие. Алиса подняла голову и, несмотря на пылающие щеки и колотящееся сердце, взглянула Оливеру прямо в глаза. Не важно, что он про нее думает, сказала себе девочка. (Даже если на самом деле это и не так. Не вполне.)

– Тогда будь честен и в остальном, – произнесла она. – Что ты тут делаешь?

Оливер вздохнул. Посмотрел на свои руки. Снова на Алису. Снова на руки. И снова на нее – на этот раз уже не отрываясь.

– Я знаю, что́ ты знаешь.

Полупрожеванная маргаритка выпала у Алисы из открытого рта.

– Боюсь, если я что и знаю, так только то, что не знаю, что ты знаешь.

– Ты не единственная видишь правду, Алиса.

– Что? – Глаза девочки расширились. – Ты… ты умеешь читать мысли? – продолжила она шепотом.

– Нет, – рассмеялся Оливер. – Я обладаю даром убеждения. А еще – способностью узнавать один факт о каждом человеке, которого встречаю.

– Серьезно?

Он кивнул.

– И что это за факт?

– Его самый страшный секрет.

Если бы Алиса уже не сидела, ей бы пришлось немедленно это сделать.

Теперь все наконец объяснилось. Симфония, звучавшая в его крови и костях; красота, заворожившая девочку накануне. Она проистекала из тайных песен и шепотков каждой души, которую встречал Оливер на протяжении вот уже тринадцати лет.

Это было поразительно.

– Ладно, – сказал мальчик, явно чувствуя себя более свободно. – Я был с тобой честен. Взамен мне нужна твоя помощь.

– Сядь, – велела Алиса, указывая на землю рядом с собой.

Оливер подчинился.

– И давно ты знаешь?

– Знаю что?

– Ну… Это самое… – И Алиса сделала замысловатый жест рукой, который не обозначал ровным счетом ничего.

Оливер тем не менее ее понял.

– С той минуты, как тебя увидел.

– Почему же ты молчал? Почему рассказал об этом только сейчас?

– Потому что, – и он вздохнул. – Со дня Сдачи прошел почти год, а я до сих пор не выполнил свое задание. Это уже кажется невозможным.

– Но если я тебе помогу… Это ведь будет жульничество?

– Никто не узнает.

– Если только я не расскажу, – нахмурилась Алиса.

– Не расскажешь.

Девочка вскочила на ноги.

– Оливер Ньюбэнкс, – начала она потрясенно, – за всю свою жизнь я солгала ровно три раза – и совершенно точно не буду лгать в четвертый ради тебя. Если ты думаешь, что можешь меня запугать и втянуть в какую-то противозаконную магию – в которую я, между прочим, даже не верю, – то тебе, должно быть, ананас упал на голову.

– Эй, эй! – запротестовал Оливер, тоже поднимаясь на ноги. – Никто от тебя не требует никакой магии. Ясно?

Алиса недоверчиво прищурилась. Мальчик вздохнул и пожал плечами.

– Как бы там ни было, ты наверняка передумаешь, когда узнаешь, что я могу тебе предложить.

– Не передумаю.

– Передумаешь, – ответил Оливер. – Потому что предложить я тебе могу кое-что очень ценное.

– Тебе нечего мне предложить, ты, огурец-переросток!

Оливер смерил девочку внимательным взглядом.

– Алиса, – сказал он, – я знаю, где твой отец.

* * *

– Ох.

Алиса почувствовала себя марионеткой, которой вдруг перерезали нитки. Девочка снова опустилась в траву, оглядываясь с таким видом, будто забыла, где находится.

– Ох…

– Ты поможешь мне, – повторил Оливер, наклоняясь к ней, – а я помогу тебе. Все просто.

Алиса не могла этого доказать, но она всегда знала, что отец жив. Да, она оплакивала его утрату, но ей бы и в голову не пришло оплакивать его смерть, потому что она была уверена – абсолютно, совершенно уверена, – что однажды его найдет. Папа просто ушел. Куда-то. Где-то он есть!

Однако ей нужно было удостовериться.

– А что, если ты врешь? – прошептала она, глядя на Оливера глазами размером с подсолнухи.

– Ты бы уже знала, – ответил мальчик, очевидно удрученный этим фактом.

Это и в самом деле было так. Она бы уже знала.

Через неделю после исчезновения отца Алиса совершила самую большую сделку в своей жизни. В то время ее сбережения

составляли семь финков – не хватало одного финка до стоппика, – и она потратила их все, чтобы дать магический обет: до тех пор, пока с ее губ не слетит ни одна ложь, никому не удастся ее обмануть или одурачить. Только так она могла быть уверена, что рано или поздно найдет отца. Что никто не собьет ее с пути.

(Должна заметить, что, хотя в Ференвуде было в порядке вещей тратить финки и стоппики на сиюминутные фокусы и причуды, поступок Алисы, несмотря на всю его романтичность, представляется мне чрезвычайно непрактичным. В конце концов, она потратила целых семь финков! Впрочем, мы не можем винить девочку, которая пыталась вернуть хоть какой-то контроль над своей жизнью, правда? Но я отвлеклась.)

– Ох, Оливер, где же он? – вдруг спросила Алиса. Руки ее тряслись, сердце неслось вскачь, а голову переполняли страхи и надежды. – Куда он ушел?

– Не так быстро, – ответил мальчик, поднимая ладонь. – Сначала мы выполним мое задание, а потом вернем тебе отца.

– Но это нечестно…

– Это все, что я могу предложить.

– Нам обоим есть что терять, – возразила Алиса. – Если ты не выполнишь задание…

– Я знаю. – И Оливер смерил ее таким взглядом, что она умолкла. – Знаю, что случится, если я не справлюсь. Необязательно произносить это вслух.

Алиса как раз и собиралась произнести это вслух, когда осознала одно ужасное обстоятельство – и в отчаянии привалилась к дереву, причитая: «О нет, о нет!»

– Что? – Оливер старательно делал вид, что ему не интересно. – Что такое?

– Завтра, – простонала Алиса. – Завтра первый день весны!

– И что с того?

– А то, – ответила Алиса, закипая. – Завтра я сама получу задание!

– Тебе уже двенадцать? – удивился Оливер. – Я думал, девять.

Алиса предпочла пропустить это замечание мимо ушей.

– Что, если мне поручат поймать дракона, как Фэнни Бердфинску? Или отправят к звездам, как Сэлли Содкрайер? Или скажут целый год подковывать коров серебряным пенни?

– Глупости, – бросил Оливер. – Никто тебя не заставит подковывать коров серебряным пенни. На худой конец – золотым никелем, или…

– Или мне велят объезжать диких коз! Ох, Оливер, тогда я не смогу тебе помочь.

– Ладно, – сказал он, потирая лицо ладонями. – Я понял.

Едва родившиеся надежды Алисы были разбиты вдребезги. Их осколки аккуратной стопочкой лежали у ее ног.

– Если только… – вдруг начал Оливер.

Алиса подняла на него несчастный взгляд.

– Если только… – повторил мальчик и умолк.

– Продолжай.

Оливер с сомнением на нее покосился.

– Если только ты не откажешься от Сдачи.

Алиса судорожно вздохнула.

Отказаться от Сдачи было выходом, который выходом вовсе не был. Сдача была ее единственным шансом доказать, что она чего-то стоит, и заставить наконец вращаться шестеренки собственного бытия. Каждый ребенок в Ференвуде рос в предвкушении своего уникального задания, личного приключения и главного вызова в жизни.

Алиса мечтала об этом шансе двенадцать лет.

Да, на вид она могла отличаться от прочих горожан, но ее сердце было сердцем истинного ференвудца, и она имела право на задание, как и любой другой. Она шла к этому дню через весь младшерост, среднерост и домашнее обучение с мамой – к тому заветному часу, когда она, несмотря на все свои странности, сможет хоть в этой малости сравняться со сверстниками.

Если она упустит свой шанс, это разобьет ей сердце.

Как разбило ей сердце исчезновение отца.

Святые прянички, она совершенно не представляла, что делать.

* * *

Алиса потерянно брела к городу. Она и сама понятия не имела, почему выбрала этот путь, но сегодня у нее выдался чрезвычайно странный день, и она просто не могла сейчас отправиться домой. К тому же она ходила этой дорогой не так часто. Каждый визит в город становился для девочки болезненным искушением. Там можно было найти (и купить!) столько интересного – но с единственным финком в кармане Алисе оставалось в основном разглядывать и вздыхать.

Теперь девочка шагала по знакомым тропинкам, которые перетекали в мощенные булыжником улочки, без обычного предвкушения. Погруженная в свои мысли, она машинально переступала узловатые корни, обходила спящих пичуг и то и дело прислоняла отяжелевшую голову к какому-нибудь дереву. Вскоре

она перестала замечать, где находится и куда направляется. Пообнимавшись пару минут с очередным деревом, Алиса вздохнула и уже собиралась продолжить путь, как вдруг ее внимание привлек какой-то шорох. Оглядевшись, девочка обнаружила и виновника: городская газета беспомощно хлопала бумажными крыльями, зажатая в пальцах переплетенных ветвей. Алиса привстала на цыпочки, высвободила газету и без особого интереса просмотрела новости на первой странице. Кто-то предлагает вареный картофель по пять финков за мешок. Городскую площадь готовят к церемонии Сдачи, приносим извинения за доставленные неудобства. Не видел ли кто карликовую козу мистера Персифаля? Зейнаб Тинксер продает лимонное каноэ за пятнадцать тинтонов.

От последнего объявления у Алисы расширились глаза.

Пятнадцать тинтонов! Да она в жизни не видела столько магии – и даже не представляла, что делать с такой уймой. (Глупости, конечно. На самом деле еще как представляла. Алиса потратила бы все до последнего финка, чтобы найти папу.) Девочка снова подумала, как славно было бы поскорее вырасти, начать зарабатывать самой и перестать зависеть от переменчивых щедрот матери.

Алиса сложила газету и сунула ее под мышку.

В Ференвуде редко происходило что-то, достойное сводки новостей; всё всегда было предсказуемо хорошо. Правда, недавно город потрясла нежданная беда: особенно яростный порыв ветра унес с поля нескольких поросят – но с тех пор прошла добрая неделя. Самой большой трагедией Ференвуда стало исчезновение Алисиного папы три года назад. Эта новость была одновременно и самой странной: никто из жителей города в жизни не покидал его границ.

Алиса тоже никогда не выезжала за пределы Ференвуда. И никто из ее знакомых ребят. Единственным исключением в размеренной жизни ференвудцев становилось традиционное задание – но, выполнив его, все они непременно возвращались домой. Городок был с трех сторон окружен морем, и чтобы выбраться в большой мир, им приходилось огибать Феннельскайн – в котором, как я уже упоминала, ни один из них не был по очевидным причинам. (Здесь нужно сделать оговорку, что лично мне эти причины отнюдь не очевидны, но за все время наблюдения за Ференвудом мне так и не удалось добиться хоть сколько-нибудь вразумительного ответа, почему ференвудцы с таким упорством избегают встреч с соседями. Боюсь, этот ответ оказался бы весьма банальным: например, они считают Феннельскайн невыносимо скучным, – хотя утверждать наверняка

я опять-таки не возьмусь.)

Однако главная причина, по которой никто из ферeнвудцев не покидал города, заключалась в том, что для выживания им была необходима магия. Отец ушел три года назад – такой срок считался в Ферeнвуде смертельным. Едва ребятишки осваивали язык, родители принимались твердить им, что уйти из города – значит обречь себя на верную гибель. Они питались магией, дышали ею; магия составляла саму суть их бытия. Отношения ферeнвудцев с землей представляли собой полный симбиоз: горожане мирно жили среди грядок и деревьев, а те взамен обеспечивали их всем необходимым. Зерна магии, от рождения укорененные в обитателях Ферeнвуда, заботливо взращивались землей, которую они удобряли и вспахивали.

Без земли им было не выжить.

Именно в этом заключалась главная беда, боль и правда, которая делала потерю отца столь безнадежной: за пределами Ферeнвуда магии не было. По крайней мере, достоверно о таком никто не слышал. Конечно, ходили слухи, что есть и другие, далекие волшебные земли, – но людям только дай почесать языками, правда? Слухи рождаются от скуки, а подобная чепуха – от безрассудства. Что до Ферeнвуда, все его жители предпочитали полагаться на проверенные знания, а не выдумки и догадки. Они вообще не очень одобряли выдумки. По крайней мере, так полагала Алиса – хоть и не имела тому прямых доказательств. Утрата отца подточила благоразумие девочки, и теперь она была готова поверить в любую чепуху, способную его спасти, – даже если это делало ее непростительно странной в глазах окружающих. Может, отец нашел другой оазис магии; может, он еще жив. Может, он до сих пор ищет дорогу домой.

В глубине души Алиса жила в эпоху до появления надежных карт, уличных знаков и нумерованных домов. В глубине души она жила в эпоху, когда шагнуть за порог значило сказать «до свидания», а не «прощай»; когда разлука дарила надежду на новую встречу.

Видите ли, кроме надежды, у Алисы ничего не было – но с нею она могла взобраться на любой холм и переплыть океан.

* * *

Центр города всегда повергал Алису в шок – независимо от того, сколько раз она там бывала, – и я не могу сказать, что виню бедную девочку. Там было чему удивлять. Бесконечная вереница мощных зданий всем своим видом свидетельствовала о

прекрасном знании геометрии. Дуги, выгибаясь, снова сходились в прямые линии; дома венчали черепичные треугольники, волны или купола – в зависимости от того, какого головного убора требовали монументальные стены. Что же до самих стен, они были щедро украшены треугольной, восьмиугольной и звездчатой плиткой. Завитые спиралями кирпичные трубы уходили прямо в небо, двери не уступали в высоте стенам, а цвета – вы уже догадались, да? – были яркими, сочными и дробились на множество оттенков. (Случайному прохожему могло бы показаться, что вся эстетика Ференвуда служит наглядным ответом на один вопрос: «Сколько красок уместятся на квадратном метре?») В расположении улиц тоже нельзя было усмотреть какой-либо логики, кроме стремления наилучшим образом подогнать друг к другу здания разных оттенков. Те же напоминали диковинные цветы, по прихоти светливня проросшие из ференвудской земли.

Семья Алисы была одной из немногих, которые жили в пригороде. И хотя порой ей было трудновато взбираться на гребни холмов и ловить неверное эхо последних новостей, такая удаленность от города позволяла избегать встреч с бывшими однокашниками и носатыми взрослыми, которые каждое утро проталкивались сквозь гомон толпы. В большинстве случаев Алиса получала искреннее удовольствие от этих вылазок в центр мира, но, даже опьяненная восторгом, никогда не забывала своего места в нем.

Девочка шагнула на булыжную мостовую и позволила звукам и запахам городской жизни накрыть себя с головой. Ференвуд купался в последних лучах светливня, под окнами качали пестрыми головками цветы, где-то звонили колокола и перекликались со своих крылечек старые друзья. Отцы прогуливались под руку с матерями, а те окликали «Спокойней, спокойней!» бойких детишек, завороженных уличными лотками и их громогласными хозяевами. Глядя на них, Алиса особенно отчетливо ощущала вес последнего финка в кармане. Как бы ей хотелось тоже пройтись по улице за руку с папой!

Впрочем, не важно.

Алиса накрыла ладонью кулак, в котором зажала монетку, и принялась пробираться через толпу. Девочка была уже достаточно высокой, чтобы видеть, куда идет, но все еще слишком маленькой, чтобы поминутно получать локтем по уху или чьим-нибудь подолом по щеке. Вокруг то и дело сверкали серебряные ковшики продавцов специй, и вскоре Алисе начало казаться, будто она плывет в огромном облаке кокосовой стружки, шелковистой мяты и шафрана.

Возле входа в «Асал Масал и Волшебный чай» творилось настоящее столпотворение: всем желающим предлагали продегустировать чай, увеличивающий рост минимум на четыре сантиметра. Особенным спросом он пользовался у младшеростников. Ребята постарше рылись в богато украшенных коробках с временными чарами:

ПЯТЬ ФИНКОВ, ЧТОБЫ ВЛЮБИТЬСЯ
СЕМЬ ФИНКОВ, ЧТОБЫ УДЛИНИТЬ ВОЛОСЫ
СТОППИК, ЧТОБЫ СТАТЬ НЕВИДИМЫМ

Старшее поколение в это время отдыхало на веранде за столиками, украшенными замысловатыми узорами из цветного стекла. Некоторые леди и джентльмены, чей преклонный возраст извинял подобные прихоти, с улыбкой попыхивали сусальными трубочками. Когда они смеялись, изо рта у них вылетали клубы голубого, алого и пурпурного дыма. Проходя мимо, Алиса шмыгнула носом, и голова ее сразу наполнилась горячей ароматной тяжестью. Девочка невольно улыбнулась и уже не в первый раз подумала, как славно будет поскорее вырасти и заняться более интересными вещами.

Но Алиса продолжала проталкиваться к «Ширини Фирини» – лучшему в городе магазину сладостей, – и никакая на свете сила не смогла бы ее остановить. Девочка преодолела мягкую гору ковров ручной работы (каждый – в своих цветах и узорах) и лишь на пару секунд замедлилась перед лотком с теплыми, только что испеченными караваями. Запахи золотистой, замешанной в самых невообразимых формах выпечки так вскружили Алисе голову, что она чуть не врезалась в толпу горожан, которые решили попрактиковаться в хоровом пении прямо посреди улицы. Алиса отскочила в сторону как раз вовремя, чтобы не попасться на глаза Дэниелу Рубину: тот переходил дорогу, чтобы присоединиться к певцам. Девочка едва удержалась от гримасы.

Все мы кому-то завидуем, верно?

Для бесцветной Алисы Дэниел Рубин представлял собой воплощенный кошмар. Это был самый яркий двенадцатилетка, которого девочка только знала: роскошные черные волосы, глубокие чернильные глаза и кожа цвета ночных сумерек, для которой природа смешала сангину, охру и корицу. Он *обладал* цветом – и умел его носить. Даже свои лучистые глаза он подводил темной краской, отчего Алиса совершенно теряла присутствие духа. Она слышала шепотки; она знала слухи. Горожане бились об заклад, что в этом году Дэниел выиграет Сдачу: без сомнения, столь красочный человек должен быть и

самым магически одаренным. В глазах Ференвуда у Алисы не было ни шанса.

Ну и пожалуйста. Завтра они увидят, как ошибались.

Алиса сжала кулаки и бросилась в гущу толпы с такой яростью, что чуть не сшибла стайку девочек, которые красили ногти хной. На секунду Алиса оцепенела, страстно желая оказаться в их компании, – но потом опустила голову и строго напомнила себе, что ее возможности ограничены одним финком. Когда девочка наконец добралась до «Ширини Фирини», то еле дышала от усталости. Поход в город всегда был рискованным предприятием, но ей следовало дважды подумать, прежде чем соваться в центр сегодня, накануне Сдачи. Весь Ференвуд дрожал от предпраздничного возбуждения; должно быть, торжества продлятся до конца недели. На крыльце магазина Алиса оглянулась на небо – до наступления темноты оставалось всего ничего.

Едва девочка переступила порог, ее окутало густое сахарное облако. На целых три секунды в ее сердце воцарилась божественная легкость, а в мыслях – розовое видение, как она бросается на прилавки и сгребает полные пригоршни сладостей. Алиса понимала, что все это – магия сахарной пыльцы, но все же позволила себе на мгновение поддаться ей, прежде чем единственный финк в кулаке напомнил хозяйке о суровой правде. Алиса помотала головой и обвела прилавки уже более трезвым взглядом. Одна монетка не давала ей особого выбора, но она все же хотела осмотреться и приценяться.

С потолка свисали круглые стекляблоки; леденцы-трости продавались связками по три; в витрине поблескивали банки со сливишневым вареньем; из деревянных кувшинчиков выглядывали крыжовниковые ириски. Еще там были замороженный изюм и гранаты, корзины с листьями из золотого фигурного шоколада и десятки бочонков с абрикосовым медом, который шипел на языке. Рассматривая их, девочка еще сохраняла остатки самообладания – но потом углядела подносы с *зулзулами* и не смогла сдержать тоскливого и влюбленного вздоха. Зулзулы представляли собой спирали нежно обжаренного теста, вымоченные в меду и покрытые засахаренными лепестками роз. Когда бы вы ни спросили Алису о ее любимом лакомстве, она бы уверенно указала на них. (Разумеется, это было бы неправдой, потому что Алиса в жизни не пробовала ни одного зулзула. Но она вполне могла *вообразить* их вкус, и этого в каком-то смысле было достаточно.)

Наконец девочка с неохотой вытащила из маленького пластикового бочонка единственный чуденец и пообещала себе,

что однажды непременно вернется сюда с карманами, полными стоппиков и финков, и купит себе все, что пожелает.

Однажды. Непременно.

Теперь, когда ее главная задача была выполнена, Алиса поспешила домой. Солнце почти село, а девочка не представляла, что с ней сделает мама, если она снова вернется по темноте.

Она ныряла из переулка в переулок, закладывала крутые виражи вокруг прилавков со специями и проскальзывала между вешалок с юбками. Она огибала торговцев, чудом избегала столкновения с прохожими и лишь изредка вскидывала голову, чтобы бросить взгляд на свои любимые витрины. «Стежок за шажок» продавал самошвейные иглы по три финка за упаковку, и Алиса мгновенно выбросила эту информацию из головы. Сабзи, местный бакалейщик, торговал лимонными плетенками по два финка за фунт, и этот факт Алиса положила на мысленную полку с ярлыком «для мамы». Но потом девочка заметила, что в «Переплет» – лучший книжный магазин в городе – завезли новые книги, и невольно сбилась с шага. Девочка затормозила так резко, что чуть не упала, и, отбросив благоразумие, жадно приникла носом к витрине. Первым делом она заметила за стеклом небольшую группу людей, столпившихся вокруг мужчины с опрятной бородкой. Он носил сразу несколько пар очков и тунику на три размера больше нужного, и Алиса догадалась, что это автор, представляющий новую книгу. Девочка вывернула шею, чтобы прочесть название томика у него в руках – «Рождение стоппика: проникая в умы Фенжуна Хартвезера и Сальды Миллердон, величайших чудопашцев в истории Ференвуда», – и разочарованно вздохнула.

Алиса никогда особенно не интересовалась историей чудопашества. Она находила это занятие невыносимо скучным и, если говорить начистоту, даже неприятным – поскольку опасалась, что в один ужасный день оно станет и ее участью. Всю свою недолгую жизнь Алиса страшилась бесславной судьбы под знаком мотыги и плуга. Чудопашество было почетным, но чрезвычайно безочаровательным делом, и Алиса многое бы отдала, чтобы оказаться по ту его сторону – например, преобразовывать сырую магию во что-нибудь полезное людям.

Она уже собиралась продолжить путь, как вдруг вспомнила, почему остановилась. На витрине были выставлены две книги: «Сдача, задание и долгий путь домой: как отпустить ребенка во взрослую жизнь» и «Чемпионы прошлых лет: вспомним наших ференвудских героев».

Глаза Алисы увеличились по меньшей мере вчетверо, и она, ураганом влетев в магазин, бросилась к книгам на витрине. С

дрожащими руками и отчаянно бьющимся сердцем девочка схватила экземпляр «Чемпионов» и провела пальцем по обложке, с которой, в небольшой компании других городских героев, улыбался папа – тоже двенадцатилетний, сияющий от гордости. Победитель Сдачи тридцать лет назад.

Алиса всегда помнила, что папа был Чемпионом. Он заслужил этот титул благодаря живости ума и способности удерживать и воссоздавать даже сложные образы. Ему дали задание обойти весь Ференвуд и стать его первым настоящим картографом. Он должен был вместе со Старейшинами создать набор точных и удобных карт, которые украсили бы любой дом и сделали путешествия по городу легкими и безопасными. Папина работа оказалась столь выдающейся, что его попросили остаться со Старейшинами даже после ее завершения. Это было обычным делом для Чемпионов, которые считались самыми магически одаренными представителями своего поколения. Но папа был не просто Чемпионом. Он был другом Ференвуда. Его все любили. Ходили слухи, что однажды он и сам станет Старейшиной. Но вместо этого он ушел, и ни одна живая душа не знала почему.

* * *

Когда Алиса наконец добралась до дома – прямо перед наступлением темноты, – мама заваривала чай. Девочка проскользнула в открытую дверь. В кармане у нее лежала сладкая тайна – бережно завернутый в бумагу чуденец, припасенный для особого случая. Алиса неделями ждала возможности потратить этот последний финк и теперь вполне примирилась с потерей всех сбережений. Тройняшки ели яблониковое варенье прямо из банки; их круглые мордашки и пальцы были усеяны фиолетовыми пятнами. Мама передвигалась по кухне, напевая под нос какую-то мелодию, и хотя Алиса стояла прямо перед ней, она смотрела сквозь дочь, будто той здесь вовсе не было.

Ну и ладно.

Алиса была расстроена и устала до смерти, а потому просто плюхнулась на свой стул и устроила подбородок на скрещенных руках. Сегодня ничто не смогло бы смыть тяжесть мира с ее плеч – даже полные щеки сладостей. Алиса рассеянно подумала, что миру не помешало бы сбросить пару фунтов. Ей отчаянно требовалось найти отца, и так же отчаянно – получить задание. Днем она так и не смогла прийти ни к какому решению, оставив вопрос Оливера висеть в воздухе над лугом.

Чтобы найти папу, ей нужно было довериться Оливеру.

Принести свое будущее в жертву ради спасения *его*. И это все равно ничего не гарантировало. То, что она могла видеть ложь, не значило, что ей стоит без оглядки доверять человеку, который ее уже однажды предал.

Алиса выбралась из-за стола и направилась в спальню, радуясь, что братья еще какое-то время будут заняты на кухне. В этой комнате ей принадлежал лишь один маленький уголок, и он находился под землей.

Алиса прятала всю свою жизнь в подполе спальни. Книги и безделушки, одежду и цветы – все драгоценности, которыми владела.

Девочка, стараясь не шуметь, вынула несколько деревянных половиц и осторожно достала свой наряд на завтра. Она работала над ним два года, аккуратно подшивая стежок к стежку, лоскуток к лоскутку. Четыре юбки, блуза с рукавом до локтя, жилет и короткая курточка-безрукавка. Их дополняла вязанная вручную шапочка, отделанная желтым тюлем и расплющенными оловянными монетками. Алиса месяцами окрашивала и украшала блеклые ткани: вышивала цветы, складывала в причудливые узоры бисер и блестки и приделывала к подолу крохотные зеркальные осколки – так, чтобы юбки переливались при каждом шаге. Теперь на коленях у нее пылал настоящий взрыв цвета, отягощенный всем вложенным в него трудом. Алиса даже знала, какие цветы вплетет завтра в косу.

Знала, что будет неотразима.

Она произведет на Старейшин такое впечатление, что им ничего не останется, кроме как присудить ей первое место – и поручить лучшее задание. Она станет городским героем, как отец тридцать лет назад, и заставит свою семью гордиться. В этом не может быть и тени сомнения.

Вся жизнь ференвудских детей была подготовкой к Сдаче. Каждый ребенок рождался с уникальным магическим талантом; задача родителей и наставников заключалась в том, чтобы выявить и развить этот талант – и в конце концов представить его на церемонии Сдачи. Это была демонстрация чистого, пока не отшлифованного дара; от ребенка требовалось наглядно показать, чем его талант может быть полезен городу – потому что самые одаренные получали самые лучшие задания. Лучшие приключения.

Алиса выросла с мечтой об этом дне.

Но ей не требовалась помощь учителей: природу своего дара она обнаружила сама. Много лун назад отец подсказал ей, что делать. Может быть, он не понял этого сам – зато поняла она.

– Слышишь? – спросил он однажды ночью. Они стояли под

звездным небом.

– Слышу что? – не поняла Алиса.

– Музыку.

– Какую музыку?

Отец закрыл глаза и улыбнулся луне.

– Алиса, Алиса, – прошептал он. – Открой сердце. Навостри уши. И никогда не отказывайся, если мир просит тебя станцевать.

Той ночью они заснули в обнимку в траве – она и папа, не произнеся больше ни слова. Алиса слушала, как оживает под ней земля: поет ветер, шепчет трава, шлепают мокрыми лапами озера. Деревья потягивались ветками, цветы зевали лепестками, готовясь отойти ко сну, и даже звезды мигали часто-часто, будто борясь с подступающей дремотой. Слушая мир, Алиса стала свидетелем его потаенного сердцебиения. Ни разу в жизни она не чувствовала себя такой настоящей.

С тех пор, когда отец спрашивал, слышит ли она музыку, Алиса всегда точно знала, что он имеет в виду. И никогда не отказывалась, если мир просил ее станцевать.

* * *

Подняв голову, Алиса увидела в дверях мать. Та не выглядела расстроенной, хотя по-прежнему держала руки скрещенными на груди.

– Готова? – спросила она, кивая на парадные юбки Алисы.

– Думаю, да, – тихо ответила девочка, гадая, что сказала бы мама, узнав об эгоизме дочери. Узнав, что задание Старейшин для нее оказалось важнее поисков отца.

Мама никогда бы ее не простила.

– А что, если мне придется уехать из Ферeнвуда? – спросила Алиса, вдруг расчувствовавшись. – Как ты будешь тут без меня? Как справишься?

– Ничего страшного, – ответила мама, разглаживая подол передника и не отрывая от него взгляда. – Я уже несколько месяцев делаю запасы ягод.

Позже Алиса раздумывала, поняла ли мама, как сильно ранила ее в тот вечер. Она ответила на вопрос, который Алиса не задавала. Она думала, мама скажет, что будет по ней скучать, что ей будет горько расставаться с дочерью. Она вовсе не спрашивала про ягоды.

Только тогда Алиса поняла, как мало на самом деле нужна маме.

Она не имела никакого отношения к этому маленькому дому,

где у нее даже не было собственной комнаты, а все ее пожитки пылились в подполе. Теперь Алиса отчетливо видела: мама не станет по ней скучать, пока у нее не кончатся запасы целебных ягод. Эта мысль наполнила ее страшным одиночеством. Отец бросил ее три года назад, а мама – в каком-то смысле – сейчас. Теперь Алиса осталась сама по себе, наедине с твердым знанием: что бы ни случилось дальше, она никогда не простит себе отказа от Сдачи. И до последнего дня жизни будет жалеть, что упустила единственный шанс переломить свою судьбу.

Значит, решено. Завтра она будет танцевать.

(А Оливер Ньюбэнкс может поцеловаться с дикобразом. Алиса прекрасно отыщет отца сама.)

Я и не думала, что в этой книге столько глав!

Утро пришло на цыпочках – бесшумно проросло из горизонта серыми и золотыми побегами. Небо было раскрашено с величайшей любовью и тщанием, и Алиса выскользнула из дома, чтобы полюбоваться, как оно расцветет.

Теперь она сидела на вершине самого высокого холма, с которого был виден весь Ференвуд. Дремлющие дома сонно шмыгали трубами, выдувая мягкие облачка дыма; задернутые занавесками окна поблескивали в лучах солнца. Небо с землей обменялись первыми за день дарами: зеленые лезвия трав алмазно сверкали росой и потягивались, еще не до конца проснувшись, к рассветной выси. Пока бесцельно прогуливались

по лугу пчелы, где-то пекся хлеб, птичьи трели обвивали стволы деревьев. Мир пах теплым фиалковым чаем, свежеумытым лицом и чем-то сладким. Алиса улыбнулась и подставила руки ветру.

Воздух был прохладным, но в тех местах, где его коснулось солнце, уже плыло весеннее тепло, и Алиса попыталась ухватить эти островки невидимого золота. Стоило девочке шевельнуться, как ее юбки вспыхнули отраженным светом. В животе заурчало, и Алиса, недолго думая, сорвала один одуванчик и сунула в рот.

Вот она и дождалась.

Сегодня ей предстоит состязаться со всеми двенадцатилетними ребятами в городе. Восемьдесят шесть подростков выстроятся перед Старейшинами, принося в дар Ференвуду свои таланты. Взамен они надеялись удостоиться задания, которое изменит их жизни и ход истории.

По правде говоря, получить его уже считалось большой удачей. В городе не принято было говорить о детях, которые оказались столь бесталанны, что Старейшины не рискнули поручить им никакого задания вообще. Ференвудцы предпочитали обсуждать лишь славные подвиги – и детей, которым предстояло их совершить. День Сдачи становился величайшим празднеством магии, и Алиса, которая отчаянно не хотела быть *никакой*, возлагала на него все мыслимые и немыслимые надежды.

Этот день возместит ей все, чего она была лишена долгие годы.

Девочка встала и бережно разгладила юбки. Каждый стежок наполнял ее законной гордостью. На самом деле, она впервые в жизни радовалась одежде.

Пусть даже ее никто и не видел.

Алиса покинула дом, когда мать и тройняшки еще спали. Ни приветствий, ни прощаний – лишь быстрый шаг через порог, отделивший Алису от ее прежней жизни. Это тихое утро могло оказаться последним, выпавшим на ее долю в Ференвуде, и Алиса хотела, чтобы оно принадлежало только ей.

«С днем рожденья меня», – подумала девочка. Теперь ей было ровно двенадцать лет.

Алиса запетляла по тропинкам, ведущим к городской площади: юбки зажаты в руках, браслеты на запястьях и лодыжках выводят собственную счастливую песенку. Эта дорога была у нее одной из любимых.

По обочинам, словно стражи, вставали зеленые побеги.

Сельдеревья, яблониковые кусты и заросли лайма ростом с нее саму дружно раскачивались в знакомом девочке ритме. Ноги пружинили в теплой мягкой пыли. Наконец сердце Алисы

пропустило понятный только ей удар, и она остановилась как вкопанная, зарывшись пальцами ног в придорожную грязь и запрокинув голову к небу. Отсюда открывался прекрасный вид на площадь – вид, от которого у нее всегда перехватывало дыхание.

В Ференвуде было много высоких деревьев, но не так уж много высоких мест – и главная площадь считалась среди них высочайшим. Хотя вокруг теснилась масса деревьев (чернильных, ночных, падательных и взбирательных, ягодных, ореховых, цветочных и одичалых), чрезвычайно разнообразных по цвету (каштановых, малиновых, даже темно-синих) и виду (одни вместо коры обросли розовой галькой, другие по ночам сбрасывали апельсины), главная площадь все равно превосходила их высотой и великолепием.

Городские здания были понятным образом зачарованы – и к жизни их вызвали именно кисти художников. Переливы и завихрения цвета, вроде бы несочетаемые, мирно соседствовали по воле всемогущих мастеров. Краски плавили стены и обрушивались на двери. Оранжевый и фиолетовый многократно обвили купол-луковицу, уютно сидящую на величественном золотом здании – это была здравница. Желтый и зеленый, чередуясь с сапфировым и серебряным, издалека привлекали внимание к школе. Полосы пламенно-синего, оттененные нежнейшим бело-розовым, расцвечивали крышу здания суда, которая по форме напоминала рожок с мороженым.

В лучах рассветного солнца Ференвуд выглядел особенно восхитительно.

Алиса закрыла глаза и глубоко вздохнула. Отец научил ее любить этот город, и она искренне хотела, чтобы его жители ею гордились.

Небо радовало взгляд пронзительной синевой и рассеянными облаками – тоже в предвкушении большого дня. Алиса знала, что стоит церемонии окончиться, как тучи снова сойдутся, чтобы пролить на Ференвуд свою благодатную влагу. Дождь означал обновление, и жители города приветствовали его всей душой – тоже сделанной из воды.

Когда их мир только был сотворен, он оказался так хорош – разнообразен и красочен, – что небо плакало целую сотню лет. Слезы великого счастья и невыразимой скорби наводнили землю, размыли ее на материки и образовали реки и озера, моря и океаны, существующие до сих пор. Это были слезы радости, но и печали тоже – печали, что никто никогда не сможет по достоинству оценить такую красоту. Тогда, как гласит легенда, из слез неба родились люди, впоследствии ставшие жителями Ференвуда.

Сдача была их благодарностью.

Достигнув двенадцати лет, они *сдавали* миру себя и свой талант – и получали взамен задание, цель, которая всегда заключалась в помощи нуждающимся. Возвращая небу этот древний долг, они взрослели.

Так начиналась их настоящая жизнь.

* * *

Я не хотела упоминать об этом раньше, но Оливер Ньюбэнкс стоял по левую руку от Алисы целых четырнадцать минут, прежде чем решился выйти из тени и дернуть ее за косу. Долг рассказчика обязывает меня сообщить также тот факт, что в ответ она его ущипнула – причем довольно болезненно.

Оливер завопил и пошатнулся, едва удержавшись на ногах. Затем он торопливо закатал полу рубашки, чтобы проверить тяжесть ранения, и произнес несколько слов, которые вполне приличествовали ситуации, но включить их в эту книгу я все-таки не рискну. Алиса тут же демонстративно отвернулась, не желая ни разглядывать его голый торс, ни слушать беспочвенные обвинения в жестокости.

– Может, заткнешься уже? – спокойно попросила она наконец. – Такой момент испортил.

И она кивнула на солнце, медленно ползущее к зениту.

– Алиса, – нетерпеливо начал Оливер, – ты должна дать мне ответ. Ты обещала, что примешь решение утром накануне Сдачи, а она почти настала.

Алиса устремила взгляд за горизонт, по-прежнему избегая смотреть мальчику в глаза. Она и сама не знала, почему, но на крохотную долю секунды ей стало жаль его разочаровывать. Алиса подавила это чувство.

– Боюсь, я не смогу тебе помочь, – сказала она тихо. – Этот день для меня слишком важен. Я знаю, что папа понял бы мое решение.

Оливер казался искренне удивленным. Да что там – его глаза расширились, брови сложились домиком, а рот раскрылся в немом возгласе изумления, которому не требовались слова.

– Ты не серьезно, – прошептал он. – Алиса, пожалуйста… Ты же не серьезно?

– Боюсь, более чем серьезно.

– Но твой отец…

– Не волнуйся, я отыщу его сама.

– Но я *уже* знаю, где он! – Оливер почти сорвался на крик. –

Если бы я захотел, то пошел бы к нему прямо сейчас!

Алиса вперила в него сумрачный взгляд.

– Так что же не идешь?

Оливер с трудом сглотнул.

– Ты гнилой человек, – сказала Алиса, – раз дразнишь меня отцом, как чуденцом на палочке. Ты даже не можешь вернуть его семье, не требуя ничего взамен.

– Эй, я…

– Не будет у нас с тобой никаких дел, – перебила она мальчика. – Будь у тебя хоть половина сердца, ты бы уже сказал мне, где папа. Что же, у меня есть вся жизнь на поиски.

– Да ты шутишь, – пробормотал он.

– Хорошего дня, Оливер Ньюбэнкс. И удачи тебе с твоим заданием.

С этими словами Алиса развернулась и бегом припустила к главной площади.

Оливер следовал за ней по пятам.

* * *

Желудок Алисы распирала охапка палок. Стоило девочке нервно переступить с ноги на ногу, как одна из них с хрустом переламывалась пополам. Утро выдалось свежим и золотистым, но по спине Алисы то и дело пробегал холодок. Она стояла в длинном ряду ровесников, стараясь тем не менее держаться сама по себе. Некоторые соперники были одеты в нарядные костюмы, другие – в повседневную одежду. Одни ощутимо волновались, другие выглядели надменными. Понять, что все это значит, не представлялось никакой возможности.

Всех участников пересчитали и каждому присвоили номер. Теперь им оставалось только ждать, и это оказалось самым мучительным испытанием. Алиса вдруг поняла, что ей нужно в дамскую комнату, но робкая просьба девочки тут же потонула в общем гвалте.

Жители Ференвуда щеголяли в лучших своих нарядах: платьях из паучьего шелка и тополиных шляпках. Цвета сверкали, звуки громыхали, а воздух сотрясали неожиданные свисты и возгласы. Зрители начали занимать места, взволнованные разлитым в воздухе запахом весны.

Сцена каждый год поражала воображение, но в этот раз декораторы превзошли сами себя. Сегодня она походила на застывшую волну, словно бы вырезанную прямиком из океана. Сливово-синие волны спускались к ногам конкурсантов, почти

облизывая мыски их ботинок. С другой стороны сцена переходила в зеленую лужайку с рядами столов и стульев, смастеренных из рук и ног упавших деревьев. Спинку каждого стула обвивали виноградные лозы. Столы были уставлены золотыми корзинами со стекляблоками, медовыми трубочками и леденцами-шипучками в шоколаде, а также кувшинами с огненным сидром и засахаренным льдом. Оркестр проверял инструменты; в отдалении одобрительно громыхало небо; в воздухе, подвешенные в сотнях хрустальных сфер, головокружительно благоухали цветы. Даже солнце, преисполнившись значимости момента, вне графика подкрасило облака нежно-розовым, медовым и мандариновым.

От этого зрелища захватывало дух.

И нос.

Кто бы ни трудился над оформлением праздника, он немного переборщил с сахаром в воздухе, и Алиса поняла, что сейчас совсем некуртуазно чихнет. В итоге она подавила этот порыв, замаскировав его под кашель, но попутно задела локтем стоявшую слева девочку. Та наградила ее удивленным взглядом, и Алиса изобразила дрожащую улыбку, стиснув руки и нервно раскачиваясь на носках взад-вперед. Девочка тоже улыбнулась – и, кажется, немедленно об этом пожалела. Алиса уставилась себе под ноги.

Из восьмидесяти шести конкурсантов она выступала четвертой. И не стала бы врать, что не чувствует себя так, будто все содержимое ее желудка перемешали и хорошенько встряхнули.

Внезапно Алиса заметила мать и тройняшек – они пробирались на свои места – и ощутила невольное тепло. Конечно, она надеялась, что семья придет ее поддержать, но всерьез на это не рассчитывала. За последние годы она убедилась: в отношении мамы можно быть уверенной только в том, что в отношении мамы ни в чем нельзя быть уверенной. И все же, несмотря на их странные и частенько неприятные взаимоотношения, Алиса хотела, чтобы семья ею гордилась.

Надеялась, что сегодня семья будет ею гордиться.

Впрочем, едва утихшая обида Алисы на маму тут же всколыхнулась снова – стоило той занять место возле Ньюбэнксов. Оливер пристально следил за Алисой (она холодно вернула ему взгляд), пока мама смеялась, пожимала руки и делилась фруктами с семьей мальчика, который был так жесток к ее дочери. Похоже, у нее даже не промелькнуло мысли о чувствах Алисы.

Девочка не хотела думать об этом перед Сдачей, но

неизбежная правда уставилась ей в лицо, и ее больше нельзя было отрицать: мама никогда не была на ее стороне.

Алиса опустила голову и сделала глубокий вдох, борясь с желанием сделать… не важно что. Однажды, пообещала она себе, она вернется домой за руку с отцом – и тогда матери придется ее признать.

В эту секунду триумфально запели трубы, и небо ответило земле особенно богатым разливом красок.

Это был официальный сигнал к началу. Началу ее новой жизни.

* * *

На сцену вышел мистер Лоттингейл.

По толпе прокатился шепот. Восемьдесят шесть конкурсантов вдруг охватило такое волнение, что Алиса почти могла расслышать стук их сердец, бьющихся в унисон.

Мистер Лоттингейл был одним из городских Старейшин и собирался выступить с речью. Разумеется, без речи на таком торжественном мероприятии было никак не обойтись, но Алиса при всем желании не могла воспринимать мистера Лоттингейла серьезно. Обликом он напоминал гигантскую фисташку: круглый и бежевый, с будто бы надтреснутой головой и каштаново-зелеными волосами, которые трепал ветер. Алиса знала, что нечестно судить о человеке по внешнему виду – тем более что человеком мистер Лоттингейл был как раз хорошим, – но все равно не могла выкинуть из памяти случайно подсмотренный эпизод, когда он слизнул с нижней губы гусеницу.

– Друзья Ференвуда, – пророкотал Старейшина, и его гусеничный голос тягуче заструился из гусеничных губ. – Поздравляю всех вас с первым днем весны!

Толпа ответила ликующими возгласами, хлопками и поднятыми бокалами с сидром.

– Сегодня мы собрались по очень важному поводу… – продолжил мистер Лоттингейл.

И так далее, и тому подобное.

Следующие десять минут он обстоятельно напоминал ференвудцам, по какому именно поводу они собрались (и, будь моя воля, я бы сократила эту речь минут на девять), но говорил так вдохновенно и искренне, что толпа заерзала в радостном предвкушении, а у Алисы по спине снова забегали мурашки. (Надеюсь, вы не обидитесь, если я пропущу этот шедевр риторики и сразу перейду к делу.)

Итак, сегодня к Сдаче допущены восемьдесят шесть конкурсантов.

Все они *сдадут* городу свои дары и лишь после этого смогут разделить трапезу с родными, пока Старейшины удалятся на совещание. Как только они примут решение, на тарелке каждого участника появится конверт, содержащий оценку и задание.

Лишь одно из них будет оглашено всему Ференвуду; лишь один подросток удостоится титула Чемпиона.

Самый талантливый.

Не успела Алиса обдумать услышанное, как на сцену поднялась Валентина Милли. Она выступала первой, и Алиса не могла не восхищаться ее мужеством. Валентина стояла посреди площади с удивительным достоинством, глядя на которое никто бы и не подумал, что еще пять минут назад она рыдала в кустах.

Затем она запела.

У нее был голос хрустальной лилии, за которым хотелось следовать на край земли. Валентина пела песню, которую Алиса никогда раньше не слышала, – и слова ее обволакивали слушателей пуховым коконом, заставляли дрожать вековые деревья и погружали птиц в завороженное молчание. Она была так хороша, что в конце Алиса принялась смаргивать слезы, чувствуя, как из глубин ее души поднимается навстречу Валентине какая-то неведомая, странная и пугающая нота.

Когда девочка закончила выступление, Алису переполняла зависть. И все же она, как и остальные соперники, не смогла удержаться от оваций.

Следующим на сцену поднялся Хайдер Занотти – мальчик с самыми синими волосами на свете. Они были исполнены такой электрической, ослепительной голубизны и отличались такой поразительной густотой и мягкостью, что Алиса с трудом подавила желание провести по ним кончиками пальцев.

Хайдер вышел в центр площади, раскланялся и… подпрыгнул. Высоко. Прямо в небо. Не успели зрители ахнуть, как он ухватился за невидимую глазу лестницу и принялся карабкаться к солнцу – пока не поднялся выше самых высоких деревьев и не превратился в крохотную точку на фоне облаков.

Зрители дружно охнули. Приложив ладонь ко лбу, они пытались рассмотреть, куда же подевался Хайдер.

А потом он спрыгнул.

Почти неразличимая снизу точка начала стремительно превращаться в падающего мальчика. Несколько зрителей закричали, но у Хайдера все было просчитано. Когда до земли оставалась всего пара метров, он снова ухватился за что-то в воздухе – и на несколько секунд завис над сценой, прежде чем

триумфально приземлиться на одно колено.

Когда он поднялся, встал и весь Ференвуд. Хайдеру так долго свистели, кричали и аплодировали, что мистеру Лоттингейлу пришлось успокаивать толпу.

Наконец мальчик вернулся в ряд, явно довольный выступлением. Алиса знала, что должна за него радоваться, но никак не могла проглотить противный комок в горле. Так и не справившись с собой, она закусила губу и отвела глаза.

Следующей вызвали Олимпию Чу.

Олимпия была крупной девочкой – высокой и пухлой, а из-за туго стянутых на затылке волос казалась гораздо старше своих двенадцати лет. Она прошествовала на сцену без капли волнения или неуверенности в себе, а когда обвела аудиторию тяжелым немигающим взглядом, немногие решились взглянуть на нее в ответ.

Олимпия хлопнула в ладоши.

И все сломалось.

Столы, вазы, кувшины, тарелки и даже штаны одного бедолаги. Ножки стульев подломились, и на землю полетели груды щепы – вместе с растерянными ференвудцами. Однако не успели они разразиться возмущенными возгласами, как Олимпия сунула два пальца в рот и лихо свистнула. В ту же секунду все пришло в порядок: стулья вскочили на крепкие ножки, осколки срослись обратно в вазы, а порванные штаны зашились сами собой, словно ничего и не было.

Алиса опустила взгляд на свои юбки: широкая дыра, разверзшаяся было на подоле, пропала бесследно. Так же исчезло пыльное пятно на коленке. Даже ее коса, растрепавшаяся от утренних волнений, теперь была тугой и гладкой, и из нее не выбивалось ни одного волоска.

Алиса не могла оправиться от изумления.

Олимпия уже собиралась хлопнуть снова, когда зрители закричали «НЕТ!» и заранее попадали на землю. Мистер Лоттингейл поспешил увести ее со сцены.

Это значило, что Алиса следующая.

Святые прянички, да она едва могла двигаться от ужаса.

* * *

Перед ней выступили всего трое ребят, а Алиса уже поняла, что совершила чудовищную ошибку. Никто не готовил ее к сегодняшнему дню – ни мать, которая не испытывала к дочери ни малейшего интереса, ни учителя, которых у нее больше не было.

Алиса думала, что перед исчезновением отец открыл ей ее талант, поселив в дочери страстную, неутолимую жажду танцевать. Алиса думала, что в этом и заключается ее дар Ференвуду. Дар, который она должна *сдать*.

Теперь же она видела, что Сдача была торжеством настоящих талантов, а она… Что ж, она вовсе не была талантлива. Она не умела петь, пробуждая душу, не умела карабкаться по воздуху, не умела исправлять неправильное. Она могла предложить только танец – и уже понимала, что этого будет недостаточно.

Алисе захотелось расплакаться, но она не позволила себе такой роскоши.

Мистер Лоттингейл выкрикнул ее имя. Отступать было некуда. Поздно просить прощения у Оливера, поздно кричать, что она сделала неверный выбор и лучше отправится на поиски отца, чем переживет хоть минуту этого позора.

Алису затопило чувство вины.

Девочка стояла посреди сцены, перед живым морем примерно из десяти тысяч лиц – и просто не могла встретиться глазами с матерью.

Поэтому она их закрыла.

Музыка нашла ее сама – как и всегда, – и Алиса послушно отдалась ей. Последовала за ритмом, который уже звучал на ксилофоне ее костей, и принялась двигаться, как делала сотни раз за последние годы.

Алиса танцевала, как дышала: инстинктивно.

Танец был ее врожденным рефлексом и главным способом выживания. Руки и ноги сами знали движения; знали, как им подниматься, выгибаться, покачиваться и нырять. Алиса кружилась и извивалась, следуя за узором слышной только ей мелодии. Постепенно ее движения становились более быстрыми и мощными, грациозными и величественными. Босые ступни ударяли почву и порождали глухой подземный гул, который вибрирующим током проходил сквозь тело девочки. Алиса запрокинула голову к небу, подставив лицо солнцу, и браслеты на вскинутых руках осыпали ее смеющимся звоном. Все быстрее и быстрее, расставив локти, раскрыв ладони, колени мелькают в неистовой пляске…

Алиса танцевала так, как никогда прежде, – резко и плавно, быстро и медленно, выплетая всем телом диковинный узор и лаская воздух кончиками подрагивающих пальцев. Юбки ее превратились в сочный вихрь цвета, тело, поднявшись на недостижимую высоту, перестало принадлежать заключенной в нем душе, – и наконец остановилось, когда отзвучала последняя неслышимая нота.

Алиса упала на сцену – с опущенной головой и сложенными на коленях ладонями. Юбки распластались вокруг пестрыми лепестками.

Алиса была сломленным цветком – и надеялась, что это красиво.

После секунды оглушительной тишины девочка все-таки рискнула поднять взгляд.

Зрители смотрели на нее, лишь из вежливости изображая легкий интерес и по-прежнему ожидая финала. Ожидая ее *дара*.

Алиса поднялась на ноги и вдруг почувствовала, как горячо щиплет щеки солнце.

– Ты уже закончила, дорогая? – нарушил тишину мистер Лоттингейл.

Девочка кивнула.

– О, – произнес он, и вялая челюсть тут же сложилась в улыбку. – Ну конечно. Пожалуйста, вернитесь в ряд, мисс Квинсмедоу.

По залу прокатились короткие, неуверенные хлопки. Зрители переглядывались в поисках подсказки, как им реагировать. Алиса с трудом сглотнула и вернулась на свое место, глядя строго в землю перед собой.

После нее выступали еще восемьдесят два участника, но Алиса не запомнила ни одного. Ферeнвуд еле успевал ахать, поражаясь новым талантам, – а ее талант, как выяснилось, заключался в том, чтобы не расплакаться у всех на глазах.

* * *

Алиса не смогла заставить себя сесть рядом с матерью.

После церемонии она отыскала самую уединенную ветку самого высокого дерева и попыталась там успокоиться. Девочка быстро-быстро дышала, чтобы не расплакаться, и мысленно убеждала себя, что ее поведение просто смехотворно. Ну конечно, она слишком строга к себе. В окружении таких сверстников любой растерялся бы. Она не была как следует подготовлена к Сдаче, и таланты других ребят застали ее врасплох. Наверняка сейчас у них точно так же трясутся коленки. К тому же она не следила за другими конкурсантами; должно быть, кто-нибудь выступил еще хуже.

Так продолжалось некоторое время.

Алиса подтянула колени к груди и крепко их обхватила. Не будет она плакать, решила девочка. Еще чего! Допустим (скорее всего) (ладно, без сомнения), она не получит лучшее задание.

Ничего страшного! Возможно, если бы она не возлагала на этот день такие большие надежды, разочарование тоже не оказалось бы столь глубоким. Но теперь она усвоила урок – и обрадуется любому заданию. Может, это и не будет самое захватывающее приключение – может, ей даже не придется покидать Ференвуд, – но это будет настоящее задание, начало чего-то нового. У нее появится цель в жизни.

Все будет хорошо.

Более-менее успокоившись, Алиса слезла с дерева и прислонилась к стволу, раз за разом повторяя себе, что ничего страшного не случилось. Она сделала все, на что была способна, и не могла бы требовать от себя большего.

Наконец вернулись Старейшины. Все они улыбались (добрый знак!), и Алиса немного приободрилась. Девочка даже опустила плечи и рискнула выглянуть из-за дерева.

Мистер Лоттингейл выступал первым из десяти Старейшин, но каждый из них нашел для ребят вдохновляющие и воодушевляющие слова. Они говорили так искренне, что Алиса устыдилась своих недавних переживаний. Старейшины оглядывали толпу с величайшей гордостью; очевидно, она *сдала* лучше, чем предполагала.

Алиса сделала несколько шагов вперед, больше не прячась от взглядов. Она даже задумалась, не присесть ли ей за мамин стол, как вдруг снова загудели трубы. Небо вспыхнуло, и на тарелках перед ребятами возникли плотные, мерцающие темно-фиолетовые конверты. Разлитое в воздухе волнение можно было пощупать. Все знали, что в каждом конверте лежит карточка определенного цвета. Всего оценок было пять, и Алиса помнила их значения наизусть.

Оценка 5 || Зеленый = Изумительно
Оценка 4 || Синий = Прекрасно
Оценка 3 || Красный = Хорошо
Оценка 2 || Желтый = Приемлемо
Оценка 1 || Белый = Увы, неудачно

Ребята принялись вскрывать конверты – одни с совершенным спокойствием, другие с заметной тревогой. Алиса вытянула шею, пытаясь понять, появилось ли на мамином столе что-нибудь и для нее.

Появилось.

Сердце Алисы пустилось вскачь.

С такого расстояния она не могла разобрать выражение маминого лица, но видела, как та берет конверт, словно не

уверенная, что с ним дальше делать. И хотя мама оглядела площадь лишь единожды, ее, похоже, совсем не взволновало, что Алиса не собирается забирать свою карточку. Она часто повторяла, что у нее нет времени тревожиться из-за поступков дочери, и Алиса снова подумала, что не тревожиться – это просто очень ленивый способ любить.

Оливер стоял к ней спиной, так что Алиса не видела выражения его лица – но видела, как мама беседует с ним, улыбаясь. Наверняка этот подлец использовал свой дар убеждения, чтобы опять разрушить ее жизнь. Вскоре опасения девочки подтвердились: мама без тени сомнения отдала ему конверт. Просто взяла и отдала. Вручила судьбу своей дочери человеку, которому Алиса с пребольшим удовольствием выбила бы зубы.

Алиса с трудом удержалась от порыва именно так и сделать.

Но она все еще была слишком напугана. Ей хотелось вернуться в толпу с твердым осознанием, что теперь она одна из них. Алисе не повезло родиться бесцветной – точнее, с кожей цвета снега, волосами цвета сахара и ресницами цвета молока. Девочка никогда бы не признала этого вслух, но по меркам Ференвуда она и в самом деле была *уродливой*. Ее мир благоденствовал благодаря краскам, а вот красок-то в ней как раз и не было.

Но заданию на это было наплевать. Оно зависело только от таланта к магии, который, как полагала Алиса, у нее имелся. Ференвудцы получали его по праву рождения. А она, Алиса Алексис Квинсмедоу, обладала сердцем истинной ференвудки – и имела право на задание, как все прочие.

А еще не могла вернуться без него к родным.

Увидев направляющегося к ней Оливера, Алиса демонстративно отвела взгляд. Девочке не было дела до его бахвальства – и она совершенно точно не собиралась выслушивать насмешки, как ужасно выступила. Алиса не знала, какой дар сдавал Оливер год назад, но надеялась, что это было что-то дурацкое.

Подойдя к девочке, Оливер прокашлялся. Алиса заметила, что через плечо у него свисает поношенная походная сумка. Должно быть, он снова собирался в путь, и Алиса порадовалась, что ее наконец-то оставят в покое.

– Ну здравствуй, – резко сказала девочка, почти выдергивая конверт у него из руки.

Он кивнул:

– Алиса.

Она сузила глаза.

– Можешь идти.

Но Оливер лишь прислонился к дереву и скрестил руки на груди.

– Сперва открой.

– Перед тобой? Еще чего!

Оливер закатил глаза:

– Да не будь ты такой злючкой. Если ты не получила лучшее задание, это еще не значит…

– Почему это не получила? – моментально взвилась Алиса. – Я еще могу…

– Потому что его получила Кейт Зухер, – вздохнул Оливер. – Успокойся уже, правда. Никто тебя не осуждает.

– О, – только и ответила Алиса, быстро моргая. Конечно, это было слабое утешение, но она порадовалась, что Чемпионом хотя бы не стал Дэниел Рубин.

И все же гордость не позволяла ей вскрыть конверт вот так. Только не перед Оливером Ньюбэнксом.

– Если хочешь знать, я получил тройку.

Алиса подняла на него удивленный взгляд:

– Правда?

Он кивнул:

– И до сих не могу справиться с заданием. Поверь, ты не обрадовалась бы пятерке, даже если бы ее заслужила.

Алиса с трудом проглотила ком в горле. Если говорить совсем начистоту, после выступления она надеялась на двойку. На что угодно, кроме единицы.

Получить единицу было бы *унизительно*.

– Давай же, – и Оливер постучал по конверту у нее в руке. – Как только ты его откроешь, все станет ясно, как светливень.

– Ладно, – прошептала Алиса, гадая, с чего это Оливер сегодня такой добрый. Неужели все еще надеется, что она передумает и откажется от своего задания, чтобы ему помочь?

Ну-ну, пусть надеется.

Алиса дрожащими руками надломила печать и достала из конверта главную причину своих страхов – прямо перед Оливером Ньюбэнксом, мальчиком, который назвал ее самой уродливой в Ференвуде. И эта судьба оказалась ужасна.

Из конверта выпала карточка, которую Алиса никогда раньше не видела. Она была не желтой и даже не белой. Она была черной. Простой прямоугольник, вырезанный из тяжелой плотной бумаги.

Оливер с шумом втянул воздух.

Алиса перевернула карточку.

ОЦЕНКА 0

Облака ждали именно этого момента. Небеса разверзлись, и на Ференвуд обрушился дождь такой стремительный и яростный, что секущие удары его струй почти причиняли боль. Предполагалось, что это слезы счастья. Не прошло и пары секунд, как Алиса заледенела и вымокла до нитки. Что-то внутри нее наконец надломилось, и она с ужасающей отчетливостью поняла, что ее сердце не было сердцем истинного ференвудца. Это было сердце труса.

Поэтому она бросилась бежать.

И бежала до тех пор, пока ее грудь не раскололась, легкие не загорелись, а она запнулась о юбки и полетела на землю, захлебываясь в рыданиях.

Сложно сказать, кто плакал безудержней – она или небо.

* * *

Когда Оливер ее нашел, Алиса была уже на окраине Ференвуда, прямо на границе с Феннельскайном. Девочка сидела, скорчившись, под монетковым кустом. Алиса икала от рыданий, а унизанные серебром ветки звенели в такт, словно насмехаясь над ее болью. Наконец она шмыгнула носом, сглотнула последние слезы и обратила лицо к облакам. Дождь прекратился, на небе снова выглянуло солнце, и теперь над холмами переливались сотни радуг, которые наполняли воздух неземным сиянием. Эта красота показалась Алисе неожиданно жестокой.

Она не знала, что делают с детьми, которые не удостоились самого простого задания. За всю многовековую историю Ференвуда в городе нашлось только трое ребят, умудрившихся завалить Сдачу, – и Алиса предполагала, что их просто закопали обратно в землю. В любом случае возвращение к прежней жизни представлялось немыслимым.

Возможно, ей стоит последовать по стопам отца и тоже исчезнуть из города?

– Проваливай, Оливер, – тихо проговорила Алиса. Она не собиралась грубить – да он этого и не заслужил, – но сейчас девочка хотела остаться одна.

Оливер присел на корточки.

– Вылезай оттуда. Я тебе под юбки могу заглянуть.

– Проваливай, – бесцветно повторила Алиса, даже не предпринимая попыток скрестить лодыжки.

Некоторое время оба молчали.

– Ты замечательно выступала, – наконец нарушил тишину Оливер.

– Ну да, конечно.

– Нет, правда! Я не шучу.

– Прошу прощения, – натянуто сказала Алиса, – но у меня сегодня еще много дел.

Не успела она произнести эти слова, как Оливер схватил ее за лодыжки и дернул с такой силой, что девочка чуть не свалилась в протекавший рядом ручей. Алиса уже было открыла рот, чтобы озвучить массу неприятных вещей по поводу Оливера и его генеалогического древа, когда мальчик выхватил у нее из руки порядком помятый конверт и принялся внимательно изучать карточку на просвет.

– Нужно ее вскрыть.

– Ничего там нет, – огрызнулась Алиса, тоже вскакивая на ноги и подпрыгивая, чтобы выхватить карточку из его вскинутой руки. – Нулям задания не дают.

– Откуда тебе знать?

– Это мое твердое убеждение.

– Ну конечно, – усмехнулся Оливер. – Твоими убеждениями можно орехи колоть.

Алиса отвернулась и скрестила руки на груди.

– И что же ты думаешь делать?

– Во-первых, забрать свое имущество. – И Алиса, резко извернувшись, все-таки выхватила у него карточку.

– А теперь? – Оливер по-прежнему не сводил с нее внимательного взгляда.

– Выкопаю самую глубокую нору и в ней поселюсь.

Оливер рассмеялся. Смех преобразил его лицо и смягчил взгляд.

– Это вряд ли.

– А тебе какое дело? Захочу – буду жить в норе, не сомневайся.

– Мне нет дела до мнения Старейшин. Алиса, я знаю, на что ты способна. И если ты выбрала для Сдачи не тот талант…

– *Тот*!

– Нет, не тот, – повторил Оливер, поднимая бровь. – Если честно, я вообще не понял твою логику. Тебе следовало…

– Оливер Ньюбэнкс, ты немедленно замолчишь!

– Что? Почему?

– Это не талант, – жестко ответила Алиса.

– Не талант?! – возмутился Оливер. – Да ты знаешь, что бы я отдал за твои способности?

– У всех есть цвет, – сказала Алиса уже спокойнее. – А я

цветная только внутри. Это не талант, это биология.

– Это биология, которой все остальные лишены.

– Я танцую, – с нажимом продолжила Алиса. – Это мой дар. Я это знаю, Оливер. Чувствую всем сердцем. Я предназначена для этого.

– Я так не думаю.

– А твое мнение никого не интересует.

– Ну, если *твое* мнение служит не в твою пользу…

Алиса пнула его в голень.

– Черт возьми, Алиса! – завопил Оливер, хватаясь за ногу. – Какая пчела тебя укусила? Я просто пытаюсь помочь!

Алиса прикусила губу и отвела взгляд.

– Извини, – прошептала она. – Я не хотела грубить. Просто мое сердце разбито на столько осколков, что теперь его ничем не склеить.

Оливер вздохнул, явно смягчившись.

– Не нужно так драматизировать. К тому же, если ты хочешь приключений, мое предложение все еще в силе. Мне все еще нужна твоя помощь.

– Я не буду тебе помогать.

– Что? – снова рассердился Оливер. – Ради всего святого, почему? Разве это будет так ужасно?

– Думаю, да.

– А как же твой отец? – спросил мальчик с отчаянием. – Что плохого в том, чтобы найти твоего отца?

– Я до сих пор не понимаю, почему ты просто не приведешь его домой. – И Алиса сжала кулаки. – Если ты знаешь, где он…

Оливер вскинул руки к небу и испустил бессильный стон.

– Ты не понимаешь! Я… *не могу* привести его домой! Без твоей помощи!

– Это почему же? – прищурилась Алиса. – Может, если бы ты его привел, я помогла бы тебе охотнее? Ты об этом никогда не задумывался? Что чуденец может быть эффективнее палки? Ты вообще когда-нибудь допускал мысль, что…

– Алиса, прошу тебя!

Оливер схватил ее за руки и наградил взглядом таким несчастным, что она умолкла.

– Алиса, вернуть твоего отца домой и *есть* мое задание!

* * *

Девочка с головы до пят покрылась мурашками. Воздух был теплым, но ее вдруг охватил озноб. Сердце почти выпрыгнуло из

груди, руки сами собой сжались в кулаки. Алиса закрыла глаза и медленно выдохнула.

«Пресвятые прянички, да что же это делается», – только и подумала она.

Она знала, что Оливер Ньюбэнкс не врет.

Алиса издала смутный звук – звук, который силился стать словом, но так в этом и не преуспел, – пошатываясь, сделала несколько шагов прочь, запнулась о юбку и упала в траву, взметнув вокруг себя пестрый лоскутный вихрь.

Когда она обернулась, Оливер стоял насупившись, разглядывая отслоившуюся от соседнего дерева кору.

– Оливер? – окликнула его Алиса.

– Что? – ответил тот, по-прежнему не отрывая взгляда от дерева.

– Ты сердишься?

– Есть немного. – И он особенно резко скрестил руки на груди.

– Не сердись.

Мальчик фыркнул.

– Ты невыносима.

– Как и ты, – парировала Алиса, тоже скрещивая руки.

Оливер смерил ее хмурым взглядом.

– И больше тебе сказать нечего? После всего, чем я с тобой поделился? Ты по-прежнему отказываешься…

– Нет, – ответила Алиса, поднимаясь на ноги. – Не отказываюсь.

Оливер от потрясения даже выпрямился. Руки вытянулись по бокам, рот раскрылся.

– Что?

– Я сказала, – громко повторила Алиса, – что *не отказываюсь*.

– То есть ты согласна…

– Определенно нет.

Оливер со стуком захлопнул рот, открытый на середине фразы.

– Ты самая противоречивая девочка, которую я когда-либо встречал.

Алиса улыбнулась:

– Что ж, спасибо…

– Даже не вздумай! – испуганно перебил ее Оливер. – Это не комплимент!

Глаза Алисы сверкнули. Если у обычных людей порой выдается плохой день, то у нее выдались несколько плохих лет, и Оливер оказался самой удобной мишенью, чтобы выместить на нем свою злость.

– Из всех вещей, которые я ненавижу, – прошипела Алиса, – тебя я ненавижу больше всего!

– Совершенно взаимно, – отрезал Оливер.

Некоторое время они стояли, мрачно глядя друг на друга и тяжело дыша. Каждый вел свою внутреннюю битву, и оба были чересчур горды, чтобы обнаружить слабость перед неприятелем.

Наконец Алиса устала злиться (это вообще очень утомительное дело) и опустилась на колени в траву, кусая губы, чтобы снова не расплакаться.

Кажется, Оливер понял ее состояние.

Очень медленно и осторожно мальчик присел на кочку рядом. Мгновением позже они заговорили хором.

Оливер сказал:

– Ты правда ненавидишь меня больше всего?

А Алиса сказала:

– Ох, Оливер, неужели ты не понимаешь, что я *всё* потеряла?

Мальчик потрясенно заморгал. Сердце его, еще пару секунд назад напоминавшее камень, дрогнуло, когда он увидел, что по меньшей мере сегодня битвы Алисы оказались труднее его.

– Ну конечно, не всё, – сказал он так мягко, как только мог.

Алиса взглянула на него огромными блестящими глазами, и ее губы сложились в дрожащую улыбку.

– Ты ужасный лжец.

– Ну и ладно, – ответил он, стараясь подавить ответную улыбку. – Тогда идем со мной. Идем и вернем то, что ты потеряла.

– Как я могу тебе верить? – Алиса шмыгнула носом и протерла глаза, пытаясь взять себя в руки. – Извини, но у меня нет ни малейших причин отправляться неведомо куда в компании человека, который врет как дышит.

При этих словах Оливер вскинул бровь и все-таки улыбнулся. Как ни странно, он выглядел польщенным – но мы сейчас не будем гадать почему. У Алисы тоже не было на это времени, потому что Оливер принялся копаться в своей походной сумке, и девочка подалась вперед, заинтригованная. Наконец он выпрямился, триумфально потрясая пятком зажатых в кулаке свитков.

– У меня есть карты, – только и сказал он.

Алиса с шумом втянула воздух.

Дорогой читатель! Для нас с вами обладание картами не является таким уж впечатляющим фактом, поскольку сами карты довольно распространены и предлагаются в избытке всякому, кто намерен ими обзавестись. Но в Ферензвуде карты были редкостью, а для Алисы – еще и болезненным напоминанием об

отце. Составление карт, как вы помните, было делом всей его жизни.

И Оливер, разумеется, это понимал.

Алиса невнятно пискнула.

– Да-да, – кивнул мальчик. – Это карты твоего отца. Старейшины дали их мне, прежде чем отправить на задание.

Алиса по-прежнему безмолвствовала, так что Оливер продолжил.

– Ты, наверное, знаешь, что они искали его со дня исчезновения. – Мальчик сделал паузу, давая Алисе возможность ответить. Когда она ею не воспользовалась, он добавил: – Но не могли найти подходящего человека до прошлого года. До дня моей Сдачи. Тогда-то они и поняли, что без моих способностей тут не обойтись.

И Оливер ухмыльнулся:

– Впечатляет, правда?

– Что еще у тебя в сумке? – спросила Алиса, сузив глаза.

– Ничего, о чем тебе следовало бы беспокоиться, – быстро ответил Оливер.

Алиса уже открыла рот, чтобы возразить, когда мальчик демонстративно спрятал карты обратно в сумку.

– Нет-нет, – заявил он. – Больше ни слова, пока ты не согласишься мне помочь.

Алиса медленно вдохнула. Потом очень медленно выдохнула.

– Ладно, – уступила она. – Я пойду с тобой.

К чести Оливера нужно признать, что у него стало такое лицо, будто он вот-вот расплачется. Но Алиса не собиралась делать ему никаких одолжений; ее решение было продиктовано исключительно соображениями личной выгоды. Сейчас она видела для себя только два пути: отправиться с Оливером на поиски отца – или остаться в Ференвуде навечно опозоренной. Поэтому она кивнула.

– Я тебе помогу. Даю слово.

– Ох, Алиса, – начал Оливер, протягивая ей руку. – Не знаю, как тебя и…

– Пока не стоит, – ответила Алиса, шлепнув его по руке. Девочка прекрасно могла подняться сама, а учитывая репутацию Оливера, предпочитала держать его на некотором расстоянии. К тому же ей не хотелось, чтобы Оливер догадался, как сильно она взбудоражена его предложением. – А ты точно знаешь, где папа?

– Знаю, – заверил ее мальчик. – Но, видишь ли, *знать* недостаточно. Проблема в том, как его оттуда вытащить.

Алиса сцепила руки, поджала губы и уставилась в небо. Затем она перевела взгляд на Оливера, не прекращая при этом ковырять

пальцем ноги в траве.

– Но ты *точно* уверен, что знаешь, где папа?

Оливер выглядел так, будто сейчас упадет замертво.

– Ты вообще не слушала, что ли? Разумеется, я знаю, где твой папа, но это никак мне не помо…

– Да-да, – прервала его Алиса взмахом ладони. – Я слышала все твои «итакдалее». Но то, что ты не врешь, не значит, что я могу тебе верить.

Оливер смерил ее внимательным взглядом. Затем, ничего больше не говоря, достал из сумки еще один пергаментный свиток и аккуратно его развернул. Вопреки ожиданиям, тот даже не предпринял попытки свернуться обратно, а повис идеально плоским полотном. Однако стоило мальчику снова его коснуться, как свиток задрожал и в один миг собрался в прямоугольную коробку, которая в высоту оказалась больше, чем Оливер в ширину. Мальчик на три секунды приложил к крышке три пальца, и она бесследно исчезла.

– Пожалуйста, – сказал Оливер, указывая на коробку свободной рукой. – Можешь сама посмотреть, куда ушел твой отец.

Алиса была в ужасе.

– Папа в этой коробке? – выдохнула она, прижимая ладонь к груди. – Он в ловушке? Он сломан? Мы сможем вынуть его обратно? О нет, я же ничего не понимаю в починке людей…

– Он не сломан, – буркнул Оливер, косясь на солнце. – Да что там говорить, лучше подойди и посмотри сама!

– Ладно-ладно, – поспешно ответила Алиса. Ей было сложно довериться Оливеру – учитывая, что в обычной ситуации она не доверила бы ему даже пучок соломы, – но желание найти папу пересилило. Поэтому она бочком пододвинулась к коробке и осторожно заглянула в нее одним глазком.

Внутри была дверь.

Алиса охнула.

– Умно, правда? – сказал Оливер. – Но путешествие потребует у нас кучу…

– У меня совсем нет денег, – расстроилась Алиса. – Я вчера потратила последний финк на чуденец.

– …времени.

– Ну да, конечно, времени, – закивала Алиса.

– Когда мы зайдем внутрь, выбраться будет непросто, – добавил Оливер. – Дорога может оказаться длинной.

– Длинной, как гусеница? – спросила Алиса, складывая два пальца в щепотку. – Или как океан? – И она широко развела руки.

– Не знаю, – ответил Оливер. – В прошлый раз я пробыл там

год.

Алиса уронила поднятые руки.

– Целый год?! Так вот где ты был все это время? Ты искал папу?

Оливер кивнул.

Алиса подумала и снова опустилась в траву. Затем, не глядя, сорвала маргаритку и откусила верхушку.

– И куда она ведет? – поинтересовалась девочка с набитым ртом. – Эта дверь?

Оливер вздохнул и ничего не ответил. Алиса окинула его подозрительным взглядом, прикрывая глаза от сверкающих в небе радуг. Мальчик поставил коробку на землю и присел рядом.

– Она ведет в Итакдалию.

Алиса засмеялась и чуть не подавилась маргариткой.

– Да брось, – с трудом выговорила она. – Я серьезно.

– И я, – мрачно ответил Оливер. – Она ведет именно в Итакдалию.

– Но… – и Алиса осеклась.

Оливер поднял бровь.

– Не может быть, – медленно произнесла Алиса. – Но я думала… Все говорят… Итакдалия *ненастоящая*!

– Твой отец с тобой не согласился бы. Когда он был в твоем возрасте, его отправили в Итакдалию с поручением. Ты не знала? Он составлял карты не только Ференвуда. Ему дали задание начертить карты *всех* волшебных земель. Его работа была важнее любой другой в Ференвуде, – и Оливер похлопал по сумке. – Карты твоего отца бессчетное множество раз спасали мне жизнь.

Глаза Алисы стали круглыми, как блюдца. Она не знала таких подробностей о папиной работе. (Интересно, а мама знала?) Горожане, Старейшины, отец – все скрывали от нее правду. И хотя она всегда надеялась, что где-нибудь в мире найдется другое местечко, населенное магией, теперь, когда эта возможность смотрела ей прямо в лицо, Алиса не могла в нее поверить. (К счастью или к сожалению, девочка точно знала, что Оливер не врет, и это не давало ей возможности чересчур упорствовать в своем неверии.)

– Какая она? – прошептала Алиса. – Итакдалия?

Оливер отвел взгляд, но Алиса успела заметить тревожную складку, на секунду рассекшую его лоб.

– Есть причины, по которым нам лучше это не обсуждать.

Алиса судорожно вздохнула, наконец догадавшись.

– Там опасно? Папа попал в беду?

Оливер кивнул на коробку:

– Хочешь это выяснить?

Алиса покосилась на миниатюрную дверцу. Она думала о страхе и мужестве; о доме, надежде и шансе на долгожданное приключение.

Она думала о маме.

Маме, которая не будет по ней скучать, братьям, которые на самом деле ее не знали, и отцу, который всегда ее любил.

Алисе было нечего терять, а найти она могла целого папу.

Уже второй раз за два дня она точно знала, что делать. Поэтому сунула пальцы в коробку и осторожно повернула крохотную ручку.

* * *

Алиса заглянула в открытый проем и ничего не увидела.

– Там ничего нет, – пожаловалась она Оливеру, слегка встряхивая коробку. – Может, ты ошибся дверью?

– Все с моей дверью в порядке, – обиделся Оливер и, забрав у Алисы коробку, поставил ее неподалеку от девочки. – Если хочешь увидеть Итакдалию, нужно сперва в нее отправиться. Взгляд снаружи ничего не даст.

Алисе очень хотелось сказать Оливеру что-нибудь недоброе, но она решила придержать язык и немного понаблюдать. Этот мальчик со ртом лжеца и волосами цвета серебристой сельди вызывал у нее все большее любопытство.

Неожиданно Алиса заметила, что он носит простую одноцветную тунику без каких-либо украшений. На самом деле, она была не слишком модной и выделялась лишь оттенком незрелого баклажана. Оливер, в свою очередь, заметил, что его рассматривают, и принялся нервно ерзать.

– Ну что еще?

– А ты уверен, что это единственный вход? Может, где-нибудь есть окно? Или хотя бы форточка?..

– Ты будешь сомневаться в каждом моем слове? – возмутился Оливер, размахивая руками. – Всю дорогу будешь переспрашивать?

В эту секунду мимо пролетала бабочка. Оливер поймал ее за кончик крыла и сделал вид, что страдальчески шепчет ей на ухо:

– Да я лучше сразу повешусь.

Алиса с трудом подавила смешок.

– Ладно, – сказала она, поднимаясь на ноги. – Убедил. Что мне нужно сделать, чтобы уменьшиться?

– Не будем мы уменьшаться, – ответил Оливер, отпуская бабочку. Та сразу принялась кружить возле мальчика, а потом

приземлилась у него в волосах, где незамедлительно уснула. – Мы вдвоем тут прекрасно поместимся. Но лучше поторопиться, – добавил он, бережно вытаскивая из волос крылатую гостью. – Нехорошо так долго держать дверь нараспашку.

Алиса снова покосилась на дверь, затем на Оливера. Тот вел безуспешную борьбу с бабочкой, которая, по всей видимости, воспылала к нему внезапной любовью. Конечно, бабочкам нет никакого смысла влюбляться в людей, но это их главный способ коротать время.

Девочка вздохнула, поставила одну ногу в коробку – и тут же взвизгнула.

– Почему там *мокро*? – запаниковала она, пытаясь вытащить ступню, но та намертво застряла в проеме. – Почему ты не предупредил, что там будет мокро?!

Не успела Алиса произнести больше и слова, как Оливер схватил ее за пояс и подсадил в коробку, так что она провалилась в дверь уже двумя ногами.

– Там мокро, потому что это *вода*, глупая ты девчонка, – объяснил Оливер и изо всех сил надавил Алисе на плечи.

Эта глава моя любимая

Алиса падала очень, очень долго.

Сперва она летела вниз, потом отклонилась чуть влево, потом чуть вправо, – а когда уже решила, что так и проведет всю жизнь в невесомости, наконец с громким плюхом приводнилась во что-то мокрое и немедленно начала тонуть.

Алиса попыталась закричать, но изо рта у нее вырвалась только стайка пузырьков. Она была до смерти зла и до смерти напугана – но зла все-таки больше. Оливер не предупредил, что ей придется плавать в тяжелых юбках, и теперь она умрет, и это будет его вина, а она даже никогда не сможет высказать ему свое негодование! Эта мысль разозлила Алису еще сильнее, и она принялась бешено колотить по воде руками и ногами. Прекрасная вязаная шапочка, над которой она трудилась столько времени,

соскользнула и уплыла; за ней последовали браслеты. Наконец Алиса смирилась с мыслью, что единственный способ спастись – это освободиться от громоздких юбок; и как же горько ей было смотреть на их пестрые воланы, навеки уплывающие от своей хозяйки! Легкие Алисы наполнились огнем, а сердце – темнотой. Она как раз задумалась, каким способом лучше убить Оливера, когда он схватил ее за руку и выдернул со дна.

Голова Алисы показалась над поверхностью, и она наконец услышала, что он кричит.

– Ты с ума сошла?! – Оливер стоял в воде красный, как рак. Его трясло. – Утопиться решила?

– Что? – Алиса выплюнула воду и отвела с лица мокрые волосы. – Я? Утопиться?! Это ты решил сжить меня со свету! По твоей милости я чуть не утонула!

– Утонула? – потрясенно переспросил Оливер. – Алиса, да тут воды по колено!

О.

Это объясняло, почему она *стоит*.

Оглядевшись, Алиса заметила и свои юбки, которые покачивались на волнах в паре метров от нее.

– Прошу меня извинить, – чопорно произнесла девочка и поплыла возвращать беглое имущество.

Вода была прозрачной, цвета чистейшей бирюзы. Она была не горячей и не холодной, но определенно очень мокрой, поэтому Алиса не отказалась бы из нее вылезти. Когда она воссоединилась с юбками и вернулась к Оливеру, тот наградил ее многозначительным взглядом, но, на свое счастье, воздержался от комментариев.

– Ну? – сказала Алиса, вскинув голову и дрожа на ветру. – Куда теперь?

– Вперед, – ответил Оливер, кивая на берег.

Строго говоря, берег был бледно-желтой полоской на горизонте, но теперь Алиса видела его вполне отчетливо – о чем не преминула сообщить своему спутнику. Затем она последовала за Оливером, не задав ни одного лишнего вопроса (кроме тех пяти, которые требовали немедленного ответа) и ни на что более не отвлекаясь (кроме как на то, чтобы срочно прочистить нос).

Алиса как раз была на середине чиха, когда заметила под ногами мокрый ковер. Они почти добрались до берега, и теперь девочка видела, что их там сотни. Множество старых ковриков, настилаясь друг на друга, прокладывали путь из моря на сушу и далее через пески. Все ковры были глубокого красного оттенка, но отличались поблекшими цветочными узорами и вплетенными в них нитями – золотыми, голубыми и фиалковыми.

Это было странно, но красиво и уместно.

Итакдалия приветствовала их, как дорогих гостей, и Алиса приободрилась. Неожиданно она поняла, что уже не мерзнет и не мокнет. Теперь ей было тепло, волосы высохли, юбки снова стали воздушными, а под ногами уютно пружинил пушистый персидский ворс. Ковры вели в никуда, насколько хватало взгляда, но Алису это не беспокоило. Небо над пляжем было таким розовым, облака такими голубыми, а воздух таким лимонно-сладким, что она вдруг почувствовала себя ужасно усталой, и сонной, и…

– Алиса!

Оливер дернул ее за руку, и она услышала щелчок. Не руки, нет. Чего-то другого. В одну секунду мальчик стащил ее с ковров на песок, и Алиса с удивлением осознала, что ей очень холодно, голодно и страшно.

Оливер в отчаянии щелкал пальцами у нее перед носом.

– Алиса! Алиса? Алиса!..

– Что? – нахмурилась она. – Что такое?

– Нельзя задерживаться на этих коврах, – ответил он жестко. – Стоит зазеваться, как Итакдалия тебя одурачит.

С этими словами Оливер вздернул ее на ноги. Алиса только тогда поняла, что незаметно для себя успела сесть. Или упасть?

– Где мы? – спросила она, оглядываясь.

Оливер вел их прочь от моря, но картина упорно не менялась: вокруг расстилался все тот же пустынный ландшафт – небо, вода, песок и ни одной живой души.

– В начале, – вот и был весь ответ.

Они шли по солнцепеку, ничего больше не говоря, хотя Алиса была так смущена, что все равно не смогла бы подобрать нужных слов. К тому же она была растеряна и расстроена. Оливер крепко держал ее за руку. Алиса попыталась ее стряхнуть, но он даже не ослабил хватки.

– Нужно быть осторожней, – наконец сказал мальчик. – Мы сейчас у входа в Дремоту, а это только первая из шестидесяти восьми деревень, которые нам придется пройти, и в каждой деревне разные правила. Если мы хотим найти твоего отца, нам нельзя нарушить ни одного.

– Разные правила! – выдохнула Алиса. – В шестидесяти восьми деревнях!

– Разные правила, – кивнул Оливер. – В шестидесяти восьми деревнях.

– Но как же мы их узнаем?

– Я тебе объясню по дороге. В конце концов, я прожил в Итакдалии целый год, так что для меня тут все привычно. Хотя

для тебя, наверное, очень странно.

– Да, – сказала Алиса, покосившись на спутника. – Очень странно.

Оливер шел чуть ли не на цыпочках, зорко оглядываясь по сторонам – будто видел что-то, чего не видела девочка. И боялся этого.

– И что теперь? – спросила Алиса, когда они остановились. – Куда дальше?

– Никуда, – ответил Оливер. – Будем ждать, пока солнце не заснет.

Алисе хотелось верить, что мальчик шутит, но она, как ни старалась, не могла уловить и тени насмешки в его словах.

– Заснет?..

Оливер кивнул.

– Надеюсь, долго ждать не придется. – И он прищурился, разглядывая что-то на горизонте. – Солнце в Дремоте ужасно ленивое и вечно выбивается из графика. Устраивает похрапушки так часто, что местные уже отчаялись подогнать свою жизнь под рассветы и закаты. Теперь их деревня появляется только в темноте.

– Оливер, – осторожно сказала Алиса, – ты совсем сбрендил?

Странно это признавать, но для девочки, рожденной и выросшей в волшебном мире, Алиса могла быть непростительно прозаичной. Хотя мне сложно ее в этом винить. Жители Ференвуда веками использовали магию одними и теми же надежными, проверенными способами, и малейшее отклонение от них представлялось Алисе немыслимым. Она не знала, что такое бездумное, неупорядоченное волшебство. Магия Итакдалии была для нее совершенно чуждой.

Оливер не удостоил ее вопрос вниманием. Вместо этого он принялся рыться в своей сумке, и на этот раз Алиса безошибочно услышала звон монет.

Девочка сощурилась и постучала его по плечу.

– Что там у тебя?

Этот вопрос тоже остался без ответа. Оливер выпустил ее руку и уселся на песок, видимо, приготовившись к длительному ожиданию. Алиса осторожно присела рядом. Не успела она задать очередной вопрос, как мальчик снова принялся копаться в сумке. На этот раз он извлек записную книжку.

– Так, – пробормотал Оливер, листая страницы. – Я чуть не забыл.

– Что? – заволновалась Алиса. – Что случилось?

– Пока ничего, – ответил он. – Просто убеждаюсь. Проверяю данные и все такое.

– Какие данные?

– О, пустяки. Солнечные циклы, то, сё…

Оливер почти нырнул в книжку, с усердием водя пальцем по рукописным строчкам.

– Ммм, – сказал он наконец. – Да, ждать придется всего ничего.

Он поднял голову к небу.

– Неслыханная удача! Прибудь мы чуть позже, пришлось бы ждать целый час. Это был бы ужасный пролог, – и он снова углубился в книжку. – Как ты знаешь, в путешествиях очень важен начальный этап.

Алиса нахмурилась:

– Оливер, что за…

– Ага! – завопил мальчик, вскакивая на ноги. – Вот оно!

– Что? – спросила Алиса, тоже поднимаясь. – Куда смотреть?

Оливер указал на солнце:

– Туда. Оно собирается вздремнуть.

– Но…

– Терпение, Алиса, – заметил Оливер с глубочайшим нетерпением. – Ему нужна пара секунд, чтобы перевернуться.

Алиса моргнула, и мир погас.

Девочка в жизни не видела подобной темноты. Дома их городок освещало такое множество звезд и планет, что ночь называлась ночью очень условно. Теперь же на них обрушилась непроглядная, чернильная тьма. Алиса все моргала и моргала, но перед глазами у нее не вспыхивало ни единой искры. Эта внезапная слепота поселила в сердце девочки доселе неизвестный страх, который ей никак не удавалось унять. Страх невидимого и неведомого – того, что могло ожидать их в этом новом мире.

– Оливер, – прошептала Алиса.

– Да?

– А почему мы не пошли в деревню, когда солнце *не спало*? Разве так было бы не безопаснее?

Оливер покачал головой:

– Дремота – пропускной пункт в Итакдалию, поэтому и охраняется строже, чем прочие. Если какой-нибудь дурак решит идти в деревню по солнцепеку, его немедленно заметят и схватят.

– Но почему? – спросила Алиса. – За что?

– *За что?* Ты серьезно?

– А что такого в моем вопросе? – возмутилась Алиса. – Тебя удивляет, что я ничего не знаю о месте, о существовании которого впервые услышала полчаса назад?

Оливер переступил с ноги на ногу.

– Ладно, – вздохнул он. – Извини. Просто для меня-то это

очевидно.

– А когда это станет очевидно *для меня*?

Мальчик нашарил и снова стиснул ее руку.

– Думаю, скоро.

– Как скоро?

– Терпение, Алиса. Если ты еще не знакома с выдержкой, лучше познакомься с ней сейчас, потому что она нам тут очень понадобится.

– Но я ничего не понимаю, – пожаловалась девочка, толкая Оливера в плечо. – Зачем им хватать гостей? Они и папу так схватили?

Мальчик еле заметно улыбнулся в темноте.

– Нет. Не совсем. Твой папа был куда умнее.

– Но…

– Я бы с удовольствием ответил на все твои вопросы, – мягко сказал Оливер, – но у нас очень мало времени и очень много голодных ртов на пути. А я не хочу, чтобы ты по моей вине попала в суп.

Алиса не имела ни малейшего представления, о чем он говорит, – и незамедлительно ему об этом сообщила.

– Ну, – ответил Оливер, – если ты до сих пор не поняла, чего следует опасаться в Итакдалии, я лучше не буду разрушать твои иллюзии. Иногда лучше побыть в неведении еще секунду-другую.

Как выяснилось, «секунду-другую» следовало понимать буквально.

Не успела Алиса моргнуть, как чернильное небо взорвалось светом, изрешеченное с изнанки сотнями звезд, лун и мерцающих планет. Будто здесь недавно прошел снегопад, только вот снежинки летели снизу вверх – да так и прилипли к небесам.

Это было, без преувеличения, *волшебно*.

И не одно небо, но и возникшая под ним деревня. Словно из ниоткуда вынырнули дома, магазины и толпы людей, занятых своим делом. Где-то варилась еда, дымили трубы, хныкали дети, кричали родители, улицы сотрясались от возни и беготни – и все это творилось прямо вокруг Алисы, затягивая ее в свое суматошное нутро и выветривая из головы недавние тревоги. Девочка смотрела на открывшийся ей мир широко раскрытыми глазами и ежесекундно вбирала, впитывала его в себя. Что ж, это действительно было *приключение*. Настоящее приключение, о котором она всегда мечтала. И еще найти отца в придачу! Алиса чуть не бросилась в объятия первому встречному.

Однако у нее были более срочные дела.

* * *

– Алиса, нет!

Оливер схватил ее за руку.

– Но я хочу есть, – пожаловалась она, глядя на почти сорванный цветок.

– Нет, не хочешь, – ответил Оливер. – Не можешь. И совершенно точно *не будешь*.

– Но…

– Нет, – повторил мальчик жестко. – Гостям в Итакдалии позволяется есть только в особых случаях. И это не один из них.

– Только в особых случаях? – У Алисы округлились глаза. – А что делать до них? Голодать?

– Да, – ответил Оливер очень мягко и с улыбкой, которая девочке совершенно не понравилась. – А теперь, – продолжил он деловым тоном, потирая руки. – Не хочешь ли ты воспользоваться туалетом? В Дремоте они только в одном месте, а дорога впереди долгая, так что лучше зайти туда сейчас.

– Я… Гм, хорошо. Давай зайдем.

Алиса отвела взгляд. Для гордости девочки было невыносимо, что с ней обращаются, как с имбецилом, и она знает об этом мире так мало, в то время как Оливер – так много. За последний час Алиса выдержала не одну внутреннюю битву, постоянно напоминая себе, что все это – ради папы, однако они с терпением и вправду были мало знакомы.

– Но я хочу есть, – настойчиво повторила она, надеясь хоть в этот раз быть услышанной. – У меня не было ни завтракуса, ни полуденника!

– Прекрасно, – ответил Оливер. – Это сыграет нам на руку.

– И каким же образом, позволь узнать?

Но Оливер только покосился на звездное небо и снова оставил ее вопрос без ответа. Алиса насупилась и принялась сверлить взглядом его самодовольную спину. Мальчик явно наслаждался выпавшей ему ролью лидера и, под предлогом того, что он старше и опытней, выдавал информацию в час по чайной ложке, и лишь тогда, когда считал нужным. Однако Оливер недооценивал свою спутницу и ее чувство собственного достоинства. С каждой унизительной усмешкой, с каждым неотвеченным вопросом Алиса до макушки переполнялась возмущением и обидой. Сейчас дела шли еще не так плохо, к тому же девочку отвлекал блеск открывшегося ей нового мира, – но вскоре Оливеру предстояло пересмотреть некоторые аспекты своих ранних взаимоотношений с Алисой Алексис Квинсмедоу.

– Что ж, – сказал мальчик, оглядываясь. – У нас много дел и всего пара часов до того, как проснется солнце. Лучше не медлить, – и он покровительственно похлопал ее по спине. – Но

сперва отведем тебя в дамскую комнату, да?

Алиса скорчила гримасу и молча последовала за своим проводником, борясь с нестерпимым желанием дать Оливеру по носу. Каждый раз, когда они проходили мимо клочка травы или деревца с соблазнительно приоткрытыми бутонами, Алиса горестно вздыхала, а ее живот принимался выводить жалобные рулады. На пустой желудок она будет ужасным спутником. Девочка понимала, что должна собраться и показать себя с лучшей стороны – внимательной и энергичной, – но Оливера, кажется, совсем не заботило ее состояние. Он улыбался от уха до уха, счастливый по какой-то неизвестной ей причине, и Алиса вдруг подумала, что Оливер в восторге от Итакдалии. И рад сюда вернуться. Может быть, рад вернуться *домой*.

Как странно.

Когда они приблизились к центру деревни, Алиса даже принялась подпрыгивать. Недавние огорчения были забыты: девочка сгорала от желания все рассмотреть и потрогать. Для совсем юной девушки (двенадцатилетней, строго говоря), никогда прежде не покидавшей родного города, это было захватывающее путешествие. Но самым захватывающим было то, что Дремота вовсе не походила на Ференвуд. Дома Алису постоянно ослепляли радужные вспышки, а Дремота была одновременно темной и яркой, выкрашенной всего в два цвета – зеркально-черный и оранжево-желтый. Дома источали влажное чернильное сияние, а огненные контуры дверей и окон, словно настоящие языки пламени, вырывались высоко в небо и по пятам крались за прохожими. Здесь было одновременно уютно, весело и очень странно, и если бы Алису так не занимали мысли об отце, она наверняка получила бы огромное удовольствие от прогулки.

Еще тут везде была еда.

Полные орехов миски стояли прямо на улицах, в витринах золотились бочонки с медом, а на столах, в стеклянных чашах, благоухали цветы. Алисе мучительно хотелось съесть хоть один. Всего один – что в этом страшного?

Так она и сказала Оливеру.

– Это не еда, – ответил мальчик, – а декорации. Люди в Итакдалии не едят цветы. Они питаются животными.

– Животными! – закричала Алиса, с содроганием вспоминая ференвудских коров, овец и птиц. Горожане жили в мире со всеми разумными существами, лишь время от времени заимствуя у них молоко, мед и яйца. Для них было немыслимо нарушить дружбу с созданиями более древними и мудрыми, чем они сами. Неудивительно, что Алиса была в ужасе. Неожиданно она вспомнила волосы Оливера – волосы цвета серебристой сельди –

и обличительно ткнула в него пальцем.

– И ты тоже? Признавайся! О, бедная рыбка!

Оливер залился краской.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – пробормотал он, откашлявшись. – В любом случае тебе запрещается тянуть в рот еду – в этой и любой другой деревне, – пока я не разрешу.

Алиса нахмурилась.

Оливер нахмурился в ответ.

– Помнишь, что я тебе говорил? – сказал мальчик. – Что нам нельзя нарушить ни одного правила, если мы хотим найти твоего отца?

Алиса кивнула.

– Так вот, это первое. Не нарушай его.

– Ладно, – ответила девочка, поджимая губы и почти ненавидя Оливера.

Они тихо пробирались по деревне, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. Прохожие едва удостаивали их взглядами, и Алиса была благодарна им за это. Девочка старалась не думать, как ужасно выглядит в прополосканных морем юбках и с волосами, полными соли. Коса превратилась в лохматое туманное облако, утренний наряд потерял остатки презентабельности, но жителям Дремоты, кажется, не было до этого никакого дела. Постепенно Алиса догадалась, что они ее толком и не видят.

В темноте все прохожие были на одно лицо.

– Пришли, – наконец сказал Оливер, указывая на женский туалет. В действительности это был маленький деревянный сарай, затерянный среди темноты, но когда Алиса смерила мальчика изумленным взглядом, тот лишь пожал плечами.

Поэтому она молча прошествовала в «дамскую комнату» – *тик-ток, тик-ток,* – а потом обратно.

Прежде чем присоединиться к Оливеру, Алиса отряхнула юбки, разгладила блузу и в целом сделала все, чтобы привести себя в божеский вид. Мальчик терпеливо дожидался ее на углу. Алиса прочистила горло.

– Ну, я готова.

Оливер бросил на нее быстрый взгляд.

– Как ты себя чувствуешь? Все еще хочешь есть?

– Да, ужасно.

– Отлично, просто отлично. Идем? – И он указал на главную дорогу.

– И куда мы теперь? – поинтересовалась Алиса, стараясь не отставать от его размашистых шагов.

– Пока мы здесь, нужно забрать кое-что важное. Будем

надеяться, что оно там же, где я его оставил.

– И что это?

– Карманная книга.

Алиса рассмеялась:

– Боишься, что путешествие окажется таким скучным?

Оливер нахмурился:

– Не понимаю тебя.

– Ох, Оливер, – и Алиса закатила глаза. – Ладно, добудем тебе хоть десяток карманных книжек, если ты такой книгочей.

Мальчик явно был сбит с толку, но решил не отвечать. С каждым шагом, пока они шли по городу, он казался все более раздражительным и напряженным. А вот Алиса наконец-то расслабилась. Девочка шлепала босыми ступнями по булыжным мостовым и старалась всецело находиться в настоящем моменте, глубоко вдыхая запахи и впитывая краски этой земли. Вдоль дорог горели фонари, небо лучилось светом и силой, и все же Алиса с трудом видела дальше нескольких метров. Ночь закруглила края, размыла силуэты и притушила блики. Девочка пыталась не отставать от Оливера, но эти усилия приводили лишь к тому, что она поминутно в кого-то врезалась, а потом тратила вдвое больше времени на извинения. В воздухе витал аромат кардамона, а розовые щеки прохожих так приветливо круглились в улыбках, что Алисе захотелось остаться тут навечно.

К сожалению, Оливер и слышать об этом не пожелал.

– Но это несправедливо, – расстроилась Алиса. – Вдруг мы найдем здесь подсказки, куда ушел папа? Мы проделали такой путь… Надо хотя бы опросить местных! Если папа здесь был, мы должны зайти в те же магазины, что и он, забраться на те же деревья, что и он, подстричься у того же парикмахера, что и…

– Это абсолютно исключено, – перебил ее Оливер. – И перестань настаивать, пожалуйста. Я *уже* знаю, где твой отец. Никакие подсказки нам не нужны. Ты не понимаешь, как важно…

– Но…

– Это, в конце концов, небезопасно! – прошипел Оливер, выходя из себя.

– Небезопасно? Зайти в магазин? Перекинуться парой слов с соседями?

– Именно! Совсем, совсем небезопасно! Нам ни при каких обстоятельствах нельзя выходить на свет. – И Оливер, остановившись, резко обернулся к девочке. – Неужели ты не понимаешь?

– Нет, *не понимаю*, – отрезала Алиса, выдергивая ладонь из его руки. – Ты невыносим. И я так устала от твоих секретов, что могу уснуть стоя прямо тут.

– Но…

– Понятия не имею, что за игру ты ведешь, Оливер Ньюбэнкс, но, подставив руку под светливень, могу поклясться: если ты немедленно не перестанешь изображать высокомерного индюка и не начнешь отвечать на мои вопросы, я найду самое глубокое озеро, засуну тебя в него, и тогда… – Алиса выразительно ткнула его пальцем в грудь. – Тогда от твоей пустой головы будет хоть какой-то толк!

Оливер покраснел до ушей.

Всю предыдущую дорогу его самомнение решительно брало верх над смирением, но теперь они наконец воссоединились. По всей видимости, встреча оказалась болезненной. Оливер с усилием сглотнул и отвел взгляд.

– Ладно, – сказал он. – Ладно. Прости. Но давай сперва найдем спокойное место. У нас мало времени, но я постараюсь рассказать тебе все, что стоит знать.

Мальчик с тревогой огляделся по сторонам.

– И пожалуйста, – взмолился он, – во имя всего святого, говори тише.

Алиса вздохнула.

«Ладно, так и быть», – почти сказала она.

«Идем за этой твоей книгой», – почти сказала она.

«Уговорил, не стану топить тебя в озере», – почти сказала она.

Но не сказала. Алиса была унижена, обижена, боролась с собственным упрямством и смотрела только на Оливера. Ничего удивительного, что стоило ей раскрыть рот для примирительной фразы, как она с размаху врезалась в очередного прохожего.

Последовали многочисленные извинения.

Воздух наполнился торопливыми «прошу прощения», «ой, как неловко» и «боже, какая я неуклюжая». Алиса поднялась на ноги (разумеется, без помощи Оливера), отряхнула юбки и уже принялась приглаживать волосы, когда впервые как следует рассмотрела причину своего падения.

Святые прянички, это был самый красивый мальчик, которого она видела в своей жизни.

Он был высоким, но не очень; с чертами лица идеальными, но не очень; с темными волосами, темными глазами и темной кожей – словом, полная ее противоположность. Его будто вылепили из черной патоки. Глаза мальчика были окаймлены ресницами такими густыми, что, когда он моргал, они трепетали, словно черные бабочки. Хотя он не моргал. Он смотрел. Не отрываясь. На нее.

На нее?..

В то время как Алиса была пустым местом, этот мальчик казался сошедшим с небес. Неудивительно, что она мгновенно забыла человеческий язык.

И тут, будто чтобы окончательно ее добить, он ей улыбнулся.

Алиса незамедлительно пришла к выводу, что это любовь с первого взгляда. По крайней мере, это казалось единственным объяснением, почему у нее вдруг стали резиновыми ноги, а голова наполнилась розовой ватой. И только когда Оливер заметил (довольно грубо), что у нее открыт рот (на самом деле, совсем чуть-чуть), к девочке вернулась способность соображать.

Алиса со стуком закрыла рот (звук вышел немного громче, чем она предполагала) и задумалась, как лучше попросить мальчика на ней жениться. На вид он был ровесником Оливера, то есть ее собственным ровесником, то есть никого из них идея женитьбы пока не интересовала даже в перспективе. Однако это не помешало Алисе сказать:

– Ты не мог бы…

Она осеклась и начала снова:

– Вы не могли бы…

Девочка уже протянула ему руку, когда Оливер перехватил ее в воздухе и очень выразительно посмотрел на спутницу.

– Ты что творишь? – прошипел он.

– Ой, помолчи, – прошептала Алиса в ответ, вырывая ладонь.

– Добрый вечер, – с широкой улыбкой сказал прекрасный мальчик. – Какое удовольствие с тобой познакомиться.

У него был легкий акцент и глубокий, музыкальный голос, который почему-то казался ненастоящим. Словно он говорил на языке, которого Алиса на самом деле не понимала.

Но у нее не было времени думать о таких пустяках.

– Это и для меня огромное удовольствие, – торопливо ответила девочка, не обращая внимания на Оливера и его упорные попытки разлучить ее с любовью всей жизни.

– Да-да, – буркнул Оливер. – Сплошное удовольствие. Но нам, к сожалению, пора. Спасибо, до свидания!

– Подождите! – быстро сказал мальчик. Он вглядывался в лицо Оливера всего секунду, прежде чем повернуться к Алисе. – Ты здесь впервые. Я раньше не видел никого похожего на тебя.

Последние слова он произнес, наматывая на палец прядь ее злополучных белых волос.

Алиса чуть в обморок не упала.

– Хочешь немного задержаться? – спросил он ее. Ее одну. – Я мог бы показать тебе окрестности…

Девочка уже почти кивнула, когда между ними опять вклинился Оливер.

– Пожалуйста, – сказал он тихо. Фиолетовые глаза умоляюще смотрели на Алису. – Нам нужно поговорить наедине.

Алиса хотела отмахнуться, но что-то в лице Оливера ее встревожило. Поэтому она извинилась и пообещала прекрасному мальчику, что скоро вернется.

Тем временем Оливер окончательно закипел.

Стоило им отойти, как он выплеснул на Алису целый ушат холодных слов о долге, правилах и тех, кто их нарушает. И хотя девочка пыталась заверить его, что не хотела никаких проблем, Оливер настоял, чтобы они немедленно двинулись дальше.

– К тому же, – проворчал Оливер, – я искренне не понимаю, что ты в нем нашла. У жителей Дремоты почти нет пыльцы.

(*Пыльца*, нужно заметить, служила в Ференвуде разговорным синонимом магии.)

– Попомни мои слова, он водит тебя за нос.

– Но Оливер, – сказала Алиса, оглядываясь через плечо. – Разве ты его не видел? Он такой красивый!

Девочке казалось, что еще чуть-чуть, и она превратится в сахарную лужу.

– Такой милый, и изящный, и… Я в жизни не видела таких красивых людей! – Алиса схватила Оливера за рукав. – Разве ты не согласен, что он самый красивый мальчик на свете?

Оливер побагровел. В следующую секунду он закусил губу, взмахнул руками и почти взорвался той массой весьма обидных соображений и предположений, которые собирался донести до Алисы. (В частности, поэтому она не поняла ни слова, и я даже не буду пытаться воспроизвести этот монолог.) Как бы там ни было, Оливер выглядел таким расстроенным, что Алиса решила вернуться к прекрасному мальчику и с сожалением отказаться от его великодушного предложения. Но когда они обернулись, тот уже собрал толпу односельчан, и время вежливых переговоров прошло безвозвратно.

И это была полностью вина Алисы.

* * *

Оливер побелел, как мел.

За одну секунду его кожа приобрела цвет молока, или бумаги, или призрака – если бы у призраков был цвет. Не говоря больше ни слова, он схватил Алису за руку и сжал с такой силой, что ей просто пришлось вырвать ладонь. Девочка скрестила руки на груди и нахмурилась, запоздало осознав масштаб вызванных ею проблем. Оливер стоял неподвижно, с широко распахнутыми

глазами, и лицо его выражало безмолвный ужас.

Прекрасный мальчик и его товарищи все приближались, пока не сомкнули вокруг них плотное кольцо. Самый высокий поднял над головой Алисы зажженный факел, так что теперь все могли рассмотреть ее лицо. Жители Дремоты начали показывать на нее пальцами, кивать и перешептываться. При этом их взгляды безо всякого стеснения шарили по волосам, коже и измятым юбкам девочки. Алиса тут же ощутила себя экспонатом на ярмарке диковин, и это чувство ей не понравилось.

Она многозначительно сузила глаза в сторону прекрасного мальчика, но тот едва ли заметил ее неодобрение. Он улыбался до ушей, гордо поглядывая на односельчан – будто обнаружил забавную зверушку и притащил им поразвлечься. И правда, на что еще может сгодиться *никакая* девочка-оборванка?

Алиса насупилась. У них с Оливером была масса неотложных дел и совсем не было времени на эту чепуху.

Прекрасный мальчик выступил вперед.

– Меня зовут Редкость, – представился он. И улыбнулся.

Алиса хотела ответить, но вдруг лишилась дара речи. В свете факела Редкость оказался совсем не похож на тот образ, который нарисовало в темноте ее воображение. Теперь, когда его черты озарял огонь, Алиса смогла разглядеть его получше.

Мальчик был высоким и крепко сбитым. Из одежды на нем были безрукавка с глубоким V-образным вырезом, очень короткие штаны и пара мокасин. Но интереснее всего оказалась его кожа. Она была словно вылеплена из летней ночи – такой глубокой синевы, что отливала черным, – и, насколько хватало глаз, покрыта татуировками. Мальчика с головы до пят усеивали звезды, луны… целые *галактики*, созданные мерцающими в темноте золотыми чернилами. Алиса уставилась на него, разинув рот.

Как и он на нее.

Его красота имела сверхъестественное происхождение. Происхождение, которого Алиса не понимала.

– Как тебя зовут? – спросил Редкость.

– Алиса, не говори ему! – быстро сказал Оливер.

Девочка даже не успела закатить глаза.

– Тебя зовут Алиса? – улыбнулся Редкость.

Она кивнула – но не раньше, чем метнула гневный взгляд в Оливера. Его лицо снова сменило цвет, на этот раз приобретя болезненный оттенок охры.

– Да, – сказала Алиса и вздохнула. Раз уж Оливер все выболтал, какой смысл отрицать очевидное? – Меня зовут Алиса. Теперь мы можем идти?

Редкость покачал головой:

– Не так быстро. Мы даже как следует не познакомились.

– О… – только и выдохнула Алиса, с тревогой оглядываясь по сторонам. Жители Дремоты плотоядно улыбались им, кивали и махали в знак приветствия. Со стороны они могли показаться образцом дружелюбия, но Алису не оставляло ощущение, что это лишь уловка.

– Это очень мило с вашей стороны, – осторожно сказала она, оборачиваясь к Редкости, – но нам правда пора.

Она сделала шаг в сторону, и мальчик немедленно шагнул следом.

– Куда же ты пойдешь?

Алиса прикусила губу и взглянула Редкости прямо в глаза, раздумывая, сколько ему можно сказать. Девочка не вполне понимала, насколько опасна эта ситуация – Оливер стоял рядом, как столб, и помощи от него было не больше, – но твердо знала, что никому не позволит себя задержать. Если она хочет найти отца, нельзя терять ни минуты.

(Здесь стоит заметить, что если бы не мысли о папе, Алиса отнюдь не чувствовала бы себя такой храброй. Любовь сделала ее бесстрашной, но что в этом удивительного? Мы всегда яростнее сражаемся за других, чем за себя.)

«Как же отсюда выбраться?» – подумала Алиса. Побег мог стоить ей лжи, а она была связана узами правды.

Впрочем, быстро подумала Алиса, ее правда предназначалась только для Ференвуда. Технически – если мы можем говорить технически – Алиса даже не знала о существовании Итакдалии, когда давала свой обет. К тому же охотно убедила она себя, это будет не ложь. Не совсем ложь. Она просто расскажет историю. Сказку. Художественное произведение.

– Я ответственная за солнце, – громко произнесла девочка. – И иду его будить.

Редкость быстро заморгал, ошарашенный.

Оливер со свистом втянул воздух.

По толпе волной прокатился ропот.

– Алиса, – прошептал Оливер, нащупывая ее руку. – О чем ты думаешь?!

– Не знаю, – так же шепотом ответила девочка. Она по-прежнему не отрывала взгляда от Редкости. – Пытаюсь нас отсюда вытащить.

– Но…

– Ты ответственная за солнце? – тихо спросил Редкость. Черные брови сошлись к переносице в жесте глубочайшего недоумения.

– Именно, – ответила Алиса. И еще покивала для пущего эффекта.

– Хм, – нахмурился мальчик. – Мы не думали, что кто-то может взобраться так высоко.

– Я очень талантлива, – заверила его Алиса, на этот раз вовсе не кривя душой. – И много чего умею.

Редкость что-то проворчал.

Алиса изобразила улыбку.

– Ты поэтому такая белая? – без предисловий спросил мальчик.

– Прости?..

– Потому что солнце выжгло из тебя весь цвет, – предположил кто-то из толпы. – Ты забралась слишком высоко, и тебя опалило, да?

– Ну, я не говорила…

– То есть ты не гость? – перебил ее Редкость. – Ты одна из нас, просто потеряла свой цвет? Из-за близости к солнцу?

– Я… гм… – Алиса откашлялась, с опаской глядя на хищные лица вокруг. – Да, именно так все и было.

И она мысленно поздравила себя с только что открытым литературным талантом.

– А как насчет него? – буркнул Редкость, показывая на Оливера.

– Ах да, – быстро ответила Алиса. – Он мой помощник. И тоже множество раз видел солнце. Не так много, как я, но все-таки. Разумеется, рано или поздно он станет таким же белым.

Редкость был заметно огорчен. На самом деле, он так разозлился, что чуть не набросился на Алису. Однако он лишь перекинулся парой слов со своими товарищами, и они начали медленно разбредаться, бросая на спутников недобрые взгляды.

Постепенно те остались вдвоем.

Как выяснилось, оба ждали этого момента, чтобы обменяться впечатлениями о случившемся – и впечатления эти в основном заключались во взаимных обвинениях.

Оливер так и не выпустил руки Алисы и теперь тащил ее через город почти на буксире. Первый гневно сопел, вторая сердито пыхтела. Наконец чаша терпения каждого переполнилась, и оба заговорили хором.

– Поверить не могу! – сказал Оливер.

– Ну ты и трус! – сказала Алиса.

А потом:

– Одни проблемы от тебя, никакой помощи! – сказал Оливер.

– Пальцем о палец не ударил ради нашего спасения, стоял там, как пень! – сказала Алиса.

После этого Оливер остановился так резко, что оба чуть не упали.

– Пальцем о палец не ударил? – вскипел он. – Стоял, как пень?! Алиса, ты в своем уме?

– Не смеши меня, Оливер! Это мне пришлось соображать за двоих, это я…

– Ты ничего не сделала! – почти закричал Оливер. – Знаешь, как мне пришлось попотеть, чтобы вытащить нас из этой заварушки?

– Что? – оторопела Алиса. – *Тебе* пришлось?..

– Мне, Алиса, *мне*. – И мальчик для наглядности потыкал себя в грудь. – Пока ты развлекалась, сочиняя небылицы, я убеждал их тебе поверить. У меня чуть голова не лопнула! Я сделал все, чтобы тебя спасти, и где благодарность? Я беру тебя за руку, а ты вырываешься, я тебе помогаю, а ты кричишь, как резаная…

– Может быть, я не хочу, чтобы меня хватали за руку, – буркнула Алиса, заливаясь краской. – И в любом случае я не пони…

– Я пытаюсь нас спасти! – заорал Оливер. Его почти трясло от злости. – Мне нужно быть рядом, чтобы убедить окружающих просто пройти мимо! Оставить нас в покое! И что я получаю взамен? Ничего. Ровным счетом ничего. Ты дуешься, вырываешься, врезаешься в незнакомцев. Ты… ты словно нарочно хочешь нас погубить!

И Оливер бессильно вскинул руки к небу.

Алиса ткнула его в грудь. Дважды.

– Может быть, если бы ты сразу *честно* сказал, чего мне *ожидать*…

– Может быть, если бы ты была более *терпелива* или хотя бы попросила *вежливо*…

– Я не идиотка! – закричала Алиса. – И нечего со мной сюсюкаться! Если хочешь знать, я и сама прекрасно найду дорогу через Итакдалию!

Глаза Оливера сверкнули.

– Да прямо?

– Прямо, как дуб!

– То есть ты правда думаешь, – вкрадчиво начал Оливер, – что сделала бы хоть пять шагов, если бы я не шел следом и не убеждал всех поверить в твои дурацкие истории? Ты правда думаешь, что кто-нибудь купился бы на такой бред?

Алиса с трудом сглотнула. Теперь девочка уже не ощущала себя так уверенно.

Оливер отвел взгляд и покачал головой.

– Ответственная за солнце, – медленно произнес он. – Господи, что за чушь. Как тебе только в голову пришло?

И он запустил обе руки в волосы, постепенно остывая.

– Ты правда не понимаешь, почему твоего отца *задали* мне? Почему Старейшины послали в Итакдалию, страну ловушек и обмана, именно меня? Я обладаю даром убеждения, Алиса. А еще знаю самый большой секрет каждого встречного – но жители Итакдалии совсем не похожи на жителей Ференвуда, и мне нет никакого толка от их секретов. А это делает все намного сложнее. И если для меня выжить в этой земле было непросто, то для тебя это было бы *невозможно*.

– Позволь заме…

– Прости, – сказал Оливер, выдохшись. – Я не хотел тебя обидеть. Правда. Просто в Итакдалии недостаточно быть храбрым и умным. На самом деле, правда здесь не в цене. Чтобы тут выжить, нужно хитрить, изворачиваться и быть чертовски удачливым, – и мальчик взглянул Алисе прямо в глаза. – Эта земля не прощает. И не дает второго шанса. Она при первой же возможности убьет тебя, чтобы сожрать. Единственная причина, по которой меня до сих пор не постигла судьба твоего отца, – это моя способность к убеждению. Способность заставлять людей верить в то, что мне нужно. Так, пожалуйста, не мешай мне делать то единственное, что я умею. Если мы не будем держаться вместе, то пропадем.

Алиса опустила голову.

– Но даже ты не смог спасти папу, – сказала она тихо. – Даже твоего убеждения оказалось недостаточно.

– Нет, – вздохнул Оливер. – По крайней мере, в тот раз. Но теперь мы сделаем все правильно. Обещаю тебе.

Алиса зажмурилась и обхватила себя руками. Внезапно девочку наполнил холодный, удушливый страх за отца. Итакдалия была прекрасной и пугающей, и хотя Алиса видела лишь малую ее часть, она вполне сознавала, почему эта земля так очаровала папу. Еще она начинала понимать, что Итакдалия полна скрытых опасностей, и беспечный путник непременно попадет в ловушку. Здесь ничего не стоило потеряться – потеряться и сгинуть навеки, – а Алиса даже не подозревала, что Оливер все это время оберегал ее, неотлучно следуя по пятам и убеждая этот жестокий мир отпустить их невредимыми.

Проблема заключалась в том, что она верила, но не доверяла Оливеру. Несколько лет назад мальчик ранил ее глубже, чем думал, болезненно задев гордость и самолюбие, – и это сделало Алису холодной, и жесткой, и упрямой. Но теперь она видела, что борьба с Оливером вредит ей самой. Где-то в глубинах Итакдалии

ее ждал отец – а это значило, что она должна довериться своему спутнику независимо от того, какой *никакой* он ее считает.

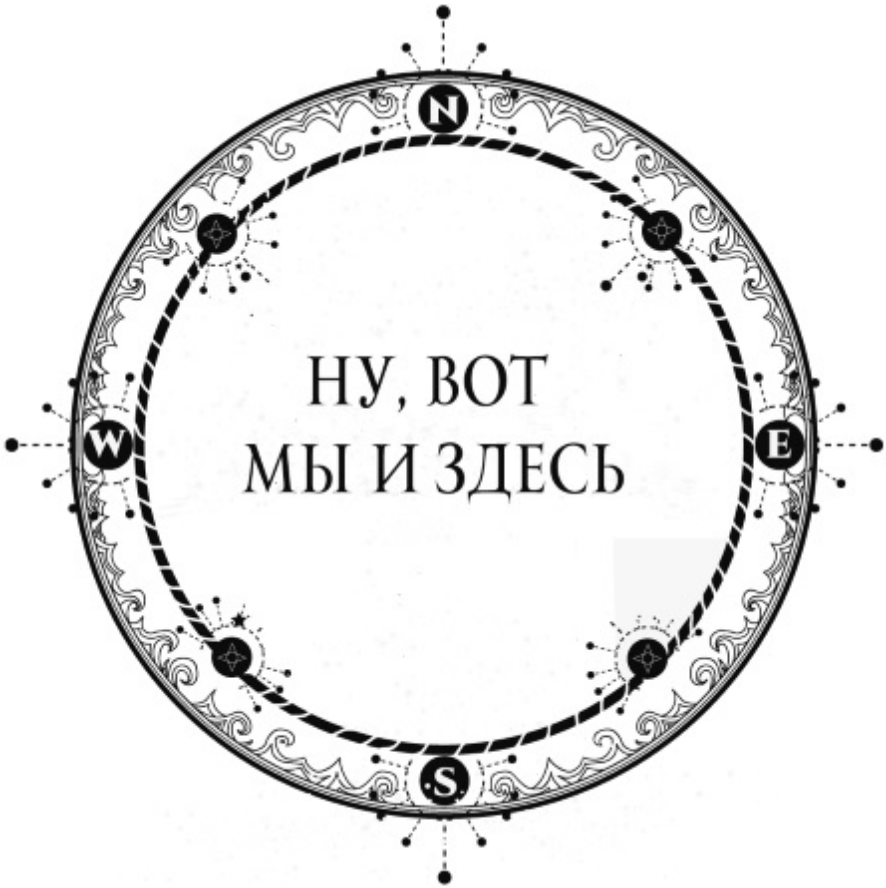
Оливер одним пальцем приподнял ее подбородок, и когда их взгляды встретились, оба извинились. Улица наполнилась словами сожаления и примирения.

Оливер почти улыбнулся.

Алиса тоже.

Затем она нашарила его руку и крепко сжала.

Ну, вот мы и здесь



Путь занял дни. Недели. Месяцы и годы.

– Незачем так драматизировать, – сказал Оливер. – Прошло всего пятнадцать минут.

– Но я замерзла, – пожаловалась Алиса и тут же чихнула.

Оливер остановился и смерил ее внимательным взглядом.

– Да, похоже на то.

На лице мальчика появилось озабоченное выражение. Они снова были друзьями и теперь бок о бок выбирались из Дремоты по булыжной мостовой.

– Ладно, – сказал Оливер. – Не волнуйся, мы уже почти на месте.

Но «почти» все никак не кончалось, и чем дальше они шли, тем призрачнее становилась деревня и ее огни. Пока они проходили центр, глаза Алисы с жадностью поглощали то

роскошество, которого был лишен ее желудок: оранжевые языки пламени – настоящие и нарисованные; глянцевый черный задник; толкотня, беготня, охи и вздохи. В Дремоте было зябко, но оживленно. Пыхтели трубы, кричали дети, прохожие оставляли на тротуарах тающие клочки разговоров.

Теперь все это осталось позади.

– И куда мы теперь? – спросила Алиса Оливера. – За карманной книжкой?

– Вверх, – объявил мальчик радостно.

– Господи, Оливер, неужели последние полчаса нас ничему не научили? «Вверх» – это не ответ.

– Точно, – ответил он с испугом. – Точно, прости. Говоря «вверх», я имел в виду «в небо». Видишь ли, я спрятал книгу в облаках.

Алиса подумала, что объяснение, которого она так страстно желала, только еще больше все запутало. Теперь она уже не была уверена, что хочет понять Итакдалию.

Как бы там ни было, в носу у нее снова засвербело – поэтому девочка торопливо высвободила руку, на всякий случай продолжая держать Оливера за тунику. Однако тревога оказалась ложной. Алиса подавила порыв чихнуть и шмыгнула онемевшим носом. Последние воспоминания о солнце растаяли бесследно, прихватив с собой остатки тепла.

– Ну ладно, – сказала Алиса, когда на дороге снова воцарилась тишина. – Так почему у тебя не получилось?

– Что не получилось? – спросил Оливер, заметно напрягшись.

– Спасти папу. Почему в первый раз у тебя не вышло?

– Я… – Оливер замялся. – Ну, я…

Девочка видела, что он прямо сейчас принимает непростое решение – решение, которое должно было направить их дружбу по тому или иному пути. Сможет ли он поделиться с Алисой неуверенностью в себе? Осмелится ли обнажить перед ней свою слабость? Что же он выберет, хм? Правду или недомолвку, правду или недомолвку, правду или…

– Просто я оказался не так хорош, – наконец признался Оливер.

(Ага, кусочек правды. Тоже неплохо.)

– Я зашел в тупик. В конце все стало совсем запутанно, и я понял, что мне нужна помощь.

– *Моя* помощь? – уточнила Алиса одновременно польщенно и с подозрением.

Оливер остановился и посмотрел ей прямо в глаза.

– Да, – ответил он прямо. – Ты ведь понимаешь почему? Хотя бы догадываешься?

– Потому что он мой папа? – предположила Алиса, вглядываясь в лицо мальчика в поисках ответов. – Потому что тебе нужно знать о нем что-то, что знаю только я?

Оливер в нерешительности отвел взгляд. Затем улыбнулся и покачал головой.

– Ну, это можно обсудить и позже, верно? А сейчас, – добавил он, снова устремляясь в темноту, – нам лучше держать ушки на макушке. Итакдалия только и ждет, когда мы зазеваемся. Здесь на каждом шагу расставлены ловушки и обманки – хитрее или глупее, чем ты думаешь. Это странная и опасная земля… Думаю, потому твой отец и не смог вернуться, – печально подытожил мальчик.

– Наверное, – поежившись, кивнула Алиса.

Напоминание о постигшей отца судьбе было болезненным, но девочка не дрогнула. Три года она волновалась за папу и гадала, куда он ушел, – а теперь была близка к нему, как никогда.

И при этом ужасно, ужасно далека.

Алиса мечтала о возвращении отца, как другие люди мечтают о богатстве и славе. Она сотни раз воображала себе их воссоединение – каждую слезу, улыбку и судорожное объятие. Но в итоге оказалось, что фантазировать о счастливой встрече удобнее издалека. Теперь девочку переполнял лишь страх. Что, если у них с Оливером ничего не получится? Что, если она испортит все какой-нибудь дурацкой ошибкой – и папа останется в Итакдалии навсегда? Как она сможет примириться с этой потерей, зная, что сама же в ней виновата?

Тревоги окутывали Алису, словно тяжелый плащ, туго стянутый на горле. Но как бы она ни боялась провала, Итакдалии и таящихся в ней ужасов, девочка продолжала шагать вперед. Пути назад не было.

Алиса окончательно потеряла счет времени, но чем дольше они шли, тем сильнее сгущалась тьма; и чем сильнее сгущалась тьма, тем холоднее было; и чем холоднее было, тем становилось тише; и чем становилось тише, тем отчетливее казались все звуки.

– Боже мой, – сказал Оливер. – У тебя в животе медведь рычит?

Алиса почувствовала, как заливается краской.

– Я не виновата, – ответила она. – У меня не было полуденника.

– И как ты себя чувствуешь? – спросил Оливер.

Он остановился, и Алиса последовала его примеру. Их окружал непроглядный мрак. Насколько хватало глаз, нигде не было и проблеска света.

– Прекрасно, спасибо.

Желудок Алисы завел очередную тоскливую песню, и девочка вздохнула.

– Если честно, я сейчас в обморок от голода упаду.

– То есть ты чувствуешь себя довольно пустой, верно?

Алиса недоуменно приподняла бровь.

– Пустой, – повторил мальчик. – Изнутри.

– Пустой, как дупло, – подтвердила девочка.

– Отлично. Безупречный расчет времени.

– Как можно быть таким грубым! Ничего хорошего в моем голоде нет!

– Если ты голоден, то можешь одним рывком выдернуть две редиски, – загадочно произнес Оливер. – И не две, а три. Не три, а четыре…

Мальчик понизил голос до шепота. Не сводя глаз со звезд, он торопливо нащупывал в воздухе что-то невидимое.

Алиса вытаращила глаза.

– Ты что делаешь?

Ответ не понадобился.

Что-то звякнуло, и в руке Оливера появился хвост железной цепи, спускавшейся, кажется, с самого неба. Мальчик дернул его, и сверху раздался звук, будто кто-то щелкнул садовыми ножницами.

В ту же секунду у них над головами вспыхнула лампочка.

Самая обычная лампочка без намека на провод, которая висела в пустоте в добрых трех метрах над землей – Алиса не смогла бы дотянуться до нее, даже встав на стул.

– Готова? – спросил Оливер.

– Конечно, – кивнула Алиса, с трудом отрывая взгляд от лампочки. – А к чему?

В следующую секунду мальчик обхватил ее за талию, и они со стремительностью пушечного ядра взмыли в ночное небо.

* * *

По-хорошему, Алисе следовало бы завопить – по крайней мере, такое поведение было бы вполне логичным, – только вот вопить ей совсем не хотелось. Во-первых, она ничуть не испугалась, а во-вторых, в небе оказалось куда теплее, чем на земле. Она летела все вверх и вверх, легкая, как воздушный шарик, – пока они с Оливером не замедлились и не ступили на сотканный из облаков ковер. Только тогда Алиса поняла, почему было так важно зажечь ту первую лампочку. В небесах царил

непроглядный мрак.

Алиса приободрилась первой; через мгновение рядом возник Оливер.

– Тут мило, правда? – спросил он.

Мило было не совсем подходящим словом. Алисе не было страшно – но определенно очень странно. Облако, которое их приютило, казалось ужасно ненадежным: дунь – и развеется. Но когда девочка поделилась своими опасениями с Оливером, тот лишь пожал плечами.

– Пока ты голодна, волноваться не о чем. Всегда лучше летать на пустой желудок.

Мальчик почти светился от радости.

Не успела Алиса и глазом моргнуть, как он присел на корточки и начал ощупывать росистый пух облаков, зарываясь пальцами в длинные молочные пряди. Порой Оливер протыкал особенно запутанный колтун насквозь, и тот превращался у него в руках в дождевую лужицу. Кажется, эта игра доставляла мальчику неподдельное удовольствие. Вдруг Алиса заметила, как он подносит ко рту полную пригоршню воды, и в ужасе дернула его за тунику.

– Эй! Ты же говорил, что в Итакдалии нельзя ничего есть!

– Это не еда, – возразил Оливер, облизывая пальцы. – Это удовольствие.

Глядя на его мечтательное лицо, Алиса задумалась, что чем дальше они углублялись в Итакдалию, тем свободнее чувствовал себя Оливер. (Разумеется, еще он поминутно нервничал, был настороже и даже моргал вполглаза, но почему-то казался здесь счастливее, чем в Ференвуде.) Куда подевался ворчливый мальчишка, преследовавший ее накануне? Теперь Оливер выглядел легкомысленным, почти беззаботным, и Алиса не смогла удержаться от улыбки. Возможно, они все-таки подружатся?

Алиса была яркой и интересной девочкой, но трудности последних трех лет лишили ее общества сверстников. Теперь же ей представился шанс начать все сначала и забыть о разочарованиях среднероста. Девочку переполняло воодушевление. В конце концов, теперь ей двенадцать, то есть по меркам Ференвуда она почти совершеннолетняя. Что, если повзрослеть и, значит, обзавестись новыми друзьями? В таком случае Алиса была не прочь расстаться с детством.

Вокруг теснились облака – мягкие, теплые, рыхлые. В воздухе пахло яблоникой и свежеиспеченным хлебом. Алиса никогда бы не подумала, что в небесах может быть так уютно.

Девочка перегнулась через край облака, чтобы посмотреть,

высоко ли они забрались, но ничего не увидела. Внизу, насколько хватало глаз, клубилась темнота, а вокруг расстилались бесконечные туманные поля – такие мягкие и уютные… Алиса подумала, что не будет большой беды, если она на минуточку приляжет и вздремнет в одном из них. Я уже говорила, что облака были ужасно теплыми и мягкими? Впрочем, не важно. Алиса до смерти устала. А в небесах было так удобно, так дремотно…

– Алиса! – раздался крик у нее над ухом. – Алиса, нет!

Оливер изо всех сил встряхнул ее за плечи. С трудом разомкнув отяжелевшие веки, Алиса увидела, что ее спутника колотит дрожь.

– Что такое? – растерянно заморгала девочка. – Что случилось?

– Нельзя спать без снов, – жестко сказал Оливер. – Никогда, никогда не спи в Итакдалии без снов!

Он выглядел таким напуганным, что Алиса не сразу нашлась с ответом.

– Они попытаются тебя схватить. Но тебе нельзя, просто нельзя здесь оставаться. Понимаешь?

– Нет, – честно ответила Алиса, которой передался страх Оливера. – Не понимаю. Кто попытается меня схватить? Зачем?

– Ты серьезно? Ты что, вообще ничего не знаешь об Итакдалии?

– Нет конечно, – насупилась Алиса. – То есть до меня доходили слухи, но это была полная чушь! – И девочка многозначительно оглядела небеса вокруг. – Оливер, мы сидим на *облаке*. Если ты думаешь, что я вижу в происходящем хоть какой-то смысл, то глубоко ошибаешься.

Оливер почти улыбнулся.

– В Ференвуде очень важно видеть во всем смысл, да? Хотя это самая скучная штука, на которую только можно смотреть. – Он покачал головой. – Заниматься магией намного интереснее.

– Но мы *занимаемся* магией, – удивилась Алиса. – Например, чудопашеством…

Оливер вздохнул.

– Ну да. Мы культивируем магию. Выращиваем ее. И что делаем с ней потом? Превращаем в деньги. Мы устанавливаем законы, строим дома, печем хлеб. И расходуем волшебство так экономно, что можно подумать, будто у нас его вообще нет.

– Тебе не нравится, как мы живем в Ференвуде?

– Нет-нет, – быстро сказал Оливер. – Не совсем. Просто я иногда думаю, что нам есть чему поучиться у Итакдалии. Есть что-то любопытное в земле, где магию можно использовать, как заблагорассудится.

Оливер улыбнулся своим мыслям.

– Должен сознаться, хаос мне порой по душе. Никакого сравнения с нашими сонными, скучными ференвудскими жизнями!

Алиса прижала холодные ладони к холодным щекам, и те странным образом согрели друг друга. Минуту или две девочка молчала. Слова Оливера поселили в ней чувство тревоги, и она впервые по-настоящему задумалась, не совершила ли огромную ошибку, отправившись в Итакдалию.

Алиса была не согласна с Оливером, вот в чем дело.

Она искренне любила свой безопасный, уютный городок. Для девочки, всю жизнь страстно мечтавшей о путешествиях, в ней не было особой тяги к хаосу. На самом деле Алиса даже не представляла, как можно использовать магию бездумно и эгоистично, не заботясь о последствиях для окружающих. В Ференвуде дела так не делались; там обитали добрые, заботливые люди, которые в большинстве своем проживали спокойные и счастливые жизни. Не подчинявшаяся правилам магия казалась Алисе опасной. Используя ее по своему хотению, было очень легко причинить кому-нибудь вред. Задумавшись об этом, Алиса наконец ухватила мысль, которая упорно ускользала от нее в Дремоте.

– Оливер… – медленно начала девочка.

– Да?

– В Итакдалии есть люди, которые хотят нас убить?

– Конечно, – ответил Оливер.

Алисе вдруг стало больно дышать.

– А ты как думала? – спросил мальчик с удивлением. – Потому Старейшины и не хотят, чтобы в Ференвуде знали об Итакдалии. Эта земля – зыбучий песок. Если сюда попал, можешь не надеяться выбраться.

– Никогда? – в отчаянии воскликнула Алиса.

– Никогда.

– Но почему?

– Слушай, я правда хотел бы тебе рассказать, но объяснения займут слишком много вре…

Оливер осекся, столкнувшись с яростным взглядом Алисы.

– Ладно, – сдался он со вздохом. – Можем поговорить об этом пару минут. Но только пару! И, думаю, лучше начать с самого начала – раз уж ты понятия не имеешь о середине.

Оливер огляделся, ища, на что бы опереться, ничего не нашел и принялся мерить шагами облако.

– Ты ведь помнишь старую песенку? Про Ференвуд и Итакдалию?

Этот вопрос был излишним. Алиса кивнула и, не задумываясь, продекламировала:

За горами, за морями и так далее
Есть земля с чудны́м названьем Итакдалия.
Ты в коробку загляни,
В море синее нырни,
Перейди скорей песок,
Что ни мелок, ни глубок,
Да смотри, который час —
Дорог времени запас.
Приключения, опасность и так далее
Ты найдешь с избытком в славной Итакдалии!

Это была старинная потешка, которую знали все ребята в Ференвуде. Забавный стишок-чепуховина, призванный быстрее навеять на малышей сон. И только теперь, громко повторяя его нараспев, Алиса начала видеть за кажущейся глупостью более глубокий смысл.

Дочитав стишок, она надолго погрузилась в молчание. Оливер кивнул, угадав, о чем она думает.

– Давным-давно, – начал он, – Ференвуд и Итакдалия были одной страной, и разделяло их только вертикальное море. Эта земля называлась Ойкуменой. В те времена все было иначе. В Ойкумену можно было свободно попасть из неволшебного мира.

У Алисы расширились глаза. Об этом она не знала.

– Волшебники женились на неволшебниках, и какое-то время все было в порядке. Но… Ты же знаешь, как это обычно бывает. Нам не выжить без магии, а неволшебникам этого было не понять. Некоторые дети, рожденные в смешанных браках, обладали талантом к магии, а другие нет – и невозможно было сразу определить, где какие. Тогда родители-неволшебники захотели забрать своих детей из Ойкумены, а это уже не могло кончиться добром. Но, что еще хуже, для немагических матерей было очень сложно выносить ребенка-мага. Многие из них погибали в родах. Это были очень темные и несчастливые времена.

– Ох, Оливер, – сказала Алиса, хватаясь за сердце. – Какая ужасная история.

Мальчик кивнул.

– Поэтому большую часть я лучше пропущу. Ты что-нибудь знаешь о происхождении Ференвуда и Итакдалии?

Алиса покачала головой.

– Все началось с двух сестер-близнецов, – мрачно сказал Оливер. – Их мать-неволшебница умерла в родах, и дочерей

воспитал скорбящий отец. Но девочки по-разному восприняли его горе. Ферен, которая унаследовала магические способности отца, решила, что лучше прекратить подобные трагедии, разорвав все связи с неволшебным миром. Однако ее сестра Итаки, не обладавшая магией, хотела, наоборот, укрепить эти связи, чтобы почтить память матери. Их спор положил начало настоящей революции. Сестры стали ключевыми фигурами противостояния, которое длилось много десятков лет. Развязывались войны. Люди делились на лагеря. Наконец Ойкумена раскололась на Ференвуд и Итакдалию, какими мы их знаем сейчас.

Алиса была в таком шоке, что не могла стоять. Поэтому она уселась на облако, скрестив ноги и опершись на руки позади себя.

– Что же случилось дальше?

– Они разорвали все контакты, – ответил Оливер. – За время войны обе стороны потеряли столько людей и магии, что наконец пришли к единственному нерушимому соглашению: они не будут лезть в магические дела друг друга, пока стоят их земли.

– Ого, – выдохнула Алиса.

– Итакдалия оказалась верна желаниям своей основательницы и до сих привечает любых гостей – волшебники они или нет. Но порой здесь творятся нечистые дела, которые привлекают нечистые души. Мало кто приезжает сюда, чтобы просто полюбоваться пейзажами, – Оливер нахмурился. – Их не отпугивает даже то, что магия Итакдалии дикая и не подчиняется законам. Это место – настоящее порождение хаоса. Со временем Итакдалия раздробилась на сотни мелких деревушек, каждая со своими правилами. Зачастую они еще и противоречат друг другу, потому что любая сумятица на руку местным жителям. Видишь ли, они используют магию быстрее, чем земля ее порождает, и жажда большего толкает их на ужасные поступки.

– Какие поступки? – прошептала Алиса.

Оливер замялся:

– Ну… Мы в Ференвуде живем за счет земли, верно? Мы укрепляем свои магические способности, когда едим волшебные овощи, фрукты и орехи.

Алиса кивнула.

– Ну так вот. – Оливер откашлялся. – Жители Итакдалии не едят овощи, фрукты и орехи.

Девочка чуть не подпрыгнула.

– Я знала! Знала! Вот почему они едят животных, да? Какой кошмар!

– Боюсь, все еще хуже, – тихо ответил Оливер.

– К-как? – с запинкой произнесла Алиса. – Что ты имеешь в виду?

– Итакдалия ни перед чем не остановится, чтобы заполучить лишний кусочек магии. И нас – я имею в виду, тебя и меня – здесь с удовольствием сожрут при первой же возможности.

Алиса в растерянности заморгала.

– О господи, – вздохнул Оливер. – *Сожрут*, Алиса. В буквальном смысле. Они занимаются людоедством ради магии. Хотя итакдалийцы предпочитают есть гостей, – быстро добавил мальчик. – Это кажется им более… милосердным? Сородичей они едят только в самых отчаянных случаях. И чтобы избежать этих случаев, предпринимают упреждающие меры.

Алиса ахнула и прикрыла рот рукой.

Оливер принялся в задумчивости покусывать большой палец.

– Можно сказать, что вся Итакдалия – система невероятно сложных паутин. У каждой деревни свои способы охоты, поэтому… – Мальчик вскинул бровь. – Поэтому-то здесь и непросто выжить.

– Какой ужас! – закричала Алиса, прижимая руку к груди. – Кажется, я не могу дышать. Или могу? Нет, не могу.

Разумеется, она ошибалась – но была в какой-то момент так потрясена и напугана, что и в самом деле пропустила пару вдохов. Девочка зажмурилась, пытаясь удержать на месте содержимое желудка. Теперь она точно знала, что ненавидит больше всего на свете – Итакдалию. Страх за отца, и прежде переполнявший Алису, превратился в откровенный ужас. Девочка даже боялась задумываться, какие кошмары ему пришлось тут пережить.

– Ладно, – сказал Оливер, протягивая ей руку. – Пора отсюда убираться.

Алиса поднялась на ноги, отряхнула юбки и снова вгляделась в клубящуюся вокруг темноту. Она больше ничему здесь не доверяла. Даже эта бархатная ночь скрывала невидимые плотоядные тайны.

– Оливер, – тихо произнесла девочка.

– Ммм? – Тот деловито шарил по карманам.

– Как ты все это узнал? Историю Ференвуда и Итакдалии? Не припомню, чтобы нам рассказывали о таком в среднеросте.

Оливер поднял голову:

– Нет. В Ференвуде об этом не говорят. Мне рассказали друзья в Итакдалии.

– У тебя тут есть друзья? – удивилась Алиса. – Но я думала…

– Ну, на каждой грядке найдется хорошая и гнилая картошка, верно? – И Оливер пожал плечами, возвращаясь к раскопкам в карманах. – Я встречал здесь множество сердец, в которых таились самые прекрасные секреты. Поверь, не все в Итакдалии

одобряют людоедство.

– Но…

– Прости, Алиса, но нам правда нужно спешить. Мы уже потратили уйму времени и, если потеряем еще чуть-чуть, это будет считаться растратой. Обещаю, что отвечу на твои вопросы, как только смогу.

– Ладно, – ответила девочка, потерянно разглядывая ладони. – Но… Можно задать всего один вопрос? Последний.

Оливер вздохнул и улыбнулся:

– Да?

– Скажи, папа в очень большой опасности?

Улыбка мальчика потускнела.

– Как хорошо, что ты здесь, – сказал он наконец, отводя глаза. – Ты нам нужна.

– Нам?

– Да, – кивнул Оливер. – Твоему отцу и мне.

Алиса снова забыла, как дышать.

– Ты его видел? – закричала она, хватая Оливера за тунику. К глазам подступили горячие слезы. – Господи, Оливер, пожалуйста, скажи, что ты его видел!

– Я… – Мальчик с усилием сглотнул. – Ну да, видел.

– Как он? Он здоров? Он что-нибудь тебе сказал?

– Да, – уже тверже ответил Оливер. Звезды за его спиной горели голубым огнем, а небо пульсировало алчной темнотой. – Мы говорили, но… Только однажды.

– И? – Алису переполняло нетерпение. Страх. Ужас. Счастье. – Что он сказал?

Оливер опустил взгляд:

– Он сказал мне найти тебя.

* * *

Некоторое время Алиса смотрела на мальчика, онемевшая и оглушенная. Затем в воздухе что-то изменилось: облака дрогнули, луны замигали, а звезды начали колыхаться, словно листья на ветру. Оливер это заметил.

Не теряя больше ни минуты, он принялся судорожно рыться в карманах. Алиса по-прежнему молчала, пытаясь осмыслить то, что не укладывалось у нее в голове.

Отец просил ее найти.

Да, тут было от чего задрожать коленкам. Алиса глубоко вдохнула и поняла, что скучает по папе, как никогда прежде.

Однако затем Оливер вытащил из кармана какой-то пузырек,

и любопытство волей-неволей вернуло девочку с небес на землю – точнее, на облака.

– А это зачем? – удивилась она.

– У неба есть кое-что нужное нам, – объяснил Оливер. – Поэтому мы должны дать ему что-то, чего хочет оно.

– А чего может хотеть небо? – Алиса обхватила себя руками и попыталась унять ползущую по позвоночнику дрожь. Неожиданно ей стало холодно. – Бред какой-то.

– Ну ты даешь, – удивленно ответил Оливер. – Все чего-то хотят.

С этими словами он откупорил пузырек и перевернул его вверх дном. К сожалению, наверху было слишком темно, чтобы разглядеть, что из него вылилось.

– Грязь, – пояснил Оливер, отвечая на молчаливый вопрос Алисы. – Этому участку неба, – и он обвел рукой воздух вокруг, – не суждено коснуться земли. Он узник, запертый здесь навеки. Все, что он может – с восторгом вглядываться в землю внизу, гадая, какая она на запах и вкус.

Алиса никогда не задумывалась об одиноком небе. Эта идея была для нее в новинку, и девочка не отказалась бы поразмыслить над ней на досуге, – но тут раздался звук, похожий на треск молнии, и Алиса с Оливером дружно на него обернулись. В воздухе парила книга – большая, толстая, обтянутая коричневой кожей. Оливер схватил ее одной рукой, а другой крепко сжал ладонь Алисы. Не успела девочка и моргнуть (или тем более спросить, что происходит), как они провалились сквозь облака. Вес книги сделал их тяжелыми; и хотя они летели целую вечность, а потом с размаху ударились о землю, оба отделались парой синяков и сбитым дыханием. Алиса открыла глаза, убедилась, что все ее конечности на месте, и поспешила отцепиться от Оливера. Затем она, пошатываясь, сделала несколько шагов в сторону и недоверчиво ощупала голову. Почему они еще живы?

– Почему мы еще живы? – спросила Алиса, поднимая взгляд к облакам. – Мы должны были разбиться вдребезги!

Оливер только пожал плечами, отряхивая штаны.

– Разбиться при падении – невероятно скучный способ умереть. В Итакдалии такое не одобряется.

– Ясно, – сказала Алиса, размышляя, не повредился ли Оливер при ударе умом.

Теперь, когда оба собрали руки, ноги и головы, они смогли как следует разглядеть свою добычу.

Карманную книгу, как назвал ее Оливер.

Только вот эта книга была совсем не карманной, – о чем

Алиса не преминула ему сообщить.

– Что ты хочешь сказать? – опешил Оливер. – Конечно, это карманная книга. Что же еще?

– Карманная книга должна помещаться в карман, – сказала Алиса, постучав пальцем по обложке. – А эта и в сумку не влезет!

Мальчик нахмурился.

– Помещаться в карман?.. Слушай, я понятия не имею, чему учат нынешнюю молодежь, но это, – и Оливер с хрустом раскрыл книгу посередине, – именно карманная книга!

Он не солгал.

В руках у него лежала самая настоящая книга. К каждой странице которой был приделан карман.

Алиса в изумлении потянулась к ней рукой, и Оливер испуганно отдернул книгу.

– Ты что творишь?

– Я просто хотела…

– Нельзя вот так взять и залезть в чужой карман!

– Почему?

– В каком смысле – почему? – Оливер выглядел так, будто сейчас сгорит от стыда за спутницу. – Где твои манеры?

– Эй! – обиделась Алиса, топнув ногой. – Это нечестно! Мои манеры при мне.

– Да? То есть мама разрешает тебе вот так запросто залезать в карманы незнакомцев?

– Нет, – ответила Алиса, заливаясь краской. – Я… я не поняла, что это настоящие карманы настоящих людей.

Оливер смягчился.

– Ты правда никогда раньше не видела карманных книг?

Алиса покачала головой.

Когда мальчик заговорил снова, в его голосе слышалась искренняя грусть.

– Я так понимаю, домашнее обучение твоей мамы было не слишком основательным?

– Совсем не основательным, – ответила Алиса, разглядывая землю.

– Тогда прости.

Девочка с удивлением подняла взгляд, поняв, что он и вправду сожалеет.

– Карманные книги – это собрания карманов других людей, – объяснил Оливер. – А чужое имущество нельзя трогать без разрешения.

– Это справедливо, – согласилась Алиса.

Оливер кивнул.

– И как же нам получить разрешение?

– Спросить хозяев, конечно.

– Всех-всех-всех?

– Некоторых, – ответил Оливер, аккуратно закрывая книгу.

– А можно мне посмотреть поближе? – спросила Алиса. – Обещаю не трогать ничьих карманов. Мне просто любопытно.

– Боюсь, я должен как можно скорее вернуть ее другу, – ответил Оливер. – Так что лучше попроси уже у него. К тому же сейчас все равно ничего не видно, а когда проснется солнце, здесь станет небезопасно.

Алиса прищурилась.

– Ты этого не говорил.

– Ну, я пытался, правда? Как бы там ни было, книгу мы забрали и теперь можем отправляться дальше. Нам нужно раздобыть для путешествия кое-что еще, поэтому мешкать не стоит.

Алиса ринулась вперед с такой готовностью, что чуть не запуталась в юбках. Девочка шагала за Оливером след в след, едва не наступая ему на пятки. Итакдалия и скрытые в ней опасности наполняли ее неподдельным ужасом (и если бы Алиса могла выбирать между домом и Итакдалией, она бы, не задумываясь, выбрала дом), но все здесь было таким *интересным* – непохожим и захватывающим, – что странным образом притягивало. В конце концов, Алиса давно свыклась с чувством потери, одиночества и проникающей до костей печали, но она еще никогда не встречала никого, кто хотел бы ее *съесть*. Это интриговало. К тому же теперь, когда у нее появилось время обдумать эту идею подробнее, Алиса поняла, что даже немного… польщена. Видите ли, она чрезвычайно редко слышала комплименты в свой адрес и теперь, как ни странно, была рада услышать, что кому-то нужна – хоть бы и в виде жаркого. Это значило, что ее магию признали первосортной, а саму ее – ценной. Разве не так?

Разумеется, это было не так. Но почти никому из взрослых не удавалось постигнуть логику подростка, и я даже не буду претендовать на лавры первопроходца. В любом случае теперь Алиса была еще сильнее взбудоражена Итакдалией и ее чудесами – и намеревалась узнать об этой загадочной земле все, что получится. Однако Оливер не горел желанием делиться.

– А где ты жил? – спросила Алиса, подпрыгивая на ходу. – Мама приезжала тебя навестить?

Оливер засмеялся странным, неверящим смехом, который исказил его лицо и сморщил нос.

– Мама? – переспросил он. – *Навестить*? Ты шутишь?

– Разве она по тебе не скучала?

Оливер вскинул бровь:

– Вот уж сомневаюсь. А ты бы хотела, чтобы тебя *навещали* на задании?

Алиса залилась румянцем.

– Ну, учитывая, что у меня никогда не будет задания, мой ответ ничего не изменит, верно?

Оливер остановился и прикусил губу. К его чести, мальчик выглядел искренне смущенным.

– Прости, – сказал он. – Я забыл.

– Ничего. Я тоже почти забыла.

– Ты не выкинула карточку?

Алиса нащупала в кармане маленький жесткий прямоугольник и покачала головой.

– Я по-прежнему думаю, что ее нужно вскрыть.

– А я по-прежнему думаю, что нам нужно как можно скорее найти папу, – ответила Алиса, отводя взгляд.

Оливер открыл было рот, но секунду подумал и снова его закрыл.

Некоторое время они шли молча.

– А что нам еще потребуется для путешествия? – наконец нарушила тишину Алиса.

Оливер взглянул на ее босые ноги.

– Туфли.

– Туфли? – испугалась Алиса, догоняя мальчика. – Но я никогда их не ношу!

– Еще тебе нужно получить разрешение на пребывание в Итакдалии, – продолжил Оливер. – Раздобыть линейку – у всех гостей должна быть линейка, само собой, – и наполнить ее…

Оливер все говорил и говорил, но Алиса его больше не слышала. Мальчик не сразу заметил, что читает лекцию придорожным кустам. Обернувшись, он увидел, что девочка замерла на месте как вкопанная, с широко распахнутыми глазами.

– Что такое? – выдохнул Оливер, озираясь в поисках опасности. Вообще-то он не собирался пугаться, но Алиса обладала неприятным свойством его пугать. – Что случилось?

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем мне линейка?

– Затем, – терпеливо ответил Оливер. – Многие вещи в Итакдалии делаются хаотично, но в отношении линеек все абсолютно четко и линейно.

– Но…

– Послушай, Алиса, – перебил ее мальчик, хмурясь. –

Пожалуйста, давай не будем спорить. В отношении туфель мы еще можем прийти к компромиссу, но линейка совершенно обязательна. Без нее гостям в Итакдалию вход воспрещен.

– Почему?

– Потому что она отмеряет отпущенное нам время. – И Оливер, порывшись в сумке, извлек на свет простую деревянную линейку, которая вызвала у Алисы мгновенное и болезненное чувство узнавания.

Девочка взяла ее и внимательно изучила. Линейка – вот и все, с чем ушел папа из дома три года назад. Разумеется, Алиса об этом не забыла. Да и как забыть? Отец заботился о своей линейке, как о живом существе: укутывал в тонкий красный бархат, хранил в верхнем ящике письменного стола и каждый вечер проверял, на месте ли его сокровище. Однажды Алиса взяла линейку, надеясь с ней поиграть, но отец строго сказал, что она не для забавы.

Сказал, что эта линейка особенная.

Алиса всегда недоумевала, как *линейка* может быть особенной, – но теперь, кажется, начала понимать. Насколько она помнила, папина линейка была очень похожа на эту: темная, тонкая, с нанесенными по краю стандартными делениями. Но их главное отличие было одновременно и самым странным: линейка Оливера была намного, намного тяжелее.

– Ну да, – кивнул Оливер. – Она же сейчас заполнена.

– Чем заполнена?

– Временем. На самом деле это единственное, что регулируется в Итакдалии, – и мальчик вздохнул. – Местные жители очень щепетильны в отношении времени. С гостей тут глаз не сводят, а за продолжительностью каждого визита строго следят.

– Время, – тихо повторила Алиса. – Как странно…

– Да уж. Они тут не любят тратить его попусту. Долгие годы гостям в Итакдалии давали столько времени, сколько они хотели, – но они начали преступно тратить его на размышления и рассуждения. Тогда правила ужесточили. – И мальчик, видя непонимание на лице Алисы, добавил: – Исследования показали, что размышления ведут к принятию обдуманных решений. Для местных жителей это смерти подобно.

У Алисы округлились глаза:

– То есть они не хотят, чтобы гости принимали обдуманные решения?

– Нет, конечно, – проворчал Оливер, протягивая руку за линейкой. – Глупых людей гораздо проще съесть.

– Прошу прощения?..

– Если ты заставишь гостей принимать поспешные, необдуманные решения, они начнут чаще ошибаться в выборе, а это быстрее приведет к их смерти. Но медлить тоже нельзя, потому что тогда тебя обвинят в растрате времени и все равно пустят на жаркое. Идеальная ловушка: ты проигрываешь в любом случае. Поэтому нам придется быть быстрыми и умными *одновременно*.

Алиса с неохотой вернула линейку. Конечно, объяснения Оливера ее потрясли и ужаснули, но сейчас мысли девочки блуждали в другом месте.

– Тебе сказали, что папа ушел из Ференвуда с одной линейкой?

– Да.

– Получается, он знал, – произнесла девочка, боясь озвучивать свои подозрения. – Знал, куда идет.

– Скорее всего, – ответил Оливер. – Он бывал здесь множество раз и прекрасно понимал, как тут все устроено. На самом деле, когда я сюда попал, то не потерялся только благодаря его заметкам. Я перед ним в огромном долгу.

Да, тут было о чем подумать.

Почему отец вернулся в Итакдалию спустя столько лет? Что надеялся здесь найти?

Алиса всегда подозревала, что папа отличается от прочих ференвудцев: его познания были шире, суждения глубже, глаза ярче, – но она никогда не думала о нем как о человеке с секретами. Теперь же девочка начала понимать, что совсем не знала отца.

Алиса закусила губу и попыталась причесать растрепанные мысли. Любить папу значило принимать его целиком – как открытые окна, так и пыльные углы, – и она не стала бы любить его меньше из-за секретов. (В конце концов, у Алисы тоже были свои тайны.) Возможно, когда мы взрослеем, то становимся в чем-то уязвимее – и прикрываем секретами эту уязвимость, чтобы не позволить причинить себе боль.

– Ну что? – продолжил Оливер, разгладив край туники. – Добудем тебе пару туфель?

Алиса опустила взгляд на свои босые ноги.

Стыдно сказать, но ее никогда не интересовала обувь. Лишь зимой девочка носила льняные башмачки с узором из цветов хлопка – мягкие, удобные и пружинящие на ходу. Но сейчас было тепло, и Алиса даже представить не могла, зачем бы ей надевать туфли.

– А это обязательно? – жалобно спросила она Оливера.

– Впереди долгий путь, – ответил тот со всем доступным ему

сочувствием. – Я бы *крайне* рекомендовал обуться.

– Ладно, – сдалась Алиса. – Хорошо. Если это поможет в поисках папы, я не про… ой! – И девочка осеклась, вспомнив кое-что очень важное.

– Что такое? – заволновался Оливер.

– У меня совсем нет денег, – призналась Алиса и тут же быстро добавила: – А здесь вообще принимают финки? Чем расплачиваются в Итакдалии?

– Понятия не имею, – расплылся в улыбке Оливер. – Обычно, если мне что-то нравится, я просто прошу.

– Но это кража!

– А по-моему, акт доброй воли.

– Ох, Оливер, – сказала Алиса, сощурившись. – Ты невыносим.

– Пусть так, – беззаботно ответил мальчик. – В любом случае деньги у меня есть. Подожди минутку.

И Оливер, покопавшись в сумке, вытащил несколько красных монет, похожих на пуговицы – только тяжелее. Затем он разломил их пополам. В одном финке содержалась всего унция магии, но в трех финках – втрое больше, а с тремя унциями магии уже можно было сделать что-то серьезное. Быстро орудуя руками, Оливер придал высвобожденному волшебству форму туфелек – почти непосильная задача для подростка, надо заметить. Жители Ференвуда редко утруждали себя сотворением вещей из сырой магии. Обычно они предпочитали обменивать финки (красные монеты), стоппики (синие) и тинтоны (зеленые) на готовые товары, смастеренные ремесленниками вручную.

Алиса была под впечатлением.

Но еще большее впечатление на нее произвели сами туфельки. Это оказались простые балетки из ярко-голубого атласа, украшенные кружевной тесьмой и бантиками. Оливер мог наколдовать обувь любого фасона, но выбрал балетки не случайно: это были туфли для танцев, которых у Алисы сроду не водилось, и ее глубоко тронул сам жест.

Пожалуй, для девочки, равнодушной к обуви, Алиса была даже чересчур очарована (почти зачарована) подарком. Но гордость не позволила ей сказать Оливеру всю правду. Поэтому она улыбнулась и поблагодарила мальчика, вежливо заметив, что балетки очень милые (в то время как на самом деле они были великолепными) и сидят вполне удобно (в то время как на самом деле они сидели божественно). Попав в Итакдалию, Алиса приврала столько пустячных фактов и сочинила столько невинных небылиц, что теперь даже не заметила, как соскользнула в новую ложь. За выдумками правда окончательно

размылась; у девочки больше не было возможности понять, что она уже давно лишилась своей единственной защиты от Оливера (и других не заслуживающих доверия людей).

Поэтому она завязала балетки, в предвкушении прошлась на цыпочках и беспечно последовала за Оливером в темноту.

* * *

На окраинах Дремоты царил абсолютный, непроглядный мрак. (И я рассказываю об этом не только потому, что это сущая правда, но и потому, что там все равно больше не о чем рассказывать.) Огни деревни остались далеко позади; теперь путь Алисы и Оливера не освещали ни отблески факелов, но блики парящей в небе лампочки. Было темно. Холодно.

Очень тихо.

Спутники шагали в дружеском молчании, погруженные каждый в свои мысли. Алиса знала, что они направляются в какое-то загадочное место, где она сможет раздобыть линейку и другие необходимые для путешествия предметы, но никому из них не хотелось это обсуждать – по крайней мере, сейчас. Девочка брела почти вслепую, на ходу протыкая пальцем окружающую темноту – словно надеялась ее продырявить. Что она там искала? Свет, ответы, папу. Отчаянная тоска по отцу направляла Алису лучше компаса, давая силы ориентироваться в мире, которого она не понимала.

Папа оставил их не случайно.

Каким-то образом эта мысль все меняла. Папа оставил *ее* не случайно? Или маму? Почему он так поступил? Зачем променял дом на землю, которая мечтала его поглотить? Зачем подверг себя такому риску?

Ради чего?

В голове у Алисы теснилось столько вопросов, что смотреть по сторонам она уже не успевала. Поэтому она не обращала внимания на Оливера, не замечая ни его внезапно окрепшей походки, ни кривоватой улыбки на лице. Девочка не знала, о чем думает ее спутник, – так что мне тоже не стоило бы вам говорить, но мы ведь знакомы уже достаточно долго, чтобы делиться секретами, верно? Так что я вам скажу: Оливер испытывал облегчение. Не так давно он произнес очень крупную ложь и теперь окончательно убедился, что Алиса проглотила наживку. Какую ложь? Это пусть пока останется в тайне. Самое главное, что Оливер понял: отныне девочка бессильна перед его чарами.

Положите этот факт в карман.

Алиса по-прежнему была погружена в мысли, когда заметила в отдалении первый, пока неуверенный проблеск. Сперва он мигал, словно сигнальный маячок, но по мере их приближения разросся и начал напоминать сторожевой фонарь. Алиса постучала Оливера по руке. Тот немедленно встревожился – а вот девочку охватило любопытство.

– Что это?

– Граница, – коротко ответил Оливер.

– Граница? Но я думала, мы идем за линейкой…

Оливер кивнул. Теперь Алиса едва различала его силуэт в разгорающемся свете.

– Ты получишь линейку вместе с разрешением. Дремота – лишь пропускной пункт для гостей. Настоящая Итакдалия начинается намного дальше.

У Алисы одновременно округлились глаза и рот.

– А как мне получить разрешение?

Оливер заколебался.

– Если честно, понятия не имею, – ответил он наконец. – У всех это происходит по-разному. Но, думаю, мы в любом случае скоро выясним.

И мальчик снова кивнул. К этому времени сияние стало таким ярким, что почти ослепило Алису, и ей пришлось прикрыть глаза рукой.

– Просто подожди немного.

Теперь девочка ничего не видела. Они шагали сквозь чистый, ослепительный до рези в зрачках свет. Алиса уже задумалась, долго ли еще сможет выдерживать эту пытку, когда сияние вдруг поблекло, и она вновь ослепла – на этот раз от неожиданно сгустившейся темноты. Девочка заморгала, пытаясь разогнать радужные круги перед глазами. Перед ней находилась дверь.

Простая белая дверь, растущая прямо из земли. В центре ее располагался большой круглый звонок, а над ним золотыми буквами было выведено:

ПОЗВОНИТЕ, ЕСЛИ ВАМ НУЖЕН ШАНС

Алиса бросила на Оливера вопросительный взгляд, и тот кивнул. Так что девочка очень медленно и осторожно вытянула один палец и еще медленнее и осторожнее вдавила кнопку. Звонок прозвенел тихо, будто толком не проснулся.

Через мгновение дверь исчезла, сменившись столом и маленьким господином за ним.

На господине было надето сразу несколько рубашек поросячье-розового цвета, и Алиса немедленно засомневалась, а

точно ли это человек – а не, скажем, пугало. Но не успела она обдумать этот вопрос, как господин открыл рот, и затруднения девочки разрешились сами собой.

– Имя? – спросил Розовый.

(Теперь Алиса отчетливо видела, что это человек, причем в пыльно-синем цилиндре.)

Вздрогнув, девочка сделала несколько шагов вперед и тут же заметила на столе табличку с именем:

ТЕД ШАНС
ПОГРАНИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ
ДЕРЕВНЯ ДРЕМОТА

– Имя? – снова спросил Тед.

– Алиса Алексис Квинсмедоу, – быстро ответила Алиса и попыталась улыбнуться.

– Цель?

– Цель? – занервничала девочка, косясь на Оливера. – Ну, я ищу своего п…

– Пони, – молниеносно закончил за нее Оливер, подскакивая к столу и одаряя Теда лучезарной улыбкой. – Эти лошадки такие непоседливые, знаете ли. Упустили его в Топях, все никак не можем найти.

Тед заморгал, беззвучно листая бумаги на столе.

– Пони, – наконец пробормотал он. – Кажется, припоминаю…

– Уверен, ее документы в абсолютном порядке, – заверил Оливер пограничника с еще более ослепительной улыбкой.

Тед медленно кивнул. Алиса почти видела, как склоняется его голова под тяжестью убеждения Оливера.

– Поэтому, если вы будете так любезны подобрать ей подходящую линейку и наполнить, скажем, шестью месяцами времени, мы немедленно продолжим путь. – С этими словами мальчик выложил на стол собственную линейку. – И мою тоже заправьте, пожалуйста. Как в прошлый раз.

– Как в прошлый раз, – тупо повторил Тед. – Хм-гм…

Пограничник принялся штамповать какие-то бумаги и рыться в ящиках стола, и Алиса впервые по-настоящему восхитилась талантом Оливера. Конечно, она знала, на что он способен, но никогда прежде не наблюдала его в действии. Не так наглядно. И правда удивительный дар, подумала девочка. Часть ее испытывала чувство вины за этот фарс, но часть понимала, что именно так здесь дела и делаются. Итакдалия, как сказал Оливер, была землей ловушек и обманок, и им придется играть по ее правилам, если они хотят найти папу.

– Ваша линейка, – неожиданно сказал Тед.

Алиса ощутила странный трепет в животе. Линейка, которую Тед положил на стол, отличалась от линейки Оливера. Она была сделана из отбеленного дерева, казалась немного короче (но при этом крепче) и выглядела так, словно ее вытащили из помойного ведра. Деревяшку покрывали зарубки и царапины, но Алисе не было до этого никакого дела. Кто-то любил эту линейку и охотно ей пользовался. Теперь же она легла Алисе в руку, как влитая.

Прочная. Тяжелая. Полная времени.

Девочка перевернула ее и прочла вырезанные на обороте слова:

АЛИСА АЛЕКСИС КВИНСМЕДОУ
В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ РАЗЛОМИТЬ НАТРОЕ

– В экстренном случае? – удивилась она, поднимая взгляд на Теда. – Это в каком?

Он вытаращил глаза.

– Прошу прощения, – снова начала Алиса. – Я спрашиваю, что…

– Ваше время истечет, когда линейка потеряет вес, – перебил ее Тед, словно ничего не слышав. – Так что постарайтесь вернуться заблаговременно.

– Конечно, – сказала Алиса. – А что случится, если я не успею?

Тед моргнул.

– Вас арестуют за кражу.

– Что? – изумилась Алиса.

Тед снова моргнул.

– Теперь я задам вам ряд стандартных вопросов.

– Но… – Алиса с трудом сглотнула. – Хорошо.

– Есть ли у вас инвалидность или другие расстройства здоровья? – Тед покосился на лист, с которого зачитывал вопросы, и придвинулся ближе к лампе.

– Н-нет…

– Есть ли у вас багаж, требующий декларирования? – продолжил Тед, сделав пометку в анкете.

– Нет, – сказала Алиса. – То есть я не думаю…

– Вам семьдесят пять лет или больше?

Девочка нахмурилась:

– Определенно нет. Мне только что исполнилось двенадцать.

Тед вдавил кнопку на столе, и на них обрушился дождь из конфетти (теперь Алиса поняла, зачем пограничнику цилиндр с такими широкими полями).

– Мои поздравления, – сказал он. – Вы везете с собой еду или сувениры?

С этими словами он взглянул ей прямо в глаза, и Алиса увидела, как его пытливый ум борется с колдовством Оливера.

– Н-нет, – ответила она, в испуге косясь на спутника. – Никакой еды и сувениров.

Оливер крепче сжал ее руку, и через мгновение взгляд Теда снова расфокусировался. Больше у него вопросов не оказалось.

– Не забудьте свои туристические буклеты, – сказал Тед, выкладывая на стол ворох глянцевых брошюр. – И обязательно ознакомьтесь со списком разрешенных и запрещенных к вывозу товаров, который мы недавно обно…

– Да-да, непременно, – быстро сказала Алиса, рассовывая буклеты по карманам. – Но я все-таки не поняла, что вы там говорили про кражу? И что меня могут арестовать?

Тед уже открыл рот для ответа, когда Оливер почти силком потащил девочку прочь.

– Большое спасибо! Еще увидимся! – крикнул он через плечо, на ходу пряча в сумку наполненную линейку. Стоило им отойти подальше, как мальчик шепотом продолжил: – Лучше на него сейчас не наседать. Чем больше он пытается думать, тем легче ему справиться с силой моего убеждения. Нам нельзя так рисковать.

– Ладно, – тоже шепотом ответила Алиса, заталкивая линейку в карман юбки. – Но что он все-таки имел в виду?

– Скоро я тебе все объясню, обещаю. Но прямо сейчас надо спешить. Солнце вот-вот проснется, а нам нужно срочно попасть в Покой. И это будет довольно сложно.

– Сложнее всего предыдущего? – недоверчиво вскинула бровь Алиса.

– Намного.

– Очень намного?

– Ты даже не представляешь.

Алиса посмотрела на Оливера. Оливер посмотрел на Алису.

Затем они дружно посмотрели на небо.

Видите ли, как раз в эту секунду оно разорвалось пополам.

* * *

– Бежим! – закричал Оливер, и Алиса поняла, что вопросы лучше оставить на потом.

Небо в буквальном смысле рвалось на части, начиная с земли перед ними, и хотя Алиса не имела ни малейшего понятия, что

происходит, она подозревала, что ответ ей не понравится. Однако самым странным было то, что они бежали не *от* опасности, а *к* ней. Если бы у Алисы остался хоть глоток воздуха, она бы непременно спросила у Оливера, не сошел ли тот с ума; но легкие девочки горели огнем, и все, на что она была сейчас способна, – это кое-как поспевать за длинными ногами спутника.

– Оливер, – все-таки выговорила она, задыхаясь. – Почему небо рвется? Что происходит?

– В смысле? – удивился Оливер. – Начинается день. Сегодня одевается, чтобы превратиться в завтра.

– Какая… глупость…

– А что тут такого? – Мальчик тоже задыхался. – Разве ты не переодеваешься каждый день?

– Да… Но я человек!

– Да ну? – и Оливер бросил на Алису скептичный взгляд. – А что, только люди могут заботиться о своей внешности?

Следующие полсотни метров было слышно лишь сосредоточенное пыхтение.

– Алиса, – наконец выдавил Оливер сквозь зубы. – Если ты хочешь выжить в Итакдалии, привыкай мыслить шире. Зашоренность приведет тебя только в Нигде, а оттуда уже не выбраться.

– Хочешь сказать, я мыслю узко? – возмутилась Алиса, прижимая руку к сердцу. Оно так и норовило выпрыгнуть из груди. – Я?!

Ответа не последовало: видимо, у Оливера все-таки закончилось дыхание. С каждой секундой он хрипел все громче – как и Алиса, – но у Оливера была еще карманная книга, которая по виду тянула на амбарную. Так что девочка решила смилостивиться и простить ему это оскорбительное замечание. Увы, как бы они ни торопились, добраться до горизонта все не получалось. В конечном итоге Алиса оставила попытки понять, чего добивается мальчик.

– Когда я скажу прыгать, – выдохнул Оливер, – прыгай. Понятно?

– Да, – из последних сил просипела Алиса. – П-понятно.

Теперь небесная трещина была прямо у них над головами. Черные кулисы расходились в стороны, обнажая золотую и шелково-голубую изнанку. Это было небо-дитя, невинное, как еще не наступивший день.

– ПРЫГАЙ! – заорал Оливер. – ПРЫГАЙ, АЛИСА, ПРЫГАЙ!

Так она и поступила.

Ветер подхватил их в воздухе – вместе с перепутанными руками, ногами и сбитым дыханием – и зашвырнул в самое

сердце ширящейся трещины.

Когда они приземлились, Дремота осталась по ту сторону неба.

Алиса с Оливером были в Покое.

* * *

Спустя два удара сердца они повалились на спину в месте, которое не имело ничего общего с полями за Дремотой. Шквальный порыв ветра выдавил из легких остатки воздуха и скрутил конечности ноющей болью. У Алисы были сотни тем для размышлений – но совсем не было времени на них.

Строго говоря, времени здесь вообще не было.

Зимний снег, осенние листья и весенние ливни застыли на месте. Мерцающие дождевые капли висели в невесомости, будто воздух решил надеть сережки – причем по тысяче в каждое ухо. Снежинки блестели над головой, словно приклеенные к небу. Опавшие листья стремились к земле без надежды когда-нибудь ее достигнуть и лишь тихо покачивались на ветру – алые, рыжие, золотые и пурпурные, – навеки замерев в настоящем моменте.

Алиса смотрела на них круглыми глазами, не в силах прийти в себя от изумления. Тишина, царившая в Покое, была легкой, как перышко, наполненной уютом и нежностью. Над головами у спутников разливалось небо цвета дымной лаванды; в туманной дали, придавая всем предметам сверхъестественное золотое сияние, плыло желтое солнце. Дома были выложены разноцветной плиткой и увенчаны остроконечными красными крышами. Узкие серые тротуары окаймляли извилистые улочки из непроницаемо-черного камня. На верандах, словно глиняные статуэтки, сидели безмолвные и неподвижные птицы, и вся деревня казалась неправдоподобно миниатюрной и милой, почти пряничной. С того места, куда зашвырнул их ветер, Алиса могла видеть окрестности на мили вокруг – но пока она не поднялась на ноги, пейзаж был совершенно лишен обитателей.

Девочка судорожно вздохнула и сделала шаг назад.

Ей открылась очень странная сцена.

Алиса не знала, как все могло перемениться так быстро, но подозревала, что то ее первое движение – каким бы крохотным и незначительным оно ни казалось – непостижимым образом нарушило покой Покоя. В одну секунду она столкнулась со всеми жителями деревушки.

Точнее, жительницами.

Покой населяли дамы и только дамы.

Все они носили брючные костюмы: оранжевые, зеленые, красные, лиловые. Сотни молодых женщин, словно собравшихся на верховую прогулку, неподвижно сидели на стульях, столах, ящиках и скамейках, тротуарах, крыльцах, лестницах и велосипедах. Каждом квадратном метре.

И все они, как одна, не мигая, смотрели на Алису.

– Оливер? – прошептала девочка. Она чувствовала, что спутник стоит у нее за спиной, но была слишком напугана, чтобы отвести глаза от женщин. – Оливер, что нам делать?

Он ответил так тихо, что Алиса не разобрала ни слова.

– Что? – Девочка рискнула бросить взгляд в его сторону.

По улице прокатилась сотня шокированных вздохов. Теперь дамы смотрели на нее широко распахнутыми глазами и округлив изящные рты.

– Простите, – растерялась Алиса. – Я не…

Новые вздохи. Искаженные ужасом лица. Звенящая от напряжения тишина.

Алиса начала нервничать. По всей видимости, разговаривать в Покое не дозволялось. А также двигаться, сморкаться, чихать и как-либо нарушать тишину этого места. (Разумеется, это было просто предположение, потому что Алиса не знала о Покое ровным счетом ничего – и могла лишь догадываться, что тут разрешается и не разрешается делать. Оливер продолжал стоять как столб, с выпученными глазами, и помощи от него не было совершенно никакой. Если бы он потрудился хоть в двух словах описать, что ждет их в Покое, дело могло бы принять совсем другой оборот; но он ни о чем таком не предупреждал, и теперь, если их съест толпа враждебно настроенных юных леди, это будет целиком и полностью его вина.)

Прежде чем рассказать, что Алиса предприняла далее, позвольте мне выступить в защиту ее действий. По прошествии времени я понимаю, что то решение было не самым удачным, но она просто не могла стоять там до бесконечности (в конце концов, ей нужно было думать о папе!), и сделанный ею выбор – в сложившихся обстоятельствах – был по крайней мере реалистичным.

Алиса шагнула навстречу дамам.

Кто-то завизжал. Что-то разбилось. Алиса тут же поняла, что совершила ошибку, и, в попытке склеить разрубленные дрова, немедленно наломала новых. Девочка попятилась, надеясь, что от этого дамы успокоятся, но те лишь пришли в еще большее неистовство. Вскоре все они вопили, завывали и драли на себе одежду и волосы. Некоторые принялись царапать ногтями лица; показалась кровь. Она бежала по щекам женщин, смешиваясь со

слезами, пока те захлебывались в истеричных рыданиях. (Алисе тоже очень хотелось расплакаться, но по другой причине.)

Однако это оказалась лишь прелюдия, потому что затем дамы начали подниматься – очень медленно, продолжая плакать с открытыми глазами и не сводя с Алисы яростных взглядов. Картина выглядела столь ужасающе, что у девочки чуть не остановилось сердце. Дамы явно никуда не торопились и двигались изящно и слаженно; как ни странно, это пугало больше всего. Это будет очень медленная смерть, поняла Алиса. Аккуратная и бережная пытка, агония, которую она не сможет выдержать. Девочку затопил холодный, липкий страх, и она вдруг почувствовала, что не может вздохнуть.

– Алиса, бежим!

Оливер схватил ее за руку, и они ринулись через Покой, на ходу разрушая все его законсервированное великолепие. Они проломились сквозь листья, которые с шорохом полетели на землю; нырнули сквозь дождевые капли, которые щедро окатили им лица и шеи; пробежали сквозь хрустальную стену снежинок, которые запутались у них в волосах и пристали к одежде.

Дамы хлынули следом.

– Быстрее! – заорал Оливер. – Давай!

И хотя Алисе очень хотелось пнуть его в коленную чашечку и заявить, что она и так бежит на пределе возможностей, у нее, к сожалению, не было на это ни одного лишнего вздоха. Поэтому девочка решила приберечь свое замечание до лучших времен. Все ее усилия были направлены на то, чтобы просто переставлять ватные ноги. Они с Оливером взобрались на холм, с которого начиналась единственная ведущая через Покой улица, и теперь неслись по ней, стараясь не думать о скорой мучительной смерти. Получалось не очень хорошо.

Толпа преследовала их по пятам. Дамы пронзительно верещали от боли, причиненной нарушителями, и Алиса тоже не удержалась и вскрикнула – хотя и намного тише, – потому что устала до изнеможения и чувствовала, что задохнется, если немедленно не остановится. Увы, жительницам Покоя не было никакого дела до ее состояния, поэтому ноги и легкие Алисы продолжали трудиться на пределе сил – ценой самой жизни.

Теперь Оливер почти волок ее по главной улице, крепко держа за руку. Девочке оставалось только гадать, как он умудряется при такой гонке еще тащить карманную книгу. Однако у нее не было возможности ни задать этот вопрос, ни предложить свою помощь. Очень скоро выяснилось, что черная дорога выложена из идеально гладкого и столь же скользкого камня – так что все усилия беглецов уходили на то, чтобы просто

сохранять вертикальное положение. Их заносило на поворотах, швыряло в стороны, качало – и Алиса с Оливером непременно упали бы, если бы на каждом шагу не хватались друг за друга.

Дамы Покоя теперь были тише снега. Алиса с ужасом поняла, что не знает даже, далеко ли их преследовательницы, и рискнула оглянуться через плечо. Женщины бежали на цыпочках, высоко вскидывая колени и ударяя себя кулаками в грудь – и выглядели при этом так уморительно, что Алиса чуть не расхохоталась. В агонии. Несмотря на смехотворные ужимки, дамы использовали неудобство дороги в свою пользу – в то время как Алиса с Оливером едва держались на ногах. Они так часто оскальзывались, запинались и спотыкались, что каждый шаг можно было смело делить на три.

Кажется, им пришел конец.

У Алисы плавились ноги, и если бы Оливер ей что-то сейчас сказал, она бы не услышала. В ушах у девочки рокотало ее собственное дыхание – тяжелое и прерывистое. Стук сердца выплеснулся из грудной клетки, добрался до головы, горячей пульсацией растекся по рукам – и скрутил Алису болью такой пронзительной, что она едва не потеряла сознание.

Девочка поняла, что готова остановиться. Сдаться. Умереть.

Но вместо этого она лишь тряхнула головой и приказала себе собраться. Сдаться будет легко. Умереть – еще проще. Но это никоим образом не решит ее проблем и тем более не поможет папе, который останется в Итакдалии навечно. Нужно придумать, как спасти их обоих.

Да, и Оливера тоже.

Внезапно ей в голову пришла новая мысль: неужели набранную ими скорость и всю эту массу энергии нельзя использовать более эффективно? К сожалению, у нее не было возможности провести испытания или хотя бы подумать над своей идеей дольше полутора секунд – поэтому она на бегу схватила Оливера за шиворот, врезала ему туфлей под колено и сама упала следом. Не успел Оливер протестующе завопить, как они полетели. Зеркально-гладкая дорога удобно легла им под спины, и они заскользили вперед, словно пара пингвинов по льду. Со стороны можно было решить, будто у них отросли крылья.

На горку и с горки, влево и вправо, прямо и под углом; улица извивалась, вихляла, ныряла и закручивалась, и Алиса подумала, что ее наверняка стошнит, если они когда-нибудь остановятся.

В эту секунду дорога и впрямь закончилась – а вместе с ней и единственная надежда Алисы на спасение. Их с Оливером вынесло на противоположный конец Покоя, за которым не было ничего, кроме километров зеленых полей. Спасительный вираж

окончился тупиком, и у них даже не было времени отпраздновать Алисин проблеск гениальности.

За то время, что они восстанавливали дыхание, дамы взяли реванш и теперь бесшумно подбегали к концу черной дороги. Сотни женщин в пестрых костюмах и с разъяренными окровавленными лицами готовились кинуться на двух оглушенных, измученных, падающих от усталости детей.

А у них уже ничего не осталось.

Ни искры сил. Ни капли энергии на борьбу. Ни единой…

– Алиса, – просипел Оливер. – Господи, Алиса, умница. Слава богу. Ты нас спасла.

С этими словами он вытащил из сумки стоппик, разломил его зубами, на секунду обернулся и с силой метнул в гущу преследователей.

Все замедлилось.

Конечно, у осколков не было серьезного веса или скорости, но сама высвобожденная магия привела дам в неистовство. На губах у них выступила пена, а лица исказились мучительным возбуждением. Однако их страсть превратилась в злость, когда обломки стоппика взорвались прямо в воздухе. Дамы заверещали и съежились, торопливо прикрывая глаза, – в то время как с неба на них обрушились тысячи разноцветных лент и молниеносно сплелись в прекрасное и ужасающее подобие баррикады.

Алиса не могла поверить, что такая простая уловка сработала. Еще она раздумывала, откуда у Оливера столько магии – и сколько еще осталось в запасах.

Мальчик повалился на спину.

– Алиса, – с трудом выговорил он. – Алиса, ты прекрасна. Если бы не ты… Мы чуть не угодили в переплет!

– *Чуть* не угодили?! – Алиса без сил валялась на земле, но все же приподнялась на локте и смерила его потрясенным взглядом. – То есть когда они хотели нас убить, это было еще не так плохо? Оливер, ты в своем уме?

Тот покачал головой и кое-как встал на четвереньки, стараясь отдышаться.

– Ты даже не представляешь, *насколько* все могло быть хуже, – выдавил мальчик. – Когда я впервые повстречал дам Покоя… – И он хрипло рассмеялся. – Ну, я пытался быть милым.

– Милым? – раздраженно бросила Алиса. – Глупее не придумаешь.

Больше она ничего сказать не успела, потому что ее согнул отчаянный приступ кашля. Алиса согнулась пополам, пережидая спазм.

– Нет, правда, – ответил Оливер, усаживаясь. Он все еще

сипел, но слова теперь выговаривал довольно бодро. – Только это не помогло. Конечно, я старался, как мог, но убедить такую огромную и упрямую толпу оказалось не под силу даже мне.

– Как же ты выбрался? – спросила Алиса, когда легкие перестало жечь огнем.

– В прошлый раз – только благодаря случайности. Они уже раздели меня до трусов и принялись заталкивать в котел…

Алиса вскрикнула и обеими руками зажала рот.

– Потому что у них очень, очень давно не было обеда…

– Значит, они и правда хотели тебя съесть? – воскликнула девочка. – Поверить не могу!

– Да, но… – и Оливер нравоучительно поднял палец. – Пока они пытались разжечь под котлом огонь, одна из дам решила обыскать мои вещи. Несколько стоппиков выкатились на пол, она случайно на них наступила и высвободила кучу магии. Что тут началось! Они будто с ума посходили. Видишь ли, магия – единственное, чего они хотят: потому и пытаются нас съесть. Увы, они быстро все разобрали и стали требовать больше. Больше магии. Все, что у меня было. Они вытрясли из меня все до последнего финка, но и этого оказалось недостаточно. Поэтому они снова начали разжигать огонь.

Алиса в ужасе покачала головой.

– К счастью, пока они возились с дровами, я придумал план получше. Видишь ли, один последний стоппик я припрятал за ухом – просто так, на всякий случай. Дамы намного превосходили меня числом, и в драке от меня не было бы никакого толку. К тому же я не смог бы им серьезно навредить магией из единственного стоппика. Поэтому думать пришлось быстро. Временный барьер показался мне наилучшим решением, – и Оливер кивнул в сторону пестрой шелковой стены. – Конечно, рано или поздно он развеется, но несколько часов форы нам подарит.

Мальчик рассмеялся:

– Одно разорение от этого Покоя, правда? Хотя мне хочется верить, что наши жизни того стоили.

Он все смеялся и смеялся, восхищенный их остроумным побегом, – а потому не заметил, как опасно сузились глаза Алисы.

Использовать магию для решения проблем казалось ей жульничеством. Не у всех за ушами были приклеены пригоршни стоппиков, чтобы вот так разбрасываться ими налево и направо. Но больше всего Алису разозлила мысль, что, по-видимому, одних смекалки и мужества для спасения папы будет недостаточно.

Девочка поджала губы.

Она уже некоторое время наблюдала, с какой легкостью Оливер тратит стоппики и финки, попутно поражаясь его навыкам в преобразовании сырой магии. Алисе никогда не выпадало возможности в ней попрактиковаться – и вовсе не от недостатка желания. Конечно, она посещала «Основы чудопашества, консервации и трансформации магии», но эти занятия были исключительно теоретическими. Она никогда не сталкивалась с таким количеством сырого волшебства, а финки у нее в кармане водились столь редко, что каждый был на вес золота. Алисе и в голову бы не пришло тратить их в познавательных целях. По правде говоря, она в жизни не встречала никого, кто разбрасывался бы деньгами так бездумно, как Оливер в последние несколько часов. Это была совершенно запредельная для нее степень транжирства.

Мысли о деньгах наполняли Алису невыразимой грустью. Ей еще многое предстояло узнать в жизни, но если она что и выучила за свои двенадцать лет – так это то, что несколько лишних стоппиков в кармане делают бытие намного легче. Алиса множество раз думала, насколько проще было бы отыскать отца, если бы не жалкие три финка в копилке, – и эта мысль каждый раз причиняла ей ужасную боль.

Девочка закусила губу, впервые по-настоящему приглядываясь к Оливеру. Покосившись на его простую одноцветную тунику – ту, которой сперва не придала большого значения, – она наконец заметила идеально ровные швы, плотную мягкую ткань и точную подгонку по фигуре. Заметила гладкие чистые руки, явно не знавшие тяжелого труда, короткие и ухоженные ногти. Заметила густые блестящие волосы, сияющую смуглую кожу и здоровый блеск в фиалково-синих глазах. Только теперь Алиса начала понимать о своем спутнике нечто, чего не желала признавать ранее.

– Оливер, – сказала она тихо. – Ты *очень* богат?

Мальчик растерянно заморгал.

– Что?

– У тебя очень много денег? – повторила Алиса, стараясь не обращать внимания на заливший щеки румянец.

– Нет, – ответил Оливер с круглыми глазами. – То есть… Не думаю, что намного больше, чем у всех.

Алиса отвела взгляд и буквально проглотила те печальные вещи, которые едва не сорвались с ее губ.

«Намного больше, чем у меня», – почти сказала девочка.

«Я в жизни не держала в руках стоппика», – почти сказала девочка.

– О, – только и произнесла она в итоге.

На лице Оливера отразилось замешательство, а уши вспыхнули правдой, которую никто из них не хотел обсуждать. Алиса с удивлением поняла, что смущение Оливера отчего-то смущает и ее, и поспешила сменить тему.

– Покой совсем не похож на Дремоту, – заметила она, оглядываясь на красные черепичные крыши поверх сплетенной Оливером баррикады. – И куда мы теперь? Почему никто не пытается нас съесть?

– Да! Точно! – чересчур громко согласился Оливер, явно радуясь возможности поговорить о чем-нибудь другом. – Ни одна деревня в Итакдалии не похожа на соседнюю. Некоторые с ноготок, некоторые с посошок. Но Покой – не совсем деревня. Точнее, совсем не деревня. Здесь живет только один человек.

– Один человек? – изумилась Алиса. – А кто же все эти дамы?

– Просто служба безопасности, – отмахнулся Оливер. – Защищают своего хозяина от непрошеных гостей. Но человек, который нам нужен, не будет никого есть. Честно говоря, это один из немногих моих друзей здесь.

– И кто же он? – Алиса сгорала от любопытства. – Кто нас ждет?

Оливер спокойно ответил на ее взгляд. За спиной у мальчика поднималась огромная мерцающая луна.

– Время.

* * *

Алиса выждала пару секунд, надеясь, что Оливер рассмеется и признается, что пошутил, но тот лишь дернул ее за косу и сказал:

– Мысли шире, Алиса. Если не научишься видеть дальше собственного носа, непременно попадешь в еду.

– Ты хотел сказать – в беду?

– Нет, именно в еду.

Алиса хмуро стряхнула руку мальчика.

– Я мыслю не узко. Просто мне сложно поверить, что мы собираемся в гости ко *Времени*.

Оливер судорожно вздохнул. Фиалковые глаза стали размером с чайные блюдца.

– Слушай внимательно, – произнес он, понизив голос до шепота. – Никогда, никогда не говори таких вещей. Не верить в Итакдалии строго запрещено. Еще пара таких выходок – и окажешься известно где.

– Где?

– В Неверии, – и Оливер вздрогнул. – Ужасное место.

Алиса не рискнула спрашивать, чем же оно так ужасно, поэтому просто кивнула и умолкла, оставив свои сомнения при себе.

Наконец они отдышались и на ватных ногах двинулись в поля. В отличие от Покоя, те были живыми и подвижными: на кустах беззаботно щебетали птицы, в траве танцевали сверчки, в бархатной темноте счастливо перекваквакивались лягушки. Тихо шелестела о колени трава, вода в прудах влажно плескалась о берег. Оливер шагал вперед, улыбаясь без видимой причины, а вот Алиса поминутно вглядывалась в окружающие их леса, гадая, куда все подевались. И был ли здесь вообще кто-нибудь? Как выглядит Время? Он милый или сварливый? Что случится, если Время постареет? Или умрет?..

Следом Алису посетила мысль, которая не имела никакого отношения к предыдущим, но была тем не менее весьма существенной. Девочка точно помнила, что еще недавно умирала от голода. Странно. Теперь она совсем его не испытывала.

Алиса немедленно поделилась своим наблюдением с Оливером.

– Ничего странного, – ответил тот. – В конце концов ты вообще забудешь, что такое голод.

– Правда? – удивилась Алиса. – Почему?

– Потому что, чем глубже мы углубляемся в Итакдалию, тем дальше удаляемся от Ференвуда.

– Не понимаю, – нахмурилась Алиса.

Оливер склонил голову к плечу.

– Дома, в Ференвуде, нам приходилось спать каждую ночь и есть несколько раз в день, верно?

Алиса кивнула.

– Без этих двух вещей наше существование было бы невозможно.

– Но в Итакдалии все по-другому?

– В Итакдалии ты спишь только ради снов и ешь только ради вкуса.

Алиса помолчала, обдумывая его слова.

– Значит, – сказала она наконец, – они едят людей только ради вкуса?

Вопрос девочки застал Оливера настолько врасплох, что он закашлялся и рассмеялся одновременно.

– Гм, нет. Не совсем. То есть *я слышал*, что человечина имеет весьма специфический вкус, а мясо волшебников придает блюду особенное очарование…

При этих словах Алиса вздрогнула.

– Но нет, – и Оливер воздел палец к звездному небу. – Они едят людей не потому, что их желудки пусты, а потому, что пусты их души. Видишь ли, Итакдалия была построена на таком количестве магии, что та изменила сам воздух, которым мы дышим, сделав сон и еду из необходимости роскошью. Это был необратимый процесс, который магически истощил землю. Теперь жители Итакдалии спят и принимают пищу только ради удовольствия. Делать это в любых других целях строго запрещено и расценивается как растрата…

– Времени, – закончила за него Алиса.

Оливер остановился и медленно кивнул, не сводя глаз со спутницы.

– Да. – Он улыбнулся уголками губ. – Кажется, ты начинаешь схватывать.

– Ты так думаешь? – спросила девочка. – Я так не думаю.

– Нет?

– Нет. Я до сих пор не имею ни малейшего понятия, зачем нам нужно Время, что ты собираешься делать с карманной книгой и как это все поможет отыскать папу. – Алиса вздохнула. – Оливер, я в жизни не чувствовала себя такой растерянной.

Тот нахмурился было – но через мгновение его тревоги рассеялись, словно не бывало. Мальчик рассмеялся, отчего смуглое лицо озарилось теплым внутренним светом, и зашагал вперед, насвистывая мелодию, которую Алиса не узнала.

* * *

Наконец-то.

Они стояли перед дверью, к которой не прилагалось ни стен, ни крыши (похоже, в Итакдалии это было повсеместной практикой). Оливер заметно нервничал, хотя Алиса не могла понять почему. В конце концов, это была просто дверь, очень похожая на ту, которую они проходили на Пограничном контроле; только эта была намного шире, и намного выше, и красной, как яблоко, с щегольской золотой ручкой посередине. Словом, дверь выглядела вполне дружелюбно, но все ее секреты очевидно скрывались в каком-то другом месте, потому что позади косяка не было ничего, кроме деревьев.

Алиса на всякий случай решила обойти ее кругом.

– Где… Алиса, господи, ты что творишь? – переполошился Оливер.

– Просто осматриваюсь, – ответила девочка. – Если уж мы собираемся зайти неведомо куда, могу я хотя бы оглядеться по

сторонам?

Оливер примирительно поднял руки, прислонился к косяку и кивнул, словно говоря: «Ну ладно, осматривайся».

Так Алиса и поступила.

Они стояли на краю леса, окруженные со всех сторон плотной живой стеной. Незнакомые треугольные листья были такими темными, что Алисе приходилось щуриться, чтобы разглядеть очертания деревьев. Девочка из любопытства сделала к ним пару шагов, и Оливер немедленно ударился в панику.

– Только не туда, – умоляюще произнес он. – Алиса, нет!

– Почему? – Девочка смерила его удивленным взглядом. – Что тут страшного?

– Только не в лес, – тихо повторил Оливер. – Пожалуйста.

– Ну хорошо, хорошо, – и Алиса закатила глаза, всем своим видом демонстрируя, какого терпения и великодушия ей стоит терпеть нытье Оливера. Однако едва она повернулась…

Странно. Она не могла двинуться.

Девочка не хотела пугать Оливера еще больше, поэтому не проронила ни слова. Наверняка зацепилась юбкой за какой-то сучок, подумаешь.

Может, потянуть посильнее? Хм. Нет, не помогает.

Алиса дернула юбку еще раз. И еще. И еще.

Через минуту девочка сдалась и дипломатично откашлялась.

– Оливер? – окликнула она спутника. – Кажется, я застряла.

– Что ты хочешь сказать?

Оливер тут же возник перед ней – бледный, как утренняя луна. При этом он старался не приближаться более чем на метр.

– О, сущие пустяки, – заверила его Алиса. – Правда. – Она попыталась улыбнуться. – Просто я… – Она снова подергала юбку. – Кажется… – Подергала еще раз. – Не могу двинуться. – И девочка вздохнула. – Ты не мог бы посмотреть, за что я там зацепилась?

Оливер побледнел еще больше – если такое было возможно, – и во всем его облике тут же проявилось что-то черепашье. Мальчик почти втянул голову в плечи.

– Я говорил тебе не заходить в лес, – только и прошептал он.

– Ну хватит, – разозлилась Алиса. – Не будь таким…

К сожалению, Оливер так никогда и не узнал, каким ему не следует быть, потому что Алиса завопила – и довольно громко, учитывая, что повод был пустячный.

Сучок, удерживавший ее юбку, внезапно исчез, и девочка рухнула к ногам Оливера. Не прошло и секунды, как она вскочила и принялась отряхивать подол – но мальчик даже не взглянул на спутницу. Все его внимание было приковано к чему-то позади

Алисы.

При этом у него на лице читалось такое потрясение, что даже Алиса заволновалась. А она-то думала, что уже ничто в Итакдалии не может его удивить! Что он облазил тут каждый забор и куст! Но, видимо, нет.

За спиной у Алисы сидел лисенок.

Лисенок-оригами. Кто-то искусно сложил большой лист бело-рыжей бумаги в настоящего, живого и совершенного очаровательного зверька.

Он скакал по опушке, гонялся за собственным хвостом, тявкал и издавал все полагающиеся лисе звуки. Поэтому, когда он вприпрыжку подбежал к девочке, она ничуть не испугалась.

Оливер чуть не залез на дерево от ужаса, но Алиса лишь улыбнулась и протянула руку, собираясь приласкать зверька. Тот сперва обнюхал ее ладонь, а потом легко боднул головой в колени. Алиса рассмеялась и погладила зверька по бумажному меху.

– Как тебя зовут? – прошептала она, почесывая его за остроконечными ушами. Или ее. Алиса не была уверена. – Ты мальчик или девочка?

Лисенок снова принялся скакать вокруг, а потом вцепился в подол ее юбки и потянул за собой с силой, удивительной для бумажной – и теоретически беззубой – фигурки. Однако Алису это не смутило. Зверек удерживал ее на месте, пока девочка не наклонилась и еще раз не погладила его по голове.

– Отпустишь меня?

Лисенок кивнул, медленно отступил к лесу и присел на задние лапы.

– Ты меня понимаешь? – удивилась Алиса.

Лисенок снова кивнул.

– Алиса, – позвал Оливер высоким дрожащим голосом. Он судорожно рылся в сумке. – Ты не возражаешь, если мы все-таки *пойдем*?

– Ты что-нибудь слышал о бумажных лисах? – поинтересовалась девочка вместо ответа. – Видел их когда-нибудь?

Оливер выпрямился – в одной руке карты, в другой записная книжка – и испуганно помотал головой.

– В Итакдалии сотни деревень, – объяснил он, листая страницы блокнота. – А я был только в шестидесяти восьми.

Мальчик помедлил, перевернул еще несколько страниц, разочарованно вздохнул и спрятал записи обратно в сумку. Для Алисы было странно видеть его таким растерянным.

– Понятия не имею, откуда взялась эта лиса, – сказал

Оливер, – но она явно не отсюда, потому что твой папа никогда не упоминал в своих записях бумажных лис. Все это точно не к добру. Конечно, можно допустить вероятность…

– В своих записях? – переспросила Алиса. – Ты хочешь сказать, что это *папина* записная книжка?

Но Оливер ее уже не слышал. Мальчик развернул сразу несколько свитков с картами и теперь просматривал их сверху вниз, по кругу и диагонали. При этом он выдвигал бумажные лестницы, отпирал крохотные двери и открывал миниатюрные окна, но так ничего за ними и не обнаружил. Он даже хорошенько потряс карты, чтобы посмотреть, не вывалится ли из них что-нибудь новенькое, но и эта затея не увенчалась успехом. В конце концов на его лице проступило совершенно потерянное выражение, так что Алиса, бедное дитя, едва удержалась от смеха.

– Это неправильно, – сказал Оливер, тыкая пальцем в разные места карты. – Так не должно быть. Тут ничего нет о бумажных лисах.

И он принялся сердито сворачивать свитки, которые в таком множестве вытащил из сумки.

– Оливер, – снова начала Алиса, – твоя записная книжка… Она на самом деле папина?

Мальчик дернул челюстью.

– Что? А, да. Это часть моего задания, знаешь ли. Чтобы мне по…

– А можно взглянуть? – И Алиса в нетерпении подалась вперед. – Пожалуйста? Мне бы очень хотелось посмотреть на папины записи!

Оливер с такой силой вцепился в сумку, что чуть не упал.

– Боюсь, это невозможно, – медленно произнес он. – Старейшины наложили на них особые чары, чтобы никто, кроме меня, не мог к ним прикоснуться.

– О, – только и ответила Алиса. Она знала, как опасны бывают задания, и вполне допускала, что Старейшины могли сделать нечто подобное. Но, что важнее всего, Алиса до сих пор руководствовалась убеждением, будто Оливер не может ей соврать – а потому, не почуяв лжи, ни на секунду не усомнилась в его словах.

Увидев, что она не собирается настаивать, мальчик испытал явное облегчение – но Алиса, которую снова отвлек бумажный лис, ничего не заметила.

Оливер откашлялся.

– Прости, но нам правда пора.

– Но он такой милый, – возразила Алиса. – Давай возьмем его

с собой?

Девочке льстило, что она смогла открыть в этой странной земле нечто неизвестное Оливеру. Ей весь день хотелось внести какой-нибудь вклад в путешествие, и теперь она просто не могла расстаться со своим трофеем так быстро.

Но Оливер покачал головой.

– Не позволяй Итакдалии себя одурачить, – сказал он, заталкивая в сумку последние карты. – Вспомни, зачем ты здесь. Если мы не будем следовать изначальному плану, то никогда не доберемся до твоего отца.

Одна мысль о нем заставила Алису выпрямиться.

– Разумеется, я помню, зачем мы здесь, – быстро ответила девочка с пылающими щеками. – Незачем повторять.

Оливер кивнул. Судя по лицу, мальчик был искренне смущен.

Не отвлекайся, строго приказала себе Алиса. Подумай о папе. Он наверняка страдает и ждет помощи. Вдруг он ранен?

Этого девочка вынести уже не могла.

Поэтому она с сожалением улыбнулась лисенку (который тут же ускакал в лес) и направилась к Оливеру, ожидавшему ее у красной двери. Они пришли сюда, чтобы встретиться со Временем. Они пришли сюда, чтобы помочь папе.

Алиса глубоко вздохнула.

– Готова? – спросил Оливер.

– Конечно.

Затем они постучали.

Одновременно.

Оливер объяснил, что в Итакдалии это правило элементарной вежливости. Если гостей двое, то и стучать должны оба.

– Иначе это будет враньем, правда? – И мальчик улыбнулся. – Представь, ты слышишь один стук и достаешь к чаю одну чашку, а за дверью на самом деле двое!

Алиса вскинула бровь и ничего не сказала, но про себя подумала, что Оливер становится чуднее с каждой минутой.

Поэтому они дружно стучали в красную дверь до тех пор, пока Оливер не сказал, что уже хватит.

– И что теперь? – спросила Алиса.

– Будем ждать.

– Долго?

– Пока не придет Время.

* * *

Терпения Алисы хватило ровно на десять минут.

Все происходящее было просто смехотворно. Ждать Время! Должно быть, она сошла с ума. Девочка попыталась вспомнить, когда в последний раз спала, но не преуспела.

Какой сейчас день? Долго ли они путешествуют? Интересно, мама и тройняшки уже заметили ее отсутствие?

Алиса думала о доме с таким скепсисом, что при всем желании не смогла бы поверить, будто мама по ней скучает. Однако она недооценивала место, которое занимает в сердцах близких, и даже не подозревала, как скажется ее отсутствие на тех, кого она любит. Впрочем, у нее все равно не было времени размышлять об этом слишком долго. На долю Алисы еще никогда не выпадало таких головокружительных приключений, как здесь, в Итакдалии, и, хотя она скучала по дому, ей было ничуть не жаль томительных пустых часов, наполненных лишь бесконечным одиночеством. Здесь у нее хотя бы был Оливер – неожиданный, ни на кого больше не похожий друг – и чудеса, в которые она еще пару дней назад даже не поверила бы.

Кстати, о чудесах: красная дверь наконец открылась.

На пороге стоял маленький мальчик.

На нем был джинсовый комбинезон, ярко-красная футболка и пара круглых очков, явно чересчур больших для его носа.

Пару минут мальчик молча смотрел на Алису.

Они с Оливером тоже не проронили ни слова.

– Хорошо, – наконец вздохнул мальчик с интонациями столетнего старика. – Очень хорошо, что ты ее привел.

С этими словами он развернулся и направился обратно в мир, который начинался красной дверью, а заканчивался неведомо где.

Оливер двинулся было за ним, но заметил встревоженный взгляд Алисы.

– Все в порядке, – прошептал он, беря ее за руку. – Он мой друг. И я здесь уже бывал.

Они последовали за мальчиком через дом такой темный, что Алисе на мгновение показалось, будто она ослепла. Если не считать мелькающей впереди красной футболки, их окружал непроглядный мрак.

Что и говорить, Время жило уединенно.

Они на цыпочках шли через сумрачные коридоры, поднимались по лестницам и пригибались под арками, пока не добрались до ярко освещенной комнаты. Основное ее убранство составляли очень старый письменный стол, очень старые кресла (молодежь вообще мастерски подмечает все старое) и огромное множество цифр.

Они выглядывали из ваз, висели в рамках на стенах, валялись на полках, подоконниках и кофейных столиках; книжные шкафы

были уставлены монументальными томами с числами на корешке, и цифры, не выдержав такой тесноты, иногда вываливались из них на пол. Все это было очень странно.

Мальчик в красной футболке предложил им присесть, а сам, к удивлению Алисы, занял кресло за огромным столом. Затем он переплел пальцы и важно сказал:

– Алиса, чрезвычайно рад наконец с тобой познакомиться.

– О, – ответила девочка испуганно. – Я тоже очень рада с вами познакомиться, мистер… гм, мистер Время.

– Ну зачем же так официально, – заметил тот, откидываясь на спинку кресла. – Можешь называть меня просто Рем. И пожалуйста, – мальчик улыбнулся и указал на свою внешность, – пусть тебя не смущает мой возраст. Он меняется в зависимости от часа.

Алиса попыталась улыбнуться в ответ.

– Благодарю за визит, – продолжил Рем, обращаясь уже к Оливеру. – Я знаю, сколько неудобств доставляет моя служба безопасности, но, к сожалению, могу быть полезен для вас, только когда нахожусь в покое. – И он обернулся к Алисе: – Надеюсь, мои друзья не слишком вас напугали. Некоторые находят их костюмы чересчур эксцентричными.

– Ну что вы, – быстро ответила Алиса. – Прекрасные костюмы.

На первый взгляд Рем был очень милым, но девочка все время теряла нить разговора. У их хозяина оказались темные волосы и оливковая кожа, которые живо напомнили ей о папе. У его кожи был не такой насыщенный коричный оттенок, как у мамы – впрочем, всего на тон или два светлее, – и теперь, сидя в этом огромном старом кабинете, Алиса никак не могла отделаться от воспоминаний о родителях.

– Ну что ж, – деловито сказал Рем, снова поворачиваясь к Оливеру. – Вы принесли книгу?

Тот кивнул и бережно выложил карманную книгу на стол.

– Славно, славно, – откликнулся Рем, глядя на нее с легким разочарованием. – Спасибо, что ее вернули.

Алиса покосилась на Оливера – вся воплощенный вопросительный знак. Мальчик особо не распространялся о цели их визита, и Алиса вдруг подумала, что он вообще редко делился с ней своими планами – пока не становилось слишком поздно.

Похоже, Рем это заметил.

– Оливер здесь уже бывал, – пояснил он, – когда в прошлый раз гостил в Итакдалии. Я счел уместным попросить, чтобы он вернул мне книгу в том весьма вероятном случае, если не преуспеет в своем начинании. Как видишь, наш друг оказался верен слову.

И он наградил Оливера покровительственной, почти отеческой улыбкой, которая вызвала у свидетелей весьма противоречивые чувства, – поскольку Рем обладал лицом и телосложением семилетнего ребенка и явно был не в том положении, чтобы смотреть на кого бы то ни было по-отечески.

– А как Оливер оказался тут в прошлый раз? – поинтересовалась Алиса. – И зачем ему понадобилась карманная книга?

– Гм, – кашлянул Рем с явным удивлением. – Чтобы найти карман твоего отца, конечно.

– Моего… простите, – запнулась Алиса. – Папин карман в этой книге?

– Именно, – быстро ответил Оливер. – Когда я был в Итакдалии в прошлый раз, карманная книга привела меня к Рему. Я должен был передать ему содержимое кармана твоего папы.

– Оливер! – возмущенно выдохнула Алиса. – Ты отдал кому-то папино имущество? Да как ты мог?!

Мальчик поспешно выпрямился.

– Нет! Не совсем… Я не…

– Так получилось, что сейчас твой отец в месте заключения, – мягко сказал Рем. – Оливер всего лишь пытался уладить это досадное недоразумение.

– Что? – Алиса в панике уставилась на Оливера. – Почему ты раньше об этом не сказал? – Девочка почти сорвалась на крик. – Что он натворил? Папа сделал что-то ужасное?! Он… он кого-то съел?

(При этом предположении Рем вздрогнул, но мы сделаем вид, что ничего не заметили.)

– Нет, конечно, – запротестовал Оливер. – Но он потратил слишком много времени на раздумья. Помнишь, мы об этом говорили? В Итакдалии это считается тяжелейшим преступлением.

Алиса была потрясена. Ей потребовалась добрая минута, чтобы собрать мысли в кучку.

– В жизни не слышала таких дурацких правил.

Рем закашлялся, явно обиженный, и принялся ковырять отслоившуюся от стола щепку. Никто больше не проронил ни слова, поэтому в конце концов он снова переплел пальцы и сказал уже с заметным сочувствием:

– Видишь ли, таковы порядки Итакдалии. Мы здесь не тратим время, не запасаем его и не делимся с другими. А твой отец, к сожалению, превысил отпущенный ему срок. Поскольку технически он украл принадлежащее мне, только я обладаю полномочиями инспектировать его карманы. – Рем помедлил. –

Впрочем, мне все равно нечего вам возвратить. Боюсь, после ареста я был вынужден реквизировать его линейку.

Алиса сидела выпрямившись, стиснув руки на коленях, и, не мигая, смотрела на круглое тикающее лицо Рема. Покачивалась мальчишеская голова, сплетались и расплетались пальцы на столешнице. Он напоминал старые часы.

Неожиданно до девочки дошло.

– Так вот о чем говорил Тед? – спросила она медленно. – Об аресте? – И Алиса перевела взгляд на Оливера. – Папу арестовали за кражу времени?

Рем вскинул брови, и громоздкие очки немедленно съехали на кончик носа.

– К сожалению, именно так, – ответил он, возвращая очки на место. – Именно так, к сожалению.

– О боже! – Алиса взмахнула руками, не в силах объять всю серьезность открывшейся ей ситуации. – О, о…

– Я понимаю, что сейчас не самый подходящий момент, – тихо сказал Оливер, – но, может быть, ты хочешь взглянуть на папин карман?

Алиса быстро прижала руки к груди и закивала.

Мальчик бросил взгляд на Рема, молчаливо спрашивая его разрешения, и тот одобрительно склонил голову. Оливер улыбнулся Алисе и с хрустом раскрыл книгу. Девочка мгновенно вскочила на ноги и заглянула ему через плечо – как раз в ту секунду, когда Рем решил прочистить нос. С древних страниц взметнулось облако серой пыли, и Рем почти полностью скрылся в огромном носовом платке. Оливер принялся бережно переворачивать страницы. При этом они скрипели и стонали, словно рассохшаяся лестница, по которой взбирается слон; и хотя Оливер старался быть очень осторожным, даже ему не удалось не потревожить покой старой книги.

И уж тем более Алисе.

Девочка была так восхищена и очарована открывшимся ей чудом, что не удержалась и коснулась одной страницы.

Честно говоря, почти ткнула ее.

Одним-единственным указательным пальцем – но этого хватило, чтобы Оливер в ужасе выронил книгу и повалился обратно в кресло. Рем покачал головой, вздохнул и еще дважды громогласно чихнул в платок. Но *хуже всего* – потому что все остальное было еще не так плохо, – хуже всего оказалось то, что упавшая книга в ярости заверещала на обидчицу.

Оливер метнул в девочку укоризненный взгляд, быстро подхватил книгу с пола и положил на стол подальше от Алисы. Затем он попытался перевернуть оскорбленную страницу, но

оскорбленная страница решительно не желала переворачиваться.

– Ну будет, будет, – мягко пожурил книгу Рем, снова утрамбовывая носовой платок в карман. – Незачем так злиться. Девочка всего лишь полюбопытствовала.

– Я не знала, что карманы такие злобные, – принялась оправдываться Алиса.

– Просто эти карманы принадлежат настоящим людям, – ответил Оливер, на этот раз с трудом сдерживая улыбку. – А некоторые до сих пор приделаны к одежде. Полагаю, дама, которую ты разбудила, не очень этому обрадовалась.

Поиск папиного кармана занял больше времени, чем ожидала Алиса, и это навело ее на тревожные мысли.

– А папин карман до сих пор приделан к папе? – спросила девочка, стараясь унять дрожь в голосе.

Оливер покачал головой, и сердце Алисы пропустило удар.

– Обычно карманы каталогизируются только после потери, – пустился в подробные объяснения Рем. – Иногда хозяева просят включить их в книгу заблаговременно – например, если содержимое кармана представляет большую ценность, – но большинство все-таки предпочитают приватность. В случае утери кармана или его содержимого такая книга может оказать неплохую услугу. – И Рем, похлопав Оливера по плечу, улыбнулся Алисе: – Со стороны твоего друга было очень умно обратиться ко мне, правда?

Девочка не знала, что и сказать.

– У нас в Ференвуде тоже есть карманные книги, – поспешно добавил Оливер, видя растерянность на лице Алисы. – Поэтому, оказавшись в Итакдалии, я первым делом постарался найти одну из местных книг – в надежде, что утерянные пожитки твоего отца внесли в каталог.

И в самом деле умно, подумала Алиса. Но вслух ничего не сказала. Девочка никогда бы в этом не призналась, но ее начинала раздражать глубина познаний Оливера и то, с какой легкостью он ориентируется в Итакдалии. Она не глупее его! В конце концов, это *ее* отец. Куда попрятались все ее прекрасные идеи?

Когда же *она* станет героем этой истории?

– Все карманы снабжаются пометками с датой, временем и местом обнаружения, – продолжил Оливер. – Так что, даже если бы мне не удалось проникнуть в карман твоего отца, я, по крайней мере, узнал бы, где он его потерял. Где он вообще *был*. Щепотка удачи и столовая ложка убеждения довершили дело. А карманная книга в конечном итоге привела меня к Рему, который стал мне прекрасным другом. Он столько рассказал мне об

Итакдалии!

Рем снова одарил Оливера улыбкой отеческой гордости.

Алиса съежилась в кресле, чувствуя себя очень маленькой и очень бесполезной.

– О, – только и сказала она.

Оливер продолжал с хрустом листать книгу.

– Ага. Вот он где. – И мальчик постучал (правда, очень осторожно) по открытой странице. Книга снова заворчала, но на этот раз тише. – Карман твоего отца.

Алиса незамедлительно его узнала.

Это был единственный карман на его выцветшем джинсовом жилете. Алиса отлично его помнила, потому что именно в нем папа ушел из дома почти три года назад.

– Оливер, – прошептала она, стиснув руки и не сводя глаз со страницы. – Пожалуйста, объясни, что происходит. Что случилось с папой после ареста? Ему удалось бежать? Он сейчас скрывается?

Рем и Оливер обменялись долгими взглядами.

Алиса закусила губу; ее бедное истерзанное сердце затапливали эмоции, и у девочки уже не было сил вычерпывать их ни ведром, ни ковшиком.

– Что такое? В чем дело?

– Мое дорогое дитя, – мрачно сказал Рем, – твой отец в тюрьме.

Алиса забыла, как дышать.

– И его заключение длится уже очень, очень долго, – добавил Оливер.

– О да, – кивнул Рем. – История, стоящая тысячи печальных слов.

Алиса молниеносно обернулась к Оливеру:

– Так вот что ты имел в виду, когда говорил, что знаешь, где папа? Ты знал, что он в тюрьме?

Оливер кивнул.

– Когда я был здесь в прошлый раз, то пытался вызволить его честным путем. Я думал, если все сделать правильно… если я буду играть по их правилам… его отпустят. – И мальчик покачал головой. – Но теперь я понимаю, что единственный способ освободить твоего отца – это устроить ему побег.

Алиса сморгнула слезы.

– Значит, мы собираемся сделать что-то противозаконное?

Оливер снова кивнул.

– Ладно, – сказала Алиса, стараясь взять себя в руки. – И что именно нам нужно сделать?

Рем и Оливер не сразу нашлись с ответом.

Наконец Рем подался вперед, внимательно разглядывая

сидящих перед ним детей.

– Оливер, ты так и не объяснил Алисе, что от нее требуется? Она до сих пор не знает, зачем она здесь?

– Ну разумеется, я знаю, зачем я здесь, – возразила Алиса. – Я здесь, чтобы помочь отыскать папу.

Рем приподнял бровь:

– Не сомневаюсь в этом. Но неужели ты ни разу не поинтересовалась, *зачем* Оливеру твоя помощь? В частности, зачем ему *твоя* помощь?

– Почему, я интересовалась, но… – Алиса осеклась и перевела взгляд на Оливера, чье лицо тут же приобрело оттенок спелого томата. – Ну, – добавила она быстро, – Оливер сказал, что это папа меня позвал. Папа попросил меня найти. Правда, я точно не знаю зачем, – призналась она, потирая руки, – но разве это так уж важно? Папа хочет меня видеть. Ему нужна моя помощь.

Рем снял очки и тяжело вздохнул. Алиса лихорадочно переводила взгляд с него на Оливера, с каждой секундой все больше наполняясь недобрыми предчувствиями.

– Оливер, – произнес Рем с глубоким разочарованием в голосе. – Я не думал, что ты способен на такое жульничество. Тебе следовало честно рассказать девочке о своих надеждах и ожиданиях.

– Каких надеждах? – спросила Алиса, быстро поворачиваясь к Оливеру. – Каких ожиданиях? Что вообще происходит?

Лицо Оливера сменило оттенок с томатного на гранатовый. Как бы упорно Алиса ни сверлила его взглядом, он избегал смотреть ей в глаза. Внезапно девочку охватил ужас. Горло ледяными пальцами сжала паника. Алисе хотелось закричать на Оливера, но она вдруг лишилась голоса.

– Алиса, дорогая, – окликнул ее Рем, снова водружая очки на нос. – Оливер не виделся с твоим отцом. И ни разу не обменялся с ним ни единым словом.

Алиса чуть не упала с кресла.

– Н-но… Он сказал…

– Боюсь, он тебе солгал.

– Нет, – всхлипнула Алиса, бросая на Оливера отчаянные взгляды. – Этого не может быть. Видите ли, я дала нерушимый обе…

Рем покачал головой.

– Оливер никогда не встречался с твоим отцом, – сказал он жестко. – По крайней мере, в Итакдалии. Так далеко ему продвинуться не удалось.

Алиса начала задыхаться.

– Вызволить твоего отца из тюрьмы – хорошая идея, –

продолжил Рем. – Затруднение состоит лишь в том, что никто точно не знает, где эти тюрьмы находятся. В Итакдалии их многие десятки, и каждая представляет собой целую деревню, вход в которую строго охраняется. Поэтому в нужную нам тюрьму почти невозможно попасть. Понимаешь? Это не так просто. Алиса? Алиса!..

Но Алиса его уже не слышала.

Оливер ей солгал. А это значило, что Оливер ей *лгал*. Но как долго? Сколько лжи успело сползти с его змеиных губ? Как ему удалось ее одурачить? И как она теперь сможет ему доверять? Как вообще…

Рем побарабанил пальцами по столу, стараясь привлечь ее внимание.

– Юная леди, – начал он резко. – Вы меня слышите? Я попросил показать ваши туристические буклеты. Надеюсь, у вас *есть* туристические буклеты. – И Рем нахмурился. – Вы должны были получить их на границе. Если вы находитесь тут без линейки, ваше положение становится неизмеримо хуже.

– Нет, – с трудом выдавила Алиса. – То есть да. У меня есть линейка. И буклеты.

Девочка порылась в карманах и вывалила на столешницу россыпь глянцевых брошюр. Ее трясло от страха, и она больше не смогла бы взглянуть на Оливера, даже если бы захотела.

Рем поправил очки и взял первую (и самую тонкую) из брошюр, озаглавленную:

СПЕРВА ПРОЧИТАЙ И СМЕЛО ШАГАЙ
Кратчайший путеводитель по Итакдалии

Однако стоило Рему открыть буклет, как он сам собой принялся разворачиваться, пока не покрыл весь стол, свесился на пол и вытянулся на добрых три метра в длину. Путеводитель был набран совершенно нечитабельными заглавными буквами и более чем щедро сдобрен восклицательными знаками. Алиса молча порадовалась, что даже не стала заглядывать в другие три буклета:

РАЗГОВОРНИК ИТАКДАЛИИ
Как понимать языки, на которых вы не говорите

СПРАВОЧНИК УМНОГО ТУРИСТА
10 деревень, которые стоит посетить в этом году

ШОПИНГ В ИТАКДАЛИИ
Наши лучшие сувениры для ваших лучших друзей

В конце концов, они предназначались для туристов, а уж туристом Алиса себя точно не считала. Скорее она была отважной героиней еще не рассказанной истории.

– Ага, – сказал Рем, постукивая пальцем по семьдесят четвертому сверху абзацу. – Видите? Прямо под списком разрешенных и запрещенных к вывозу товаров. – И он пододвинул буклет к Алисе, чтобы ей было лучше видно.

Время пребывания дозволяется до тех пор, пока оно не запрещается по причине фактического истечения, что означает буквально следующее: в тех случаях, когда пребывание становится незаконным с точки зрения существующих правил и поправок к ним, утвержденных Единым Итакдалийским Стандартом (далее ЕИС), ознакомление с которым строго обязательно для всех гостей, намеревающихся посетить Итакдалию с туристическим визитом (см. раздел 172–5.42), дальнейшее пребывание на означенной территории, также трактуемое как противозаконное заимствование времени, должно повлечь за собой наказание, установленное Всеземельным Законом, но заключающееся не менее чем в пяти годах пребывания в статусе раба в Рабовладельческой Колонии Итакдалии (далее РКИ), до тех пор, пока для заключенного не будет предусмотрено иное наказание, тяжесть и длительность которого может варьироваться по усмотрению суда. **Примечание: в целях предупреждения дальнейших случаев противозаконного заимствования времени перед помещением в РКИ заключенный должен пройти превентивные процедуры, предусмотренные Законом Полного Цвета.**

Алиса упала обратно в кресло и скорчилась там, онемевшая и обездвиженная. На секунду ей показалось, что у нее разболтались все кости. Девочка почти слышала, как локти стукаются о запястья, а те – о костяшки пальцев. Разумеется, ничего подобного быть не могло: это Рем барабанил по столу, пытаясь снова привлечь ее внимание.

Алиса резко выпрямилась.

– Алиса? Алиса. – И Рем вздохнул. – Ты понимаешь, что я сейчас прочитал?

– Понимаю, – ответила девочка твердо, но все еще не решаясь поднять на него взгляд. – Папу сделали рабом за кражу времени.

– Именно так, моя дорогая. Но в действительности все несколько сложнее. Последние шестьдесят два года тюремные заключения предваряются процедурами по Закону Полного Цвета.

Алиса недоуменно моргнула, и Рем подался вперед.

– Ты знаешь, что это такое?

Алиса бросила на Оливера один последний, ужасающий взгляд, надеясь, что он хоть теперь откроет рот, – но мальчик был нем как рыба и смотрел исключительно в пол.

Трус, подумала Алиса.

В эту секунду она по-настоящему его ненавидела. Знать обо всем этом и ни словом ей не обмолвиться! А она-то думала, что они закалили дружбу в испытаниях; что теперь они равные; что он говорил ей правду и только правду. Но вместо этого он втянул ее в сеть интриг и врал при каждом удобном случае. Алиса еще никогда не чувствовала себя такой одураченной. Оливер притворялся ее другом, но это тоже была просто ложь, верно? (Нет, неверно, но до этого мы еще дойдем.) Алиса была унижена, разозлена, оскорблена и не собиралась терпеть общество Оливера ни одной лишней минуты. Ее гордость этого не вынесла бы.

– Алиса? – снова позвал Рем.

– Нет, – ответила девочка чуть резче, чем следовало бы. – Я понятия не имею, что такое Закон Полного Цвета. А должна? Звучит не так плохо, как все, что вы прочитали до этого.

– И тем не менее, – сказал Рем. Громоздкие очки снова съехали к кончику мальчишеского носа, и теперь он пытался вернуть беглецов на место. – Это ужасный закон. Из твоего папы вырезали весь цвет.

– Что? – потрясенно спросила Алиса и тут же почувствовала, как вздрогнул рядом Оливер.

– Цвет, моя дорогая. До последнего оттенка.

– Но… – начала Алиса и запнулась. – Как…

– Вы прибыли из Ференвуда и должны особенно хорошо понимать серьезность подобного наказания. В Итакдалии действуют те же принципы: мы выживаем за счет земли, которая дает нам цвет, и поглощенная магия делает нас ярче. Без красок… Что ж. – И Рем указал на ее лицо. – Думаю, ты как никто другой сознаешь последствия дефицита магии.

Алиса почувствовала себя так, будто ей влепили пощечину.

Она знала, что говорят о ней люди; слышала ползущие по городу шепотки. Кожа, волосы и глаза ференвудцев были такими же яркими, как и питавшая их земля. Магия, заключенная в овощах и фруктах, наделяла горожан всеми цветами радуги. Быть ярким значило быть волшебным, и Алиса, которой не досталось ни капельки цвета, считалась в округе магической бездарностью –

что, по ее собственному мнению, убедительно подтвердило недавнее выступление.

Девочка опустила голову от стыда, даже не пытаясь спорить с Ремом.

– Значит, папа теперь выглядит как я? – спросила она еле слышно. – У него отобрали все краски?

– Не совсем так. Видишь ли, когда арестант попадает в место заключения, из него вырезают все богатые тона и оставляют лишь оттенки серого. У него больше нет ничего яркого – ни блеска глаз, ни румянца. Но ты, Алиса… Нет, ты живешь полноцветной жизнью. – И Рем снова указал на ее лицо. – Твои глаза могут назваться бледно-карими, а сама ты умеешь краснеть от смущения. Это настоящие, живые цвета – хоть и весьма скромно проявленные. Увы, твой отец их теперь лишен, что делает невозможным само его существование в реальном мире. Если мы попробуем вернуть его домой в таком виде, физические особенности полноцветного бытия попросту его разрушат. Это мера предосторожности, которая бесконечно затрудняет побег пленников из Итакдалии.

Одно-единственное рыдание слетело с губ Алисы, прежде чем она крепко зажала рот руками. После монолога Рема девочке предстояло осмыслить такое количество плохих новостей, что она не знала, с какой начать.

Наконец-то она поняла, почему Оливер так отчаянно в ней нуждался. Он хотел спасти *свое* задание за счет *ее* таланта.

Таланта, о котором она никому не рассказывала.

Таланта, который она должна была Сдать – и не Сдала.

Таланта, который она ненавидела.

Если бы Алиса могла, она бы убила Оливера на месте. За то, что врал. Что втерся к ней в доверие, заставив думать, будто ему есть хоть малейшее дело до нее, ее отца и всей той боли, которую ей пришлось вынести в последние три года. На самом деле Оливеру было наплевать, подумала Алиса. Все это время он беспокоился только о себе и своем задании.

Как она сможет снова ему доверять? Не сможет. И не будет.

– Алиса? – окликнул ее Рем – единственный из всех, кто собирался рассказать ей всю неприкрытую и уродливую правду. – Теперь ты понимаешь? Понимаешь, почему так необходима твоя помощь?

– Да, – ответила девочка тихо. – Но кое-чего я не понимаю.

– Чего?

Алиса не знала, как тактично сформулировать вопрос.

– Почему папу просто не съели? – выдавила она наконец. – Почему отправили в тюрьму?

Рему стало заметно неловко.

– Ну, – протянул он, отводя взгляд. – Как говорится, не стоит мерить всех людей одной линейкой, мисс Квинсмедоу. Не все из нас одобряют людоедство. В действительности, – и он поднял палец, – я даже инициировал петицию о смягчении наказания самым юным нарушителям, которые, как вы понимаете, обладают особенно чистой магией и потому наиболее востребованы среди…

– Все равно, – перебила его Алиса. – Почему папа до сих пор жив?

Рем откашлялся.

– Гм, видите ли, этого требует закон. Единый Итакдалийский Стандарт гласит, что заключенные должны принести стране всю возможную пользу, прежде чем будут перепроданы покупателю, предложившему наивысшую ста…

– Понятно, – кивнула Алиса. – Давайте-ка проясним: вы нас порабощаете, заставляете работать до полусмерти – и лишь после этого съедаете.

– Помилуйте, мисс Квинсмедоу, в такой трактовке это звучит почти бесчеловечно…

Алиса неторопливо встала, собрала свои буклеты, честь, достоинство и осколки разбитого сердца, тщательно рассовала их по карманам и обернулась к Оливеру Ньюбэнксу.

– На этом наши дела закончены. Можешь возвращаться домой. Я отыщу отца сама.

С этими словами она развернулась на каблуках, вихрем вылетела из кабинета и помчалась по коридорам, переходам и лестницам, оставив за спиной потрясенного Оливера и бессердечного Рема – и проронив в целом не более шести слезинок, если не считать шмыганья носом всю оставшуюся дорогу.

Наконец она захлопнула за собой большую красную дверь.

И побежала.

Она вбежала под сень лесов, куда Оливер ей категорически запретил заходить (но теперь ей не было никакого дела до запретов Оливера), пробежала их насквозь, вылетела на опушку с другой стороны и лишь тогда упала на колени в самом сердце нигде (не путать с Нигде), скорчившись в приступе невыносимой боли.

Папу сделали рабом.

Это была правда, которую сердце Алисы не могло вынести. Три долгих года она страдала и надеялась, что в один прекрасный день папа вернется домой. Три долгих года она мечтала узнать, что же с ним произошло – но когда наконец узнала, горько пожалела о своем желании. Сердце Алисы

окаменело, легкие сжались, каждый вдох давался с трудом. Перед лицом папиного рабства она чувствовала себя маленькой и беспомощной, но злость придала ей новых, невиданных прежде сил, и на волне этой злости она обеими руками схватила свое бессилие и отшвырнула его далеко прочь. А поводов для злости у Алисы было предостаточно.

И самый главный: *Оливер ей врал*.

Это была еще одна правда, разбившая сердце Алисы. Она верила ему, дружила с ним, а Оливер ей врал. Манипулировал. Раз за разом утаивал самую важную информацию – и ни словом не обмолвился о папином заключении. Он должен был в точности объяснить Алисе, что от нее требуется; должен был заручиться ее добровольным согласием со всеми частями плана. Это он снова и снова принимал самонадеянные, высокомерные, дурацкие решения.

И он один был виноват в случившемся.

Но между нами говоря, дорогой читатель – если вы позволите мне высказать свое скромное мнение, – глупость Оливера была недостаточным основанием, чтобы бросать такого осведомленного и в целом полезного спутника на столь критическом сюжетном повороте. Если бы Алиса обладала малейшим чувством самосохранения, она бы дождалась более безопасного момента (или более безопасного места), чтобы пуститься в самостоятельное плавание. Но они с Оливером походили друг на друга сильнее, чем думали: оба были наделены страстными, мятежными душами и всецело повинны в грехе юношеского самомнения.

Алисе недоставало ни зрелости, ни сочувствия задуматься, откуда проистекает стремление Оливера к постоянной лжи. Ей бы и в голову не пришло, что его таланты могут быть сигналом другой, куда большей проблемы. Поэтому у нее не было никаких шансов догадаться, что вранье Оливера порождено не жестокостью, а страхом. Страхом быть отвергнутым, брошенным; страхом бесконечного одиночества. Алиса совсем ничего не знала о его душе – может быть, потому что и не спрашивала.

Со своей стороны, Оливер тоже не предпринимал попыток понять Алису. Его юная жизнь была скучна, безопасна и предсказуемо удобна; он не нес на своих плечах груз скорби или потери – и не понимал, что сломанное сердце, если его вовремя не починить, рано или поздно перестанет биться. А Алиса, чье сердце было сломано вот уже несколько лет, отчаянно нуждалась в жертве, на которой смогла бы выместить свою злость. И сегодня она выбрала Оливера. В эту секунду ее гнев обрел силу настоящей магии: он придал Алисе энергии, адреналина и

слепого чувства собственной правоты, которые, хоть и на краткое время, подтолкнули ее к нескольким не очень мудрым решениям.

И первым из них было бросить Оливера Ньюбэнкса.

Скорей! Нельзя терять ни минуты!

Оливера переполняли одновременно страх и тоска. Он пулей вылетел из дома Рема и теперь в панике метался по окрестностям, заглядывая под каждый пруд и холм в поисках своей спутницы – но ее нигде не было. Конечно, если бы Оливер знал, куда смотреть, он бы без труда нашел Алису, потому что она и не пыталась спрятаться. По правде говоря, в одиночестве она представляла собой весьма колоритное зрелище.

Алиса сидела посреди леса, подперев рукой голову, и методично перекрашивала лес в электрически-голубой. Она уже несколько раз поменяла ему цвет, потому что никак не могла выбрать нужный оттенок. Наконец девочка покосилась на деревья и, испустив единственное краткое рыдание, подумала: «А может, все-таки в розовый?..» В ту же секунду лес приобрел нежно-розовый тон. Такие забавы с магией всегда приносили ее душе

успокоение.

Мой дорогой проницательный читатель, ты ведь уже догадался?

Конечно, стоило бы сохранить это в секрете еще ненадолго – просто так, чтобы подержать интригу, – но гордость за Алису требует от меня немедленно признаться: несмотря на все ее заверения в обратном, Алисе отнюдь не предназначено было стать танцовщицей. Ее волшебный талант заключался в том, чтобы быть живой кисточкой.

Алиса могла изменить цвет чего и кого угодно, не шевельнув даже ресницей. Она могла перекрасить человека в зеленый, дерево в синий, реку в желтый – но и тогда стыдилась своих способностей. Отвергала их. Ненавидела. Отрицала так яростно, что почти убедила себя, будто никакой это не талант. Потому что Алиса – бесцветная Алиса! – могла изменить цвет чего и кого угодно, кроме себя самой.

Поэтому она пребывала в уверенности, что природа наделила ее подобным талантом, исключительно чтобы поиздеваться.

И все же игры с цветом приносили ей странное утешение. Наконец девочка почувствовала себя достаточно уверенно, отряхнула руки и вытащила из карманов буклеты, к которым чуть раньше отнеслась с таким пренебрежением. Хватит уже полагаться на Оливера, который говорит ей, куда идти и во что верить. Настала пора принимать самостоятельные решения – особенно учитывая, что основы Итакдалии были ей теперь известны. Кроме того, вся нужная информация уже находилась у нее в руках – оставалось лишь ее изучить.

И все-таки Алиса не могла сосредоточиться.

Руки девочки дрожали, в мыслях плавал туман. Правда заключалась в том, что она была чертовски напугана. Конечно, Алиса старалась быть сильной – по крайней мере, сильнее своих страхов, – но в глубине ее бежала, разрастаясь, черная трещина. И хотя злость удерживала Алису на ногах, она не могла придать ей устойчивости – и девочка поминутно оскальзывалась, вот-вот грозя упасть.

Алиса была напугана, вымотана и расстроена, но, что хуже всего, ее пожирала тревога за отца. Что с ним делали эти три года? Сможет ли она его найти? Он был в опасности – это Алиса знала точно. Но теперь она знала еще, что Итакдалия скорее вывернется наизнанку, чем отпустит свою добычу. Это будет непростая задача, поняла девочка. Внезапно вся серьезность положения обрушилась ей на плечи, пригибая к земле. Алиса больше не была уверена, что сумеет спасти кого-нибудь, включая себя.

Девочка потерла лицо и осоловевшие глаза. Собрала буклеты; снова их бросила; снова собрала. Ей страшно хотелось отдохнуть, но на это не было времени. Она умирала от желания искупаться, но на это тоже не было времени. Алиса чувствовала себя грязной и оборванной, но все эти неудобства тускнели перед мыслями об отце. Отце, которого она любила. Отце, который покинул ее, когда она нуждалась в нем больше всего. Отце, который заблудился и так и не смог найти дорогу домой. За эти три года не было ни дня, когда бы она не думала о папе. Когда не нуждалась бы в нем.

Алиса скучала по нему с такой яростью, что порой та надламывала что-то у нее внутри. Скучала по нему и по *ним* – когда они были вместе. Скучала по тому, как они каждый день спорили до хрипоты.

Он убеждал ее, что она красивая, а она называла его лжецом. Они спорили до тех пор, пока она не сдавалась. Он никогда не позволял ей взять верх, никогда не позволял убедиться в своей правоте. Он сражался за нее яростней, чем она когда-либо сражалась за себя.

Алиса закрыла глаза.

– Ну хватит, – сказал отец, меряя шагами комнату. Он был зол; щеки пылали от гнева, брови сошлись к переносице. – Я не желаю слышать, как ты говоришь о себе подобным образом! Ты чистый холст, Алиса. Никто в целом мире не одарен красками богаче тебя.

Алиса смотрела на него исподлобья, измученная очередным бесплодным спором.

– Тогда где мой цвет? Почему я не похожа на тебя и на маму?

– Алиса, милая, – ответил он, беря ее за руки. – Зачем тебе походить на других? Зачем меняться? Чем менять свою суть, лучше измени взгляд на мир.

– Но как? – с тоской спросила она, обхватывая кулачками его пальцы. – Как мне это сделать, папа?

Он улыбнулся:

– Ты художник, Алиса. Ты можешь раскрасить мир своим внутренним цветом.

Девочка сжала кулаки. Воспоминания затопили ее привычной болью.

Это был момент слабости, но она не стала с ним бороться. Алиса чувствовала, что заслужила его. Когда-то давно она решила, что жизнь – чрезвычайно долгое путешествие, и в дороге она может быть и сильной, и слабой. И это нормально.

Так что она прикусила губу, уронила голову на грудь, запустила пальцы в разлохмаченные, спутанные волосы и

позволила себе быть слабой.

И тогда…

Странно, но в этот момент Алиса поняла, что уже целую вечность не переживала из-за своей издевательски-белой косы. По крайней мере, не так, как обычно. В Ференвуде она и шагу не могла ступить, чтобы кто-то или что-то не напоминало девочке о ее *никаких* волосах и *никакой* коже. Но не здесь. В Итакдалии было столько поводов для беспокойства, что тревожиться еще и из-за отсутствия красок казалось нелепым. Хотя не только. Какая разница, как она выглядит, если у нее есть *цель*?

Алиса немного выпрямилась.

Ну и что с того, что Оливер оказался лжецом? Что с того, что она завалила Сдачу? Что с того, что она заблудилась в незнакомой стране и не имеет ни малейшего понятия, как добраться до дома? Она нужна папе, и этой нужде наплевать на ее внешность. Теперь у Алисы была настоящая, важная именно для нее задача, и она не собиралась сдаваться. Она будет сражаться за отца яростнее, чем он когда-либо сражался за себя.

И ничто ее не остановит.

* * *

Алиса успела сделать всего пару шагов, прежде чем ее снова нагнал лисенок.

Он выскочил буквально из ниоткуда и присел перед ней, виляя аккуратным хвостом. Зверек выглядел невероятно милым и склонял точеную головку всякий раз, когда девочка на него смотрела. Алиса сгорала от желания взять его на руки и прямо так отнести домой.

В голове у девочки по-прежнему звучал голос Оливера, который просил ее быть осмотрительней. Она легко могла вообразить его искаженное тревогой лицо и распахнутые от страха глаза. Но Алиса больше не собиралась прислушиваться к советам своего спутника (бывшего спутника!) и была полна решимости доказать, что и сама может принимать мудрые решения.

Поэтому она присела перед лисенком на корточки и почесала его (или ее?) под подбородком. Как и следовало ожидать, медно-рыжая шубка оказалась бумажной, но теплой и приятной на ощупь. Похоже, лисенку ее ласки понравились, так что Алиса еще погладила его между ушами. Зверек довольно зажмурился и шумно обнюхал ее ладонь.

– Привет, Лисик, – сказала Алиса со вздохом.

Лисенок чуть отпрыгнул, укусил ее за подол юбки и сморщил бумажный нос. Девочка рассмеялась, чувствуя, как по миллиметру срастаются трещины у нее в сердце.

Она восприняла это как знак. Может, лисенок как раз был той важной деталью, которую не учел Оливер. Может быть, лисенок появился здесь ради *нее*.

Что, если он пытается отвести ее к отцу?

Алиса заранее знала, что сказал бы Оливер по поводу этой теории, и даже его воображаемая снисходительность заставила ее рассвирепеть. Поэтому она приняла неожиданное решение.

– Лисик… – начала Алиса. Тот тявкнул и вывалил длинный бумажный язык. – Лисик, ты отведешь меня к папе?

Зверек горячо закивал.

Алиса не удержалась и захлопала в ладоши от восторга.

– Ты же меня понимаешь, правда?

Лисенок снова кивнул.

– И ты мне поможешь? Поможешь найти папу?

Лисенок кивнул еще раз.

Алиса вскрикнула и сгребла его в охапку.

– Спасибо! – бесконечно повторяла она, прижимая к себе шероховатое бумажное тельце. – О, спасибо, спасибо!

Стоило Алисе отпустить лисенка, как он снова принялся скакать вокруг, а потом тявкнул и направился в чащу, оборачиваясь через каждые несколько метров – словно хотел убедиться, что девочка за ним следует. Алиса понятия не имела, куда он ее приведет, но сейчас это было не важно. Ее переполняла эйфория. Она приняла самостоятельное решение! И хорошее решение! Алиса чувствовала, что делает все правильно. Она найдет новый, неизвестный Оливеру путь через Итакдалию. Этому обманщику даже не удалось добраться до папы – что уж говорить о его спасении! Нет, теперь Алиса была уверена, что настоящий ключ – это лисенок.

Этот оптимизм вел ее вперед следующие полчаса. Как выяснилось, лисенок жил довольно далеко от места их встречи, и чем дольше они шли, тем чуднее становился пейзаж вокруг. Алиса полагала, что они все еще в Покое, но уверенность девочки таяла с каждым шагом. На один краткий миг ей захотелось, чтобы рядом оказался Оливер – со своими необъятными картами и еще более необъятным самомнением, – но она быстро подавила это желание. Зачем ей Оливер, если у нее есть лисенок? Лисенок, который обещал найти папу.

Но правда была в том, что Алиса начинала волноваться.

Земля у нее под ногами посерела, высохла и лишилась последних клочков травы. Ночь снова превратилась в день, на

небо выкатилось палящее солнце. Каждый сантиметр воздуха наполнился нестерпимым жаром, и хотя подсознание Алисы почти выло от тревоги, непоколебимая уверенность в собственной правоте вела ее вперед, будто на невидимом аркане.

К тридцать четвертой минуте Алиса окончательно впала в полуобморочное состояние. Девочке уже было не важно, куда она идет; все, что она могла – тупо переставлять ноги. Внезапно в окружающем пейзаже что-то изменилось. Алиса моргнула раз, другой… Она все моргала и моргала, пока не поняла, что горизонт вздыбился вертикально, а земля и небо растеклись по сторонам от него. Это странно, подумала Алиса; очень, очень странно, потому что ее ноги продолжали двигаться по этому перевернутому миру без малейшего желания хозяйки. Более того, она бы с удовольствием приказала им остановиться, но для этого требовались мозги или хотя бы голос, а то и другое покинуло девочку еще десять минут назад.

В горло словно насыпали песка.

Алиса облизнула губы, и небо снова обрушилось ей на голову – причем с такой силой, что верхняя челюсть лязгнула о нижнюю. Девочка обливалась потом. Земля стонала и трескалась, прячась от жгучих лучей солнца под хрустящей песочной корочкой.

Святые прянички, здесь и вправду было жарко.

Мучительно, невыносимо жарко.

Несмотря на туфли, у Алисы было такое ощущение, будто она ступает по раскаленным иголкам. Глаза слепило беспощадное солнце вечного лета, и девочка на мгновение задумалась, будет ли Оливер ее искать.

Она больше не представляла, где находится.

Алиса попыталась осмотреться, но стоило ей повернуть голову, как ее раскатало невидимой скалкой. Теперь девочка лежала на земле, тонкая и плоская, словно блин. Конечно, с физической точки зрения такого быть никак не могло – но почему ей тогда стало тесно в собственных глазах, губах и чересчур вытянутом лице? Каждая ее кость весила целую тонну, а кожа обтягивала внутренности так туго, что почти причиняла боль. Алиса была слишком человечной и плотной для этого мира – и осознала, что закрыла глаза, только когда твердо решила держать их открытыми.

Титаническое усилие воли заставило ее разлепить ресницы. Алиса задыхалась, мир расплывался по краям – но девочка упорно моргала до тех пор, пока не поняла, что смотрит снизу вверх на яркое бумажное солнце, подвешенное к небу на блестящей крученой нити. Конечно, в ту секунду Алиса не имела об этом ни малейшего понятия, но она находилась прямо у входа

в Трафарет – двухмерную деревню, совершенно не подходящую для ее трехмерного тела.

Алиса медленно села, для устойчивости упершись одной рукой в землю, и тут же услышала треск и хруст, который ей совершенно не понравился. Веки опускались и поднимались с таким грохотом, будто она не моргала, а хлопала деревянными ставнями. Вокруг расстилался бумажный мир.

Возле бумажного солнца теснились бумажные облака, пришпиленные к небу полосатыми красно-белыми палочками. На голубом заднике неба виднелся мятый, явно множество раз сложенный и разложенный полумесяц. Под ним росли бумажные деревья всевозможных форм и размеров, рядом с которыми в прямоугольных загонах паслись бумажные животные. Дома представляли собой простые квадраты с водруженными на них треугольниками, а дымом служили невесомые шелковистые нити, которые вылетали из труб и слегка колыхались на ветру. В отдалении зеленели приклеенные друг поверх друга холмы, и по ним картонной походкой прогуливались двухмерные человечки – но только боком, не рискуя поворачиваться анфас.

Все это сбивало с толку. Потрясало. Изумляло. Алиса едва могла дышать от возбуждения и восхищения. Она больше не думала о возможной опасности; да и с чего бы? Девочка оперлась на вторую руку, уже собираясь подняться, – как вдруг правый локоть неестественно изогнулся, и она снова повалилась на спину. Рука казалась резиновой. Или ватной. Или…

Опустив на нее взгляд, Алиса увидела престранную картину.

А потом услышала престранный звук.

* * *

Должно быть, она завопила как резаная – хотя теперь яростно это отрицает. Почему? Полагаю, из гордости. Впрочем, в криках как раз не было бы ничего постыдного – и я сомневаюсь, что кто-нибудь осмелится обвинить бедную девочку в трусости. Видите ли, лисенок, который верно сопровождал ее от самой красной двери, по-прежнему был рядом с Алисой – но теперь крепко сжимал в зубах ее правую руку и с удивительной для бумажного зверька силой волок девочку по направлению к деревне. Алиса была на самом пороге Трафарета и уже ощущала, какой разрушительный эффект оказывает на нее этот прекрасный и невозможный двухмерный мир. Еще пара шагов, и она стала бы очередной картонной фигуркой, которые во множестве прогуливались по нарисованным холмам. Поняв это, Алиса

завопила и начала вырываться.

Однако лисенок не собирался отпускать ее так просто.

Девочка брыкалась и извивалась, но борьба осложнялась тем, что часть ее тела больше ничего не чувствовала. Она словно потеряла реальность, перейдя из трехмерной плоскости в двухмерную – ту, в которой обитал лисенок. Конечно, Алиса испытывала боль оттого, что ее тянут в разные стороны, но как-то не всерьез, *умозрительно*, – поскольку частично превратилась в нечто другое. Еще она не понимала, что именно тащит в зубах лисенок, который наконец оставил ее в покое и вприпрыжку поскакал к бумажной деревне, – и уж точно не сознавала, насколько плохи ее дела, пока в ушах у нее не улеглось эхо того последнего и ужасающего «тр-р-рык».

Технически она выиграла битву.

Лисенок был обращен в бегство – значит, Алиса победила. Тогда почему она так долго и пронзительно кричала? (Конечно, теперь она это отрицает.) Из-за чего было устраивать подобный шум? И если уж мы играем в угадайку – почему ее вдруг переполнило такое острое и мучительное чувство сожаления?..

Пожалуй, я начну первая.

Если кого-нибудь здесь интересует мое мнение, Алиса сожалела, что сбежала от Рема и Оливера. Сожалела, что вообще покинула Ференвуд. Сожалела, что оказалась в Итакдалии, что ей уже исполнилось двенадцать лет и что она выбрала для Сдачи совершенно неправильный талант.

Полагаю, у Алисы было не менее десятка отборных поводов для сожалений.

В конце концов она поднялась – ослепленная, оглушенная, почти раздавленная непривычной силой непривычного тяготения, – и побрела прочь, гулко переставляя ноги под раскаленными лучами невозможного солнца.

Алисе было мучительно жаль.

Жаль всех. Маму, которая ее не любила; папу, который так не вовремя их оставил; себя, которая не смогла его спасти – и не сумела спастись сама. Алиса шагала, пока не споткнулась, рухнула на колени и ободрала щеку о камни, впервые орошенные чьими-то слезами. Только тогда она осознала истинный масштаб своей потери.

Только тогда поняла, что потеряла целую руку.

* * *

Правда, она не истекала кровью. Это было первое, что

заметила Алиса. Следом она заметила, что ее правая рука буквально выдернута из плеча, а потом (поскольку разум в полном объеме начал возвращаться к девочке только сейчас) – что она частично превратилась в бумагу.

Там, где должны были хлестать реки крови, покачивались оборванные серебристые нити, а там, где полагалось торчать обломкам костей, гулял странный ветерок. И хотя Алисе хотелось сделать множество вещей – например, согнуть потерянную руку, отвесить себе тумак несуществующим кулаком, наконец, прийти в чувство и уж точно не проронить ни одной слезинки («Все хорошо, я жива, я выживу»), – в действительности она могла лишь тупо смотреть на пустое место, где еще недавно сжималась, разгибалась и шевелила пальцами такая важная часть ее тела. А затем, дорогие друзья, Алиса заметила четвертую вещь.

Вместе с правой рукой пропали и все ее браслеты.

Алиса могла вынести многое, но не потерю целой руки – более того, целой руки с браслетами (как вы понимаете, последняя утрата была самой существенной). У девочки раскалывалась голова, колени сводило судорогой от бесконечной ходьбы – но она все же заставила себя подняться, выпрямиться и переставить ноги; потом еще раз, еще и еще. Алиса впечатывала ступни в грязь, словно железные гири, и каждый шаг казался ударом подземного сердцебиения. Она больше не слышала, не видела, не чувствовала. Удерживать равновесие с одной рукой оказалось неожиданно тяжело, но Алиса не позволяла себе об этом задуматься, пока короста грязи не сменилась мягкой травой, солнце снова закатилось за горизонт, небеса охладила звездная ночь, а сама она вернулась в пространстве, страстно желая вернуться еще и во времени.

Наконец девочка упала на землю.

Она съежилась в траве, только благодаря адреналину удерживаясь от истерики, и на мгновение восхитилась богатством окружающей ее ночи. Над головой у Алисы пылала красная дверь Рема, а совсем рядом, посередине ближайшего нигде, сонно хлюпал илистый пруд. Сверчки расцвечивали ночь мелодиями миниатюрных скрипок; им подпевали невидимые в темноте лягушки. Высокая трава танцевала с серебристым ветром, а луна едва осмеливалась облокотиться на тучное облако, явно начиненное не одной бочкой дождевой воды. Каждый штрих этой картины был наполнен невыносимой красотой. Покой оставался спокойным, несмотря на все пережитые Алисой треволнения, а прямо перед ней, словно отлитый из звездного стекла, стоял со своей неизменной сумкой Оливер Ньюбэнкс.

Оливер Ньюбэнкс, который тяжело дышал, обливался по́том,

смотрел на девочку широко распахнутыми глазами и далеко не сразу смог выдавить из себя единственное тихое:

– Алиса?..

– Оливер? – только и сумела прошептать она в ответ.

– Алиса, – повторил Оливер уже настойчивее. Глаза мальчика тревожно блестели в темноте, а голос то и дело срывался. – Ты в порядке?

Нет, покачала головой Алиса. Нет, она была не в порядке.

Луна наконец рассталась со своим возлюбленным облаком и вскарабкалась чуть выше, попутно сдернув с Алисы вуаль спасительного мрака. Оливер наклонился к девочке – и только теперь увидел, что с ней случилось. В следующую секунду он отшатнулся, точно от удара, зажимая рот обеими руками.

– О боже… *Алиса!*

Она не нашлась с ответом.

Оливер осторожно дотронулся до места, где еще недавно был ее локоть, и Алиса увидела, что у него дрожат пальцы.

– Тебе больно? – спросил он так же шепотом.

Алиса опять покачала головой. *Нет*. На самом деле, она ничего не чувствовала. Девочка еще не вполне осознала потерю правой руки, а потому не была уверена, что полагается испытывать в подобных случаях. Отчаяние? Боль? Гнев? Или она должна быть храброй?..

– Она отрастет?

У Оливера так расширились глаза, что Алиса увидела белые ободки вокруг радужек.

– Нет, – ответил мальчик тихо. – Последствия травм в Итакдалии, если их не починить, всегда окончательны.

Только тогда к Алисе вернулись чувства.

Слова Оливера осколком засели у нее в сознании; это была горячая, сокрушительная боль, которая темной волной разлилась у нее за глазами и вытеснила из легких весь воздух. Конечно, на самом деле ей было ненамного больнее, чем секунду назад, но все, что она могла теперь чувствовать, – это му́ка, нестерпимая мука от осознания того миллиарда ста триллионов тысяч вещей, которые она хотела бы немедленно сделать – и для которых требовались *обе* руки. Их абсолютная, окончательная, а главное, внезапная невозможность стала тем последним грузом, с которым не могло справиться Алисино сердце. Что-то внутри нее с хрустом надломилось, осыпавшись, как песок в часах. Девочка оказалась так раздавлена этим новым горем, что не могла успокоиться хотя бы на секунду, необходимую для того, чтобы проглотить ком в горле и наконец закричать.

Она взглянула на Оливера.

– …найти художника, – говорил тот.

– Что? – Это было даже не слово, а выдох. Алиса уже потеряла отца, правую руку и целый набор браслетов в придачу. Ничего удивительного, что голос решил последовать за ними.

– Да, – кивнул Оливер. – Это единственный выход.

Теперь мальчик мерил поляну шагами, скрестив руки на груди.

– Проблема в том, что я понятия не имею, где его искать. До меня доходили только слухи, понимаешь? – И Оливер поднял взгляд на Алису. – К тому же мы отклонимся от курса и потеряем кучу времени. Хотя расходы того стоят, разумеется…

Похоже, теперь он обращался в основном к себе.

– Постой, – снова выдохнула Алиса. – Что ты имеешь в виду?

Оливер остановился, в удивлении глядя на девочку.

– Сперва нам придется починить твою руку.

– Но ты же сказал…

Оливер замотал головой:

– Нет-нет, она не отрастет. Но мы найдем художника, который нарисует тебе новую.

Алису распирало от вопросов, но внезапно подаренная надежда заняла в ней столько места, что все остальное вывалилось за ненадобностью. Девочка принялась издавать странные, скрежещущие звуки, которые, конечно, ничуть не выдавали ее усилий не расплакаться.

– Алиса, – начал Оливер тихо. – Ты расскажешь мне, что случилось?

Он достал из сумки носовой платок, и Алиса неуклюже приняла его левой рукой.

– Где ты была? Кто это с тобой сделал? Как ты вернулась?

Алиса пустилась в пересказ своих злоключений. Девочка честно объяснила Оливеру, как последовала за лисенком, которому не стоило доверять, нашла бумажную деревню и потеряла руку при попытке оттуда выбраться.

Оливер был в ужасе. Алиса сгорала от стыда.

Оба винили в случившемся себя – и оба, конечно, были правы. Они проделали в сердцах друг друга дыры настолько глубокие, что незажившие раны влекли за собой лишь новую боль. Но нехитрая правда заключалась в том, что ответственность за произошедшую трагедию следовало бы поделить пополам. Оливер слишком долго не решался сделать Алису полноправным партнером – и в итоге поселил в ее душе глубокое недоверие к своим советам. Алиса же приняла не одно безрассудное решение, руководствуясь болью, гневом и желанием насолить своему спутнику.

Однако юные сердца исцеляются с легкостью, недоступной взрослым.

– Тогда в путь? – осторожно спросил Оливер. – Но нам придется спешить. В Итакдалии никогда не бывает лишнего времени.

В глазах мальчика читался страх – и все вопросы, которые он не решился произнести вслух. Он боится, что она снова его бросит, поняла Алиса.

Стоило девочке кивнуть, как на лице Оливера расплылась широкая улыбка, а плечи распрямились от облегчения.

– И куда мы пойдем? – спросила Алиса. – Чтобы починить мне руку?

Оливер вздрогнул, и девочка подумала, что он ее жалеет. Но дело было не совсем в жалости. Точнее, совсем не в жалости – потому что чувства Оливера к Алисе больше не исчерпывались таким простым переживанием. С момента их встречи сердце мальчика увеличилось минимум вдесятеро, и последние несколько часов едва его не сломили. Алиса пострадала; Оливер знал, что это произошло по его вине – из-за его собственного эгоизма и глупости, – и не был уверен, что когда-нибудь сможет себя простить.

– Честно говоря, не знаю, – ответил он, усердно разглядывая темную стену деревьев. – Но это временно, потому что наши мозги по-прежнему при нас, а значит, мы очень скоро все выясним.

Алиса кивнула.

На языке у нее вертелось не меньше тысячи вопросов и соображений, но она предпочла их проглотить. Прямо сейчас ей было важнее заключить мир с Оливером, который, как она надеялась, наконец принесет ее душе покой.

Мальчик опустился перед ней на колени и неуверенно улыбнулся. Ветер трепал его тунику, зажав подол призрачными пальцами, и прежде чем Оливер закрыл глаза, по смуглой щеке скатилась одна-единственная слезинка.

– Алиса, я так виноват, – прошептал он. – Прости меня, пожалуйста.

И поскольку Алиса наполовину, если не на две трети, состояла из сердца, она немедленно его простила – при условии, что он тоже ее простит. Дело уладилось быстро.

Затем Оливер взял ее единственную руку в свои ладони, прижал к груди – и они оба провалились сквозь землю.

* * *

Стоило Алисе вновь открыть глаза, как на нее обрушился нестерпимый жар знакомого солнца. Девочка невольно отшатнулась, и Оливер, который теперь внимательно следил за ее состоянием, неверно истолковал этот жест.

– Прошу прощения, – сказал он виновато. – От аварийных выходов вечно одни проблемы.

– Аварийных выходов? – не поняла Алиса.

Оливер кивнул.

– Если тебе нужно быстро добраться до соседней деревни, можно воспользоваться аварийным выходом. Правда, дорога не из приятных. – И он рассмеялся. – Однажды меня выбросило прямиком в кучу дохлых овец. Я потом целый месяц отплевывался от шерсти. Честное слово, выкашливал целые комья…

– Оливер, нам надо убираться. Сейчас же.

Грязь у них под ногами трещала и плавилась. Алиса почти видела, как вздуваются волдыри на коже земли.

– Это сюда меня притащил лисенок. Где-то рядом вход в бумажную деревню. Я уверена.

Оливер окаменел, забыв, о чем рассказывал. К счастью, его оцепенение длилось всего пару секунд. Затем он схватил Алису за руку и бросился прочь – но не успел пробежать и нескольких метров, как неведомая сила толкнула его в спину. Алиса в панике закричала, пытаясь помочь ему подняться, но через мгновение упала и сама. Девочка вскинула голову, сердито отплевываясь от грязи, и тут же почувствовала, как ее куда-то тащат за подол юбки.

Алиса кричала, извивалась и брыкалась до тех пор, пока не выбилась из сил, но наконец страх парализовал и ее.

Бумажный лис вернулся и на этот раз привел с собой друзей.

* * *

Бумажные лисы загнали их в угол. Трое из четверых были сделаны из вполне привычного (читай: скучного) оттенка коричневой бумаги; они-то и не позволяли Оливеру подняться. Единственный лис, сложенный из ярко-медного листа, стоял прямо перед распластанной в грязи Алисой. Это был ее лисенок. Тот, который привел ее сюда в прошлый раз.

– Алиса! – заорал Оливер. Она слышала, как он борется с лисами. – Алиса, ты…

Внезапно его крики сменились полузадушенным бульканьем. Оглянувшись, Алиса увидела, что один из зверьков засунул ему свой хвост в рот вместо кляпа.

Сердце девочки пустилось вскачь. Воздух дрожал от марева; по спине у Алисы струился пот. Лис смотрел на нее, не отрываясь, и ей стоило немалых усилий просто сохранять спокойствие. Алиса чувствовала, что должна что-то сказать, но не знала, как и с чего начать. В конце концов, это была бумажная лиса, а Алиса не слышала, чтобы животные могли разговаривать даже благодаря магии.

И все же она попыталась.

– Чего ты от меня хочешь? – наудачу спросила она.

Лис смотрел на нее всего мгновение, прежде чем яростно атаковать нижний карман юбки.

– Что такое? – Алиса кое-как уселась, и лис отступил на пару шагов назад. Девочка единственной рукой расстегнула карманы и выложила на землю все их содержимое: четыре туристических буклета, черную карточку и белую линейку. Алиса указала на них лису.

– Что? Чего ты хочешь?

Лис схватил зубами один из буклетов, склонил голову и издал странное поскуливание. Алиса догадалась, что подсказка кроется в этой брошюре. Девочка по-прежнему ничего не понимала, но хотя бы испытывала облегчение, что сейчас ее жизни не грозит непосредственная опасность. Она выдернула буклет из лисьих зубов и прочла надпись на обложке:

РАЗГОВОРНИК ИТАКДАЛИИ
Как понимать языки, на которых вы не говорите

Алиса с шумом втянула воздух, переводя взгляд с лиса на буклет и обратно. Сердце девочки едва не выпрыгивало из груди – но на этот раз не от страха. Она была в восхищении. Алиса развернула буклет с жадностью, которая просто не оставила места тревогам, – но ее нетерпение вскоре сменилось разочарованием.

Все страницы брошюры были чистыми.

Девочка повесила голову. Наверное, лис (или Тед?) ошибся. Или же подвели наборщики. Кто бы ни был повинен в постигшем ее огорчении, любоваться на чистый лист и дальше было глупо. Алиса потянулась к буклету, чтобы снова его свернуть, как вдруг услышала над ухом приятный тихий голос:

– Не закрывайте, пожалуйста.

Алиса застыла.

– Посмотрите на меня, мисс Квинсмедоу.

На секунду Алисе показалось, будто она сошла с ума; но поверь мне на слово, дорогой читатель, – шестеренки у нее в

мозгу еще никогда не вращались с такой скоростью и слаженностью. Да, к ней действительно обращался говорящий лис, и…

Вы позволите мне ремарку? Признаться, я искренне не понимаю причину ее удивления. Разумеется, лисы, как и большинство животных (бумажных или нет), умеют говорить. И если мы не прикладываем достаточно усилий к тому, чтобы их понять, это целиком и полностью наша вина.

Ну да ладно. На чем мы остановились?

– Мисс Квинсмедоу, – сказал лис. – Посмотрите на меня.

Алиса в изумлении подняла взгляд.

– Вы в опасности. Пожалуйста, немедленно уходите.

– Ну конечно, я в опасности! Вы уже дважды пытались меня убить!

Лис покачал головой:

– Я не пытался вас убить. Я пытался вас *спрятать*. Искренне прошу прощения за недоразумение с рукой…

Алиса фыркнула:

– …но я думал, что в моем мире вам будет безопаснее. Сейчас вам лучше уйти. Как можно скорее возвращайтесь домой, мисс Квинсмедоу.

– Почему это? С чего вообще такая забота?

– Я знаю, зачем вы здесь. Мы все знаем. И знаем, что вы ищете отнюдь не пони.

Алиса судорожно вздохнула.

– Ваши поиски отца благородны, – продолжил лис, – но он не имел никакого права совать свой нос в наши дела. И вы тоже не имеете.

– Что вы хотите сказать? – удивилась Алиса.

Лис склонил остроухую голову.

– Много веков назад наши земли заключили договор не вмешиваться в магические дела друг друга. А ваш отец, широко известный своей близостью к Старейшинам Ференвуда, задавал чересчур много вопросов о принципах работы нашей магии.

– Но его арестовали за кражу времени…

– Именно, – кивнул лис. – Но также он был обвинен в политическом шпионаже.

У Алисы отхлынула от лица кровь.

– Что?

– Будьте осторожны, – продолжил лис. – Итакдалия знает, что вы его ищете. А эта земля не отпускает шпионов так просто.

– Но он не… Этого не может…

– Возвращайтесь домой, мисс Квинсмедоу. В противном случае вас могут счесть его пособницей.

– Но если вы считаете папу шпионом… – Алиса замялась. – Почему пытаетесь мне помочь?

– Вы невинны, – просто ответил лис. – И я не хочу, чтобы вам причинили вред, когда ваша единственная ошибка состоит в том, что вы пришли сюда в поисках любимого человека. К тому же, – добавил он, – я не одобряю поедание детей. Это нецивилизованно.

Алиса не знала, что и сказать.

– У вас мало времени, мисс Квинсмедоу, – добавил лис, нервно наматывая возле нее круги. – Все вас ждут. Отправляйтесь домой. Немедленно. Пока вас не нашли.

– Что? – озадачилась Алиса. – Кто меня ждет?

Внезапно в отдалении послышался странный хруст, и в глазах лиса проступил страх. Не успела Алиса спросить, что происходит, как он принялся дико озираться.

– В экстренном случае разломить натрое.

– Что?

– Доверься тому, кто на друга похож.

– Что вы…

– Мы знаем, – сказал лис. – Мы знаем всё.

Неожиданно Алису захлестнула паника. Она не смогла бы объяснить, в чем ее причина, – просто почувствовала, что дела окончательно пошли наперекосяк.

– Пожалуйста, – прошептала она. – Я лишь хочу найти папу. Вы мне поможете?

– Увы, не могу. Вам лучше вернуться домой. – И лис начал поворачиваться, собираясь уйти.

– Постойте! – Алиса в отчаянии ухватила его за заднюю лапу. Лис остановился и внимательно взглянул на единственную руку девочки. – Вы отпустите моего друга?

Лис сузил глаза.

– Вас мы не задерживаем, мисс Квинсмедоу. Но мальчику придется остаться здесь.

– Что? – растерянно спросила Алиса. – Но я думала, вы не одобряете п-поедание детей…

– Я не одобряю поедание *хороших* детей. А ваш друг – наглый двуличный врун, чей список нарушений с трудом поместится на всех листьях наших деревьев. – И лис вскинул голову. – Итакдалия не имеет снисхождения к маленьким лжецам.

– Но он никому не причинил вреда!

– У лжецов длинные языки, мисс Квинсмедоу. Настоящий деликатес. А мы голодали слишком долго, чтобы теперь отказывать себе в свежем мясе, когда оно само так любезно пришло в лапы. Уверен, вы нас поймете.

С этими словами лис отвесил девочке поклон, вырвался из ее хватки и бросился к Оливеру.

* * *

Алиса поднялась на ноги и рассовала пожитки по карманам так быстро, насколько ей позволяла единственная рука. Четверо лисов с упоением гонялись за Оливером, и теперь, когда его рот был обесхвосчен, девочка отчетливо слышала полные ужаса вопли.

Алиса ринулась ему на помощь, занеся линейку над головой, будто кинжал. Она с криками хлестала, тыкала и шлепала лис деревяшкой; в ответ они возмущенно визжали, на мгновение отступая, но тут же снова бросаясь в атаку. Алиса вряд ли причиняла животным серьезный вред (несмотря на то, что они были сложены из бумаги, лисы оказались грозными противниками), но ее друг-лис выглядел таким потрясенным предательством девочки, что она на секунду ощутила укол вины. К счастью, это чувство длилось недолго. Своей жизнью Алиса не слишком дорожила – но не позволила бы никому съесть друга, какой бы длинный у него ни был язык.

Увы, лисы не сдавались.

Четверо зверьков двигались быстрее Алисы, и хотя она раздавала удары направо и налево, они даже не запыхались. А вот у девочки уже онемела рука. Все, чего ей удалось добиться, – загородить Оливера от лис, но те с каждой секундой сжимали круг, плотоядно глядя на мальчика и облизываясь. Алиса только теперь поняла силу звериного голода; им пообещали мясо, и они не собирались отказываться от законной добычи. Оливер тоже отбивался, как мог, но лисы с такой яростью наседали на него, щелкая бумажными зубами, что Алиса испугалась, а не откусят ли ему сейчас голову.

– Аварийный выход! – закричала девочка, хватая спутника за плечо. – Аварийный выход!

К сожалению, ничего не произошло. (Конечно, Оливер изо всех сил убеждал лис отпустить их по доброй воле, но ему мешал сосредоточиться страх, а редких проблесков удачи было недостаточно, чтобы справиться сразу с четырьмя противниками.) Алиса запаниковала. Она еле держалась на ногах, линейка то и дело выскальзывала из вспотевшей руки, и лисам хватило бы ее секундного замешательства, чтобы…

Дружно повалить девочку на землю.

Алиса тяжело упала на единственную руку, а потом с размаху

ударилась головой. Висок обожгло горячей болью, к горлу подкатила желчь. Девочка несколько раз моргнула, прогоняя головокружение, и заставила себя сесть – любой ценой. Перед глазами плыли радужные круги, и хотя Алиса не видела Оливера, она прекрасно слышала его вопли и звуки борьбы. Девочка уже встала, собираясь поднять линейку и снова броситься в атаку, когда земля снова ушла у нее из-под ног. Один из лисов взвился в прыжке и ударил Оливера в челюсть с таким хрустом, будто был сделан не из бумаги, а по меньшей мере стали. Мальчик покачнулся, упал на спину и больше не шевелился.

Лисы принялись кружить возле его обмякшего тела, выбирая, кому достанется честь сделать первый укус. И тут разум покинул Алису.

– НЕТ! – закричала она.

У девочки подкосились ноги, и она снова рухнула на выжженную землю. По пустынному ландшафту прокатился долгий отчаянный вопль. Алиса плыла в предобморочном мареве, обливалась потом, задыхалась от боли – и когда чувство новой потери приоткрыло в ее сердце очередную железную дверь, мир дрогнул и погас.

Земля, небо, лисы, даже Оливер: все исчезло. Алиса изменила цвет всех окружающих существ и предметов на один глянцевый оттенок черного. Однако девочка не осознавала масштаб содеянного, пока не услышала визг разъяренных и испуганных лис, которые беспомощно натыкались друг на друга в темноте. Только тогда Алиса поняла, что погасила солнце. Единственным светлым пятном осталась она сама. Девочка подняла левую руку – белизна ее кожи отливала во мраке ледяным неоном – и, может быть, впервые в жизни почувствовала себя могущественной.

Алиса слышала, как мечутся в отдалении лисы – нападать вслепую им не хватило духу. Девочка дождалась, пока визг и скулеж стихнут, закрыла глаза, глубоко вдохнула, а потом единственным движением мысли вернула все краски на место.

Открыв глаза, она немедленно заметила Оливера.

Он лежал на спине, раскинув руки и ноги. Из угла рта стекала струйка крови, но мальчик, хвала небесам, еще дышал. Алиса подбежала к нему, бросила на землю уже ненужную линейку и, как могла, единственной рукой притянула к себе друга.

* * *

Алиса трясла его, звала, кричала – но он не просыпался.

Отчаявшись, она отвесила ему пощечину, но и это не помогло.

– Оливер, очнись! Пожалуйста!

Однако он валялся на земле, как тряпичная кукла, не подавая признаков жизни.

По щекам у Алисы заструились слезы. Конечно, она старалась не отчаиваться – но даже примерно не представляла, как справиться с *таким*.

Ее опять начала захлестывать паника.

Алиса уже собиралась снова встряхнуть Оливера, как вдруг ее взгляд упал на брошенную линейку. На девочку уставились вырезанные по светлому дереву слова:

В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ РАЗЛОМИТЬ НАТРОЕ

Если этот случай был не экстренным, она ничего не понимала в экстренных случаях.

Алиса даже не задумалась о возможных последствиях: отчаяние не оставило ей выбора. Поэтому она прижала линейку каблуком и с силой потянула на себя.

– У нас экстренный случай! На помощь! Пожалуйста!

Кр-рак, кр-рак – и на земле остались три неровных обломка.

В ту же секунду все замедлилось.

Окружающий пейзаж поблек и расплылся, а потом и вовсе замер. Картонные пчелы зависли в воздухе, так никогда и не долетев до бумажных цветов; сидящие на ветках птицы осеклись на середине трели. Алиса единственная сохранила способность двигаться. Поняв это, девочка осторожно поднялась на ноги.

Перед ней возвышались три неправдоподобно тонких и смехотворно больших оранжевых двери. На каждой красовалась своя надпись:

ШАГНИ, ЧТОБЫ ПОЧИНИТЬ РУКУ

ВОЙДИ, ЧТОБЫ СПАСТИ ДРУГА

ОТКРОЙ, ЧТОБЫ НАЙТИ ОТЦА

Под каждой надписью, меньшим шрифтом, шло примечание:

ВЫБЕРИ ТОЛЬКО ОДНУ ДВЕРЬ, ИЛИ УМРЕШЬ МУЧИТЕЛЬНОЙ СМЕРТЬЮ

* * *

Если вы еще сомневаетесь в добром сердце Алисы, вот вам один факт: она даже не задумалась, какую дверь выбрать. Алиса Алексис Квинсмедоу точно знала, как ей быть.

(Разумеется, она решила спасти Оливера.)

Итакдалии не удастся ее одурачить. Алисе не было никакого дела до надписей на дверях. Она спасет и друга, и папу (и, может быть, руку).

Она найдет способ.

Поэтому она направилась прямиком к выбранной двери, решительно повернула ручку и… самым неграциозным образом вывалилась за порог. Желудок перевернулся вверх тормашками, сердце подъехало к самому горлу – и Алиса, визжа и размахивая левой рукой, принялась падать в небо. Ее швыряло вверх и вниз, влево и вправо, и девочка перестала кричать, только когда услышала чьи-то чужие вопли.

Оливер пулей промчался по небу и врезался в Алису с такой силой, что она чуть не сломала ему нос головой. Девочка, как могла, развернула его лицом и крепко схватила за руку. Ее переполняли радость и облегчение. Алиса и не представляла, как много Оливер для нее значил – пока едва его не потеряла.

– Не волнуйся, – сказала она первым делом. – Все будет хорошо!

Оливер просиял от уха до уха.

Убедившись, что все (ну, почти все) ее части на месте, Алиса быстро рассказала Оливеру про лис, линейку и аварийные двери, аккуратно обойдя вниманием инцидент с потушенным солнцем (она еще не была готова об этом говорить). У Оливера голова шла кругом от обилия новой информации, но, несмотря на пережитые ужасы, по лицу мальчика начинала расплываться широкая улыбка. (Видите ли, Алиса выбрала его. Алиса выбрала спасти *его*, и Оливера переполняли счастье и гордость.)

Что до Алисы, сейчас ее занимали совсем другие вещи.

Они падали в небо уже целую вечность, но земли все не было видно. Девочку это изрядно волновало. К тому же ей поминутно приходилось отводить с лица юбки (непростая задача с единственной рукой!), и она ужасно устала.

– Оливер, – сказала Алиса.

– Да?

– Как ты думаешь, далеко ли дно?

– Чего?

– Ну…

Алиса обвела взглядом окружающую их пустоту. Единственные декорации состояли из голубого задника неба и пары рассеянных облачков. Солнца не было видно.

– Этого, – наконец обтекаемо сказала Алиса, ни на что конкретно не указывая. – Когда мы долетим до дна *вот этого*?

– Понятия не имею, – ответил Оливер.

В ту же секунду они ударились о землю.

Алиса с Оливером упали с двумя громкими *шмяками* – один за другим. Зубы ребят громко лязгнули, а колени пополнились очередным набором синяков.

– Ладно, – сказала Алиса, разгоняя круги перед глазами. Девочка поднялась на ноги и теперь с подозрением осматривала пейзаж вокруг. – Надо понимать, здесь ты тоже не бывал?

Оливер покачал головой.

Они стояли на тропинке между двумя живыми изгородями втрое выше Оливера. Зеленые стены так густо заросли розами, лилиями, пионами и сиренью (а также гарденией, фрезиями и гиацинтами), что спутники едва могли дышать. Цветы выглядели восхитительно, но воздух был до того приторным, что вызывал тошноту, и чем дальше они шли, тем труднее становилось выдерживать эту ароматную пытку.

– Ладно, – сказала Алиса. – Полагаю, теперь мы умрем?

– Не шути так, – ответил Оливер, приподнимая бровь. – Хотя это вполне вероятно.

Алиса попыталась улыбнуться.

– Тогда не пора ли вызвать аварийный выход?

Оливер рассмеялся:

– Нельзя все время перемещаться по Итакдалии с изнанки. Аварийными выходами можно пользоваться не чаще, чем через каждые пять деревень.

Алиса махнула единственной рукой, признавая поражение.

– Так вот почему в прошлый раз не сработало… И откуда ты все это знаешь? Понятия не имею, где ты раскапываешь такие сведения!

Оливер наградил ее сочувственным взглядом.

– Честно говоря, меня вели заметки твоего отца. Без них я бы давно пропал.

Алиса вздохнула и пнула холмик грязи.

– Мы теперь совсем сбились с курса, да? – тихо сказала девочка. – Я устроила такую неразбериху…

– Вовсе нет, – ответил Оливер бодро. – Может, на первый взгляд так и не кажется, но ты отлично ориентируешься в Итакдалии. Большинство людей не одолели бы и половину этого пути.

Алиса залилась краской.

– Оливер, я отошла на пять минут, и мне оторвали руку! Из-за чего нам пришлось свернуть незнакомой дорогой, из-за чего на

нас напала стая лис, из-за чего тебе чуть не откусили голову, из-за чего мне пришлось сломать линейку. Рассказать и то стыдно!

– Ну… – Он помедлил. – Может, ты пока и не очень искусный путешественник…

– Не трудись. Я и шагу не могу сделать в одиночку, и мы оба это прекрасно знаем.

Оливер закусил губу, стараясь не улыбнуться.

Алиса взглянула на него и не выдержала. Девочка расхохоталась, и Оливер тоже прыснул в кулак.

Они все смеялись и смеялись, пока у них по щекам не покатились слезы – и в эту минуту им не было никакого дела до странного цветочного лабиринта, или опасностей, которые они пережили, или тех, которые им еще только предстояло пережить. Это был момент истинного освобождения и избавления от забот; и хотя, возможно, они просто перенюхали чересчур много цветов, мне кажется, что в действительности они открыли один из величайших секретов бытия: смех – тот шелк, который смягчает самые тяжелые испытания.

– Ты права, – наконец выдавил Оливер. – Пожалуй, нам лучше держаться друг друга.

– Уж пожалуйста, – ответила Алиса, все еще хихикая. – У меня больше нет никакого желания путешествовать одной. И я очень надеюсь, что ты хотя бы *попробуешь* меня остановить, если я тронусь умом и снова решу сбежать!

– Очень рад это слышать, – сказал Оливер со сверкающими глазами.

– А я рада, что ты рад, – смущенно улыбнулась Алиса.

Оливер улыбнулся в ответ.

Да, девочке было неудобно без руки, но эта потеря вдруг перестала ее беспокоить; сейчас она была счастливее, чем когда обладала полным набором конечностей.

– Алиса, – сказал Оливер, когда они окончательно отсмеялись. Теперь мальчик смотрел на ее единственную руку.

– Да?

– Ты правда сломала свою линейку?

Алиса кивнула и, кое-как расстегнув карман, вытащила на свет три обломка.

Оливер неожиданно встревожился.

– Знаешь, – сказал он, – то, что ты сломала линейку… То есть я тебе ужасно благодарен, конечно… Но…

– Что такое? – Алиса сузила глаза.

– Понимаешь… Каждая линейка – сосуд. Если ее сломать, содержимое вытечет, и ты потеряешь все отпущенное время. Значит, ты будешь жить заимствованным временем, а если ты

заимствуешь время, тебя могут арестовать за кражу.

У Алисы открылся рот.

– Тогда зачем они написали разломить линейку в экстренном случае?

– Полагаю, ради собственной выгоды. Только ты справляешься со своей экстренной ситуацией, как тебя догоняют и арестовывают за кражу.

– Значит, меня отправят в колонию?!

Молчание.

– Оливер!

– Возможно? – В голосе мальчика слышалось искреннее страдание. – Вероятно? Не знаю, Алиса, я никогда с таким не сталкивался. Только в теории.

Алиса застонала.

– Мне правда очень жаль! К тому же я могу ошибаться.

Девочка вздохнула и отвела взгляд. Теперь время играло против нее, и она не знала, сколько ей еще отпущено.

– А если, – начала она, стараясь скрыть надежду в голосе, – если меня арестуют, ты сможешь воспользоваться своей линейкой, чтобы мне помочь?

Оливер покачал головой:

– Я бы хотел. Но все *Тиббины* разные, и мой совсем не похож на твой.

– Тиббин? – удивилась Алиса. – Так называется эта надпись?

– Да. Итакдалия притворяется справедливой и милосердной, поэтому каждому гостю во время путешествия гарантируется одна услуга. Но всем помогают по-разному; как именно – решает Пограничный контроль. Когда твою линейку заправляют временем, на оборотной стороне появляется подсказка. Она-то и называется Тиббин.

Алиса нахмурилась:

– А откуда им знать, какая помощь мне понадобится, если я еще и шагу не сделала?

Оливер приподнял бровь:

– А ты как думаешь?

– Но, Оливер, – растерялась девочка, – предсказывать будущее при помощи магии… Они же не могут…

– Почему? Итакдалия делает, что хочет.

– Но просмотр вероятностей – самый ненадежный и непредсказуемый вид магии! Даже Итакдалия не стала бы полагаться на волшебство, которое обещает лишь проблески знания о будущем.

– Ты слишком высокого мнения об этой земле, – вздохнул Оливер. – И не учитываешь, что она не гнушается самыми

подлыми методами. Запомни: не в интересах Итакдалии играть честно. Они могут схватить нас в любой момент, Алиса. И убить прямо сейчас, если сочтут нужным. Мы живы только потому, что им это выгодно.

– Глупость какая-то.

– Напротив. Итакдалия просто не может сцапать жертву в тишине и без свидетелей. Это было бы слишком легко. И слишком скучно. – Оливер покачал головой. – Нет, она любит играть с добычей, как кошка с мышкой.

– Но, Оливер, – медленно начала Алиса, не зная, как сформулировать свои опасения. – Тебе не кажется, что наши испытания слишком велики даже для Итакдалии?

Брови Оливера сложились домиком:

– Что ты имеешь в виду?

– Лис мне кое-что сказал. – И Алиса с опаской оглянулась. – Он сказал, что папу обвинили в политическом шпионаже. Все думают, что он ференвудский шпион, который разнюхивает принципы работы здешней магии.

– Ого. – И Оливер присвистнул. – Этого я не знал. Но клянусь своими ушами, это многое объясняет.

Алиса недоверчиво взглянула на мальчика:

– Что именно?

– В ранних записях твоего отца никогда не читалось такого страха, который пришлось пережить мне. Видимо, он чем-то их разозлил. Поэтому нас внесли в черный список – или вроде того – и натыкали на пути вдвое больше ловушек. – Оливер замялся. – Теперь мне еще тревожнее из-за того, что ты сломала линейку.

Алиса прикусила губу.

– Это правда так ужасно? А ты никогда не пользовался своим Тиббином?

– Никогда. В прошлый раз мне тоже выдали подсказку, но я не доверяю Итакдалии и ни за что не стал бы принимать ее помощь.

Алиса нахмурилась. В животе у нее затягивался холодный узел.

– Ну, у меня не было выбора, правда? Кстати, какой Тиббин тебе дали на этот раз?

Оливер даже не взглянул на линейку – просто зачитал по памяти:

– *Доверься тому, кто на друга похож*. Бред какой-то. Мало ли кто притворяется дружелюбным – что же, доверять всем подряд?

Алиса замерла как вкопанная.

– Оливер, – произнесла она, – лис…

– Да?

– Лис сказал мне то же самое. Прежде чем убежать. Сперва он сказал «В экстренном случае разломить натрое», а потом – «Доверься тому, кто на друга похож». – Алиса нахмурилась. – Я сперва решила, что это чушь, но теперь думаю…

– Что он повторял наши Тиббины? – У Оливера открылся рот от изумления. – Но это засекреченная информация!

Алиса покачала головой:

– Еще лис сказал: «Мы знаем. Знаем всё». И он знал, что я ищу не пони, а папу.

– За нами следят, – убежденно ответил Оливер. – И они в курсе, что я солгал на Пограничном контроле. Боже мой… Какой полезный лис, а? Думаю, он бы мне даже понравился, если бы не пытался меня съесть.

– Пожалуй, – кивнула Алиса. – Он был ко мне очень добр.

Девочка помолчала.

– Я все думаю… Зачем же папа отправился в Итакдалию?

Это был очень хороший вопрос – хотя, возможно, и несколько запоздалый. Правда заключалась в том, что Алисе не хотелось задумываться, как папа тут оказался – ведь это значило бы, что он ушел из дома намеренно. (Как вы уже наверняка заметили, у Алисы была дурная привычка игнорировать всё, что ей не нравилось, – например, собственный магический талант.) Она по-прежнему надеялась, что папу обманули, или похитили, или завлекли сюда хитростью. У девочки не укладывалось в голове, как он мог оставить ее добровольно – или что надеялся найти здесь, так далеко от дома.

– Ну, – сказал Оливер, сплетая и расплетая пальцы. – На это может быть множество причин, верно?

– Но зачем ему было расспрашивать о местной магии? Ты ведь не думаешь, что он и вправду шпион?

– Нет, – ответил Оливер твердо. – Я абсолютно уверен, что он не шпион. Если тебя интересует мое мнение, у Итакдалии запущенная форма паранойи.

– Тогда что ему здесь понадобилось? Зачем люди вообще сюда приезжают? – И Алиса смерила мальчика хмурым взглядом. – По какой причине?

– Отпуск? – чересчур громко предположил Оливер. – Каникулы?..

– Ну пожалуйста! – простонала Алиса. – Не надо ничего от меня скрывать. Я выдержу любую правду. Серьезно.

– Я тоже серьезно, – вздохнул Оливер. – Что бы ни привело твоего отца в Итакдалию, его мотивы мне неизвестны. Я могу только предполагать.

– И что ты предполагаешь?

Мальчик пожал плечами.

– Гости приезжают в Итакдалию за тем, чего не могут получить ни в каком другом месте. Это земля, в которой творятся опасные и беззаконные вещи. Если тебе нужно что-то, чего нет больше нигде, в Итакдалии оно с большой вероятностью есть. Но раздобыть это будет непросто. Здесь тебя на каждом шагу поджидают капканы, и ставки слишком высоки, чтобы рисковать так ради пустячных капризов. Нет. – И Оливер покачал головой. – Люди отправляются в Итакдалию от отчаяния и безысходности. Ради чего-то, что стоит подобного риска. – Мальчик пристально взглянул на Алису. – А теперь скажи, чего твой отец хочет больше всего в мире?

Алиса внимательно обдумала его вопрос.

– Не знаю, – ответила она наконец. – Если такая вещь и есть, мне он о ней никогда не рассказывал.

Оливер снова покачал головой:

– Совершенно очевидно, что он не пришел бы сюда без серьезной причины. Подумай, Алиса. Ты упускаешь кое-что очень важное.

– И что же?

– Себя.

– *Себя?*

– Да, – кивнул Оливер. – Ты недооцениваешь, как сильно папа тебя любит.

– Что? – У Алисы оборвалось сердце. – Ты думаешь, что папа отправился сюда *из-за меня*?

– Я думаю, – сказал Оливер, – что больше всего на свете твой папа хочет, чтобы ты была счастлива.

Алиса растерянно заморгала, переполненная эмоциями.

– А что, по мнению твоего папы, сделало бы тебя счастливой? – добавил мальчик. – Чего втайне желает твое сердце?

Оливер все знал.

Ну разумеется, он все знал.

С тех самых пор, как они увиделись впервые; это была часть его дара. Но главный секрет Алисы заключался не только в ее волшебном таланте – это было еще и величайшее желание ее сердца. Ее неизбывная мечта и жажда.

– Цвет, – призналась девочка, когда к ней вернулся голос. – Я хочу цвет.

– Так не думаешь ли ты, – продолжил Оливер тихо, – что твой папа, зная об этом, отправился сюда ради тебя? В поисках выхода? Итакдалия использует магию так, как Ференвуду и не снилось. Это земля бесконечных экспериментов и безграничных

возможностей. Неудивительно, что он принялся искать решение здесь – тем более что он тут уже бывал.

Мысли Алисы погрузились в хаос.

Она едва могла говорить – а даже если бы и могла, не нашла бы слов. Допустить, что отец подверг себя такой опасности – так страшно рисковал – ради *нее*? Невозможно описать всю боль и радость, которые наполнили Алису при этой мысли, – и хорошо, что ей не пришлось их описывать. Потому что, стоило ей открыть рот, как Оливер проявил неожиданное великодушие и сменил тему.

– Ну да ладно, – сказал он, глядя в глубь зеленого лабиринта. – Будем надеяться, что у нас еще есть шанс найти твоего отца.

– Что ты хочешь сказать? – спросила Алиса резко. Момент уязвимости прошел безвозвратно. – Почему бы нам его не найти?

Оливер в задумчивости закинул руку за голову.

– Мне потребовалось обойти шестьдесят восемь деревень, чтобы просто выяснить, что случилось с твоим отцом. Когда мне не удалось его освободить, я подумал, что нам нужно пройти тот же путь вместе, но на этот раз с бóльшим умом. Я потратил столько времени, чтобы разведать, куда подевался твой отец, что боялся хоть на шаг отступить от привычной схемы. Боялся потерять его след. Но с тех пор, как мы покинули Рема, мы только и делаем, что сворачиваем на незнакомые тропы, и я понятия не имею, куда все это нас приведет.

– Я не хочу потерять папу, – сказала Алиса с тревогой. – Может быть, тогда вернемся к первоначальному плану? Может…

– Нет, – ответил Оливер твердо. – Это абсолютно исключено. Мы найдем твоего отца, но сперва починим тебе руку. – И мальчик посмотрел туда, где колыхались на ветру серебристые нити. – Это не растрата времени. В случае физической травмы или опасности Итакдалия учитывает лишние расходы. Твой отец не пострадает. Обещаю.

– Точно? – спросила Алиса. – Потому что у меня еще осталась целая одна рука, и я совершенно уверена, что две мне не нужны! Лучше найти папу.

– Алиса, – проговорил Оливер со смехом, – ты такая странная.

Пока он смотрел на нее – с открытой улыбкой от уха до уха, – девочка вдруг осознала, как сильно изменились их отношения. Оливер подружился с ней таким путем, о котором любой другой не мог бы и помыслить. Она с ним боролась, а он ей врал.

Февраль в их дружбе сменялся мартом.

Теперь же Алиса поняла, что не представляет возвращения в

Ференвуд без Оливера. Как она сможет снова спать со свиньями, препираться с мамой, делить комнату с тремя маленькими братьями и коротать бесконечные часы в одиночестве? Как сможет забыть это удивительное путешествие? Как будет жить, когда они наконец вернутся домой?

Странно, но Алиса задумалась об этом впервые – и эти мысли ее немного напугали.

– Нас ждут приключения! – завопил Оливер, внезапно бросаясь вперед.

– Я очень рада, что ты рад, – засмеялась Алиса, кидаясь за ним вдогонку, – но мы до сих пор не знаем, где найти художника! Куда мы пойдем?

– Скоро выясним, – усмехнулся Оливер. – Итакдалия – земля проказ и ловушек, поэтому будем использовать наше единственное оружие.

– Это какое же?

Мальчик просиял:

– Мозги, конечно.

* * *

Алиса с Оливером довольно долго блуждали по лабиринту, прежде чем вышли на широкое открытое пространство. Перед ними перетекали друг в друга бесконечные зеленые холмы; их мягкие склоны были усеяны дикими цветами. Нежный золотой свет просачивался сквозь паутину ветвей, придавая пейзажу впечатление покоя, которого Итакдалия не заслужила. Но самым любопытным было огромное мерцающее озеро, лежащее между холмами. От берега до середины воды тянулся длинный деревянный мол; затем он раздваивался на пару пешеходных мостиков – один влево, другой вправо. Куда они вели, Алиса рассмотреть не могла.

– Ого, да тут здорово! – воскликнул Оливер, с восхищением оглядываясь по сторонам. – И намного интереснее, чем я думал! Я-то был уверен, что мы выбредем в очередную деревню.

– А это не деревня?

Оливер кивнул на озеро.

– Твоя дверь выбросила нас на ППП. Поворотный Пешеходный Пункт.

– И нам нужно выбрать, в какую сторону идти?

– Точно.

– И выбор, надо понимать, будет непростым?

Оливер рассмеялся.

Взбираясь и спускаясь по холмам, они больше не проронили ни слова, но Алиса все равно продолжала смотреть на окружающий их идиллический пейзаж с глубоким подозрением – будто под ромашкой или одуванчиком могла таиться смертельная опасность. Птицы ныряли в воздухе, обмениваясь влюбленными трелями; где-то в отдалении блеяли барашки; цветы покачивали на ветру разноцветными шляпками, будто это был самый обычный погожий денек. Но теперь Алису было не так просто одурачить.

Наконец они добрались до конца мола и в растерянности остановились перед развилкой.

– Ну что, – сказала Алиса, – влево или вправо?

– Неверно, – ответил Оливер.

Девочка вскинула бровь:

– У нас не два варианта, а четыре. Вверх, вниз, влево и вправо.

– Вниз? – испуганно переспросила Алиса, отступая от края мола. – Ты имеешь в виду – в воду?

– Или в небо.

– Боже мой, – протянула Алиса и уселась на деревянный настил.

Она понятия не имела, что им делать, но не призналась бы в этом даже под страхом смертной казни. Ей не позволила бы гордость. Оливер сказал, что отныне они должны полагаться только на свои мозги, а Алиса привыкла думать о себе как о самом умном из известных ей людей (за исключением папы, разумеется) и не хотела ударить перед спутником в грязь лицом. Она докажет, что от нее тоже может быть толк. Алиса страстно хотела быть полезной.

(И быть умнее, чем Оливер, конечно.)

Примерно через минуту ее посетило вдохновение.

– А что, если подсказка в буклетах? – воскликнула Алиса и принялась рыться в карманах. Затем девочка вытащила «Сперва прочитай и смело шагай», и все три метра брошюры шуршащим ковром укрыли мол.

Оливер отнесся к ее идее с обидным скепсисом. Он ходил вокруг, бросая на нее насмешливые взгляды и заявляя, что лично он никогда бы не стал полагаться на какие-то буклеты, потому что «там все равно одна чепуха, чтобы сбить наивных путешественников с толку», – но Алиса не обращала на него внимания. Девочка упорно продолжала водить пальцем по строчкам. Через некоторое время скепсис Оливера сменился смирением, он уселся рядом и принялся читать буклет с другого конца. Некоторое время они листали страницы в попытке найти

хоть одно полезное слово – и через десять минут их усилия действительно увенчались успехом. Сто восемнадцатый снизу абзац, набранный кричащими заглавными буквами, гласил:

ПОВОРОТНЫЕ ПЕШЕХОДНЫЕ ПУНКТЫ НА РЕКОНСТРУКЦИИ

ВЕРХНИЕ И НИЖНИЕ ВЫХОДЫ ВРЕМЕННО ЗАКРЫТЫ НА РЕМОНТ!!! НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫЙТИ ВНИЗ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫЙТИ ВВЕРХ С ПОНЕДЕЛЬНИКА ПО ПЯТНИЦУ, В СУББОТУ, А ТАКЖЕ В ВОСКРЕСЕНЬЕ!!! ЕСЛИ ВАМ НЕОБХОДИМО ВЫЙТИ, ВЫХОДИТЕ ВЛЕВО ИЛИ ВПРАВО. ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ ВЫХОДЫ ТАКЖЕ НА РЕКОНСТРУКЦИИ, НО В ЧАСТИЧНО РАБОЧЕМ РЕЖИМЕ. ВЫХОДИТЕ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ!!! ПРИМЕЧАНИЕ: НИЖНИЕ ВЫХОДЫ ЗАПРЕЩЕНЫ ВСЕГДА, НО С ОСОБЕННОЙ СТРОГОСТЬЮ – ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ С 14 ДО 18.

– Не очень много толку, да? – вздохнула Алиса.

– Шутишь? – Оливер улыбался от уха до уха. – Тут же сказано, что верхние и нижние выходы закрыты! Теперь осталось выбрать между левым и правым.

– Это да, но что же мы выберем?

– О, – сказал Оливер, и его улыбка погасла. – Об этом я еще не думал.

– Давай пойдем влево, – решила Алиса, поднимаясь на ноги. – Все обычно идут вправо, а если туда идут все, этот путь точно неверный.

– Хорошо, – согласился мальчик, с гордостью поглядывая на спутницу.

Алиса была удивлена, смущена и польщена одновременно.

– Лево – хороший выбор. Идем влево!

– Идем влево! – радостно провозгласила Алиса.

Так они и поступили. Свернули на левый мостик и бежали по нему до тех пор, пока…

* * *

…со всего размаху не врезались в стену, которая выросла перед ними будто из ниоткуда.

Дети отскочили назад с двумя короткими воплями – один за другим – и пребольно упали на спину. Оливер заохал. Алиса заахала.

– Моя голова! – закричал он.

– Мои глаза! – закричала она.

– Алиса?

– Оливер?

– Да?

– Ты в порядке?

– В относительном.

– Слава богу. Я тоже.

Пару секунд они молчали, ощупывая боевые ранения.

– Ладно, – сказал Оливер. – Ты что-нибудь видишь?

– Ничего, – ответила Алиса. – Но тут пахнет грязью.

– И деревом, – добавил Оливер. – Землей, грязью и деревом.

– Странно, правда? – Пауза. – Ты где?

Алиса понятия не имела, где они оказались. Девочка поднялась на ноги и осторожно двинулась вперед, выставив перед собой единственную руку. Через несколько секунд она наткнулась на Оливера, и оба испустили вздох облегчения. Мальчик немедленно нашарил ее ладонь, крепко стиснул и повел вперед – ну, или назад, потому что они все равно ничего не видели. Сейчас им оставалось полагаться только на слух, нюх и осязание.

Они брели вдоль бесконечной стены, сложенной из старого заплесневелого дерева (странно, но оно ощущалось мокрым), пока не наткнулись на дверь. У Алисы радостно екнуло сердце, Оливер испустил нервный смешок… и оба замерли в нерешительности.

Алиса уже хотела повернуть ручку, когда Оливер заметил, что сперва нужно постучаться.

– Это этикет Итакдалии, – напомнил он. – Невежливо без приглашения заходить в дверь, которая тебе не принадлежит. Всегда нужно стучаться.

– А что, если никто не ответит? – спросила Алиса. – Что, если мы будем стучать вечно, но никто так и не придет?

– Глупости, – отмахнулся Оливер. – Все двери в Итакдалии до смерти мечтают перед кем-то открыться.

Алиса глубоко вздохнула.

– Ну ладно. Если ты уверен…

– Абсолютно уверен.

Они снова замолчали.

– Готов? – спросила Алиса.

– Конечно, – ответил Оливер.

Затем они подняли кулаки и одновременно постучали в сырую, заплесневелую дверь, стараясь не думать о том, что ждет их с другой стороны.

* * *

Не прошло и секунды, как дверь пришла в движение. Дерево надрывно заскрипело по дереву: видимо, ее так давно не открывали, что она перестала вмещаться в косяк. По правде говоря, можно было подумать, что ее не открывали вообще никогда.

Алиса с головы до ног покрылась мурашками.

В сумрачную комнату, где они стояли, сантиметр за сантиметром начал проникать свет – пока дверь с последним стоном не распахнулась и на пороге не возникла маленькая сухонькая фигурка.

Алиса моргала до тех пор, пока не смогла сфокусировать взгляд – но даже тогда увиденное оставило ее в замешательстве. Это был или филин, или очень старый человек – девочка не была уверена. Единственное, что она знала наверняка, – он счастлив их видеть. Это было несомненно, потому что человечек тут же ударился в слезы.

– Достопочтенные гости Лево, – выдавил он сквозь рыдания, – мы бесконечны рады приветствовать вас на своей земле. О достопочтенные гости, да будут благословенны пути, приведшие вас сюда! Благослови вас господь, – продолжал плакать он, – что вы выбрали пойти в Лево, хотя вполне могли пойти в Право. Благослови вас господь, – тоненький голос надломился, – потому что мы так долго ждали гостей. Мы целую вечность надеялись перемолвиться словом с кем-нибудь другим. Мы ждали и ждали, когда у нас появятся новые друзья. И вот наши мечты сбылись. О достопочтенные гости!..

Он согнулся пополам, упершись ладонями в колени и заливаясь слезами (теперь Алиса отчетливо видела, что это старичок, а не филин), и девочка была так напугана, тронута, насторожена и растрогана его приемом, что далеко не сразу нашлась с ответом.

Алиса вопросительно посмотрела на Оливера, но тот лишь пожал плечами.

– Пожалуйста, – промолвил старичок, снова выпрямляясь, – прошу вас, – и он отступил в сторону, освобождая им дорогу. В сумрачную комнату хлынул ослепительный свет. – Ступите же в Лево! Мою родную землю, землю, – голос старичка наполнился неожиданной гордостью, а щуплая грудь вздулась колесом, – которая более не забыта и не отвергнута! О радость, о радость, – продолжил причитать он. – Какой день, какой день!

Оливер сделал шаг вперед и опасливо высунул голову через порог. Алиса услышала его судорожный вздох. Через мгновение мальчик обратил к ней потрясенный взгляд и попытался улыбнуться.

– Все в порядке, – прошептал он.

Алиса взяла Оливера за руку и последовала за ним наружу. Она не знала, взбудоражена она или взволнована (а может быть, взбудоражена взволнованным возбуждением), но все это стало не важно в тот же миг, когда девочка бросила первый взгляд на открывшийся им мир, – потому что она еще не видела ничего прекраснее и чудесатее. Старичок стоял перед ними, лучась от радости.

Они с Оливером вышли из древесного ствола.

Их окружал лес деревьев-великанов. Они были не просто большими; они были большими, как горы, или океаны, или ферeнвудская колокольня. Вокруг каждого необъятного ствола колыхалась крона такая яркая, что на нее было больно смотреть. Алиса с Оливером стояли у самого подножия деревни Лево – в нескольких сотнях метров над землей. Внизу, насколько хватало глаз, расстилалось бескрайнее зеленое море, из которого выглядывали желтые шапочки цветов. Но самым интересным было даже не переплетение деревьев-атлантов, соединенных между собой пешеходными мостиками; и не множество людей, которые увлеченно сновали по своим делам в этом сверкающем изумрудном лесу. То есть все это тоже было чрезвычайно увлекательно, но самым необычным – и любопытным! – оказались их дома, сделанные из огромных яичных скорлупок. Почти все – целые, некоторые – с вынутой четвертинкой, и каждый – со своим геометрическим узором. Яркие, славные, очевидно крепкие, каким-то неведомым чудом не разбившиеся при вылуплении гигантского птенца, они свешивались с веток на толстых ярко-белых канатах. В каждой скорлупе заключался собственный мир, целый дом, полный горячих сердец, и Алисе хватило одного взгляда на них, чтобы понять: кто бы ни населял Лево, это были счастливые люди.

Впрочем, жизнь научила ее относиться ко всему с подозрением.

Старичок ожидал их под пологом ветвей. Они давали достаточно тени для защиты от солнца, но при этом не позволяли ни на секунду забыть о чуде небесного света, без которого земля была бы погружена во мрак.

Алиса с Оливером принялись осторожно спускаться по ветке за своим проводником. Неожиданно он остановился, хлопнул себя по лбу и молниеносно развернулся.

– Презеленые угодники, – воскликнул их новый знакомый, – куда подевались мои манеры! – И старичок, покачав головой, отвесил поклон. – Прошу простить мою оплошность. Увидев вас, я так обрадовался, что забыл обо всем на свете. – С этими словами

он выпрямился и взглянул им прямо в глаза. – Меня зовут Параминт. И для меня величайшая честь и удовольствие приветствовать вас обоих.

Алиса с Оливером тоже представились. Пока шел обмен любезностями, девочка заметила, что на Параминте очень необычный костюм: строгая горчичная рубашка, ярко-голубая безрукавка и жилет в красно-рыжую полоску. Они странным образом сочетались с оливковыми вельветовыми брюками. Еще он носил шоколадные ботинки, которые были начищены до такого блеска, что почти скрипели. Картину довершала высокая леденцовая трость, по-видимому, служившая Параминту вместо палочки.

Сколько одежды для одного человека. Алиса была впечатлена.

Дома папа носил лишь свободную тунику и льняные штаны (и иногда жилет, если было холодно). Но Параминт надевал не только рубашку, безрукавку, штаны *и* жилет, но еще и обматывал шею каким-то вязаным полотном – шарфом, возможно? – а из нагрудного кармана у него выглядывал уголок платка. Это заставило Алису предположить, что он часто простужается.

Впрочем, все это не имело никакого значения, потому что Параминт оказался самым милым и опрятным старичком, которого она когда-либо видела. Он объяснил, что ему поручили охранять Гостевую дверь – на тот случай, если кто-нибудь в нее постучится. Это была его единственная работа, с утра до вечера. Еще ему следовало всегда быть наготове и выглядеть так, чтобы не ударить в грязь лицом перед нежданными гостями.

А ждал он их пятьдесят шесть лет.

Параминт повел их с ветки на ветку, попутно объявляя всем встречным, что Алиса и Оливер – достопочтенные гости, которые наконец удостоили Лево своим вниманием. В ответ слышались ахи, вздохи и короткие вскрики. Пара человек даже упала в обморок (не к чести Оливера, при каждом таком случае он начинал нервно смеяться).

Все жители Лево носили сложносочиненные наряды. Некоторые дамы были одеты в брючные костюмы, примерно как у Параминта, и хотя они были прекрасно подогнаны и изумительно сочетались по цвету, Алиса при всем желании не смогла бы их оценить – поскольку ненавидела костюмы едва ли не больше, чем панталоны. Из всех видов одежды она любила только платья. Впрочем, на некоторых леди (а также двух или трех джентльменах) она заметила чудесные платья с летящими юбками и причудливо украшенным верхом; их дополняли замысловатые прически и головные украшения. Алиса взглянула

на свои грязные юбки, коснулась спутанных, засаленных волос и на мгновение поддалась глупому сожалению, что не подготовилась к визиту в Лево получше. На фоне своих хозяев они с Оливером выглядели сущими оборванцами. Пятьдесят шесть лет ждать гостей – и тут такое разочарование! Если не считать голубых атласных туфелек, Алисе было совершенно нечем гордиться. К счастью, балетки выглядели так же чудесно, как и в первый день – хотя Алиса в них бегала, прыгала, падала и пару раз чуть не умерла. Что и говорить, Оливер постарался на славу.

К слову, об Оливере: он делал значительные успехи в науке изумления. Мальчик оглядывался вокруг с таким потрясенным и восхищенным выражением, будто в жизни не встречал места прекраснее. Алиса думала, что он уже все видел в Итакдалии – и ничто не сможет его удивить, – но, похоже, ошибалась. Оливер действительно немало повидал, но стоило им свернуть с привычных тропинок, как он оказался еще уязвимее Алисы. Девочка знала, что теперь им следует быть вдвое бдительнее; лишившись обычной подозрительности Оливера, они могли с особенной легкостью попасться в ловушку Итакдалии. Алиса судорожно вздохнула и крепче сжала руку мальчика. Он сжал ее в ответ.

Никто из них не знал, где они оказались, но оба чувствовали, что в Лево им предстоит совершенно новое приключение.

Оливер говорит, я ужасно называю главы

Параминт ни за что не хотел их отпускать.

Он пятьдесят шесть лет ждал гостей – а это значило, что у него было пятьдесят шесть лет для продумывания программы на тот случай, когда они наконец прибудут.

Алиса поняла это, только оказавшись у Параминта дома. Несмотря на стены-скорлупу, жилища деревни выглядели крепкими и просторными. Это заставило Алису в очередной раз задуматься, что за удивительная птица могла снести такие огромные яйца. Впрочем, вскоре девочка решила, что не хочет этого знать. Еще она не хотела знать, что написано в полутораметровом свитке, который развернул Параминт, – но здесь у нее, похоже, не было выбора.

– Разумеется, мы начнем с празднования, – радостно сказал старичок, когда свиток свесился до носков его ботинок. – Это будет великий день! Пир для всех, даже маленьких! Мы приготовим десятки пирогов, самые свежие ягоды, кувшины с фейским элем и засахаренные скорлупки. Мы устроим музыкальный турнир! Мы будем петь весь день и танцевать всю ночь!

Алиса с Оливером молча сидели на маленьком тыквенном диванчике.

– Конечно, сперва мы должны будем оповестить королев, – продолжил Параминт. – Они оповестят принцесс, те оповестят тринцесс, а те…

– Параминт, – сказала Алиса, незаметно откашлявшись.

– Да, ваша достопочтенность, – немедленно вскинулся старичок, опуская необъятный свиток. – Чем я могу вам услужить?

Алиса, не привыкшая к подобному обращению, неуверенно улыбнулась.

– Мы очень, очень благодарны за вашу доброту и так рады оказаться в Лево…

– Это просто восхитительное место, – поддакнул Оливер, с восторгом оглядываясь вокруг.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Параминт, заливаясь румянцем. – Премного благодарен.

– Но я боюсь, мы не сможем остаться слишком надолго, – осторожно продолжила Алиса. – Не могли бы мы как-то… сократить празднования?

На несколько неловких секунд Параминт погрузился в гробовое молчание – а потом яростно закивал.

– Конечно-конечно, – ответил он. – Само собой. Прошу прощения, ваша достопочтенность. Я совсем не подумал, что такие долгие торжества могут не входить в ваши планы.

Алиса с облегчением улыбнулась.

– Я немедленно пересмотрю программу, – сказал Параминт, продолжая кивать. – При надлежащем планировании мы сможем насладиться обществом друг друга, даже если будем праздновать не более десяти лет. – И старичок огорченно улыбнулся. – Надеюсь, это вас устроит? Конечно, многое придется делать впопыхах, но я уверен, что мы все равно получим огромное удовольствие.

Алиса перевела взгляд с Параминта на Оливера, затем с Оливера на яичный домик и, наконец, с яичного домика на окружающий лес. Девочку темной волной накрывала паника.

Святые прянички, как же им быть?

* * *

Судя по лицу Оливера, он тоже не знал ответа на этот вопрос.

Оба не проронили ни слова. Алиса сидела неподвижно, чувствуя, как ее внутренности медленно обращаются в камень. К счастью, Параминт ничего не заметил. Девочка пребывала в ужасе, смятении, отчаянии – и даже примерно не представляла, как они выберутся из этого переплета. Все, что она могла, – раз за разом прокручивать в голове слова Параминта.

Сколько у них королев? А принцесс? А тринцесс? Сильно ли эти тринцессы разозлятся, если Алиса с Оливером попробуют сбежать? И где, *где*, черт возьми, они берут скорлупу для домов?..

Алиса не была уверена, что ей так уж нужны ответы на эти вопросы. Но точно знала, что им нужен план.

Наконец Параминт оставил их наедине (сказал, что должен распорядиться по поводу ванны). Алиса с Оливером сидели на тыквенном диванчике и сверлили друг друга такими взглядами, будто каждый надеялся найти решение в мозгах у второго. Кстати, о мозгах: до сих пор они им не очень-то помогали, – о чем Алиса и заявила Оливеру.

Однако он даже не понял ее тревог.

– Насчет Параминта можешь не беспокоиться, – отмахнулся мальчик, вскакивая на ноги. – Для этого я и нужен, помнишь? Я в любой момент могу убедить его нас отпустить.

Облегчение затопило Алису с такой же силой, как незадолго до того – паника. Если бы девочка уже не сидела, ей бы немедленно пришлось присесть.

– Тогда почему ты не убедил его *раньше*? – Алиса откинулась на диван, чувствуя, как расслабляются все мышцы. – Точнее, пока Параминт был здесь?

– Потому что я не имею ни малейшего понятия, куда мы отправимся, если уйдем прямо сейчас. Нам нужно безопасное место, где мы сможем спокойно поискать художника. Вдруг Параминт нам поможет?

Алиса что-то одобрительно хмыкнула и медузой растеклась по дивану. Девочка так устала, а в голове ее теснилось столько тревог и страхов, что она почти поняла, каково это – быть взрослой. В любом случае Алисе отчаянно требовался отдых, и она была благодарна даже за краткую минуту покоя.

Но Оливер не позволил ей прохлаждаться.

– Давай-ка поднимайся, – сказал мальчик твердо. – Не время лениться, Алиса. Нам нужно держать ушки на макушке – особенно теперь, когда за нами следят.

Девочка метнула в него сумрачный взгляд, но все-таки

встала.

– Нет, о Параминте точно можно не беспокоиться, – продолжил Оливер, – но и расслабляться тоже не стоит. Вдруг тут обнаружится что-нибудь интересненькое? Лично я надеюсь найти следы художника.

Надежда, конечно, не равнялась уверенности, однако была лучше, чем ничего.

Алиса вздохнула. У нее при всем желании не получалось смотреть в будущее с оптимизмом. Дела шли все страньше и страньше, и каждая минута, которую они тратили не на поиски папы, наполняла девочку острым чувством вины за недавний эгоизм. Если они в ближайшее время не найдут художника, от затеи починить ей руку придется отказаться. Папа был намного важнее. Она бы не вынесла, если бы снова его потеряла.

* * *

Алисе с Оливером давно и отчаянно требовалась ванна.

Параминт сопроводил их по замшелой ветке к длинной стремянке, которая вела на самую вершину соседнего дерева. Как ни странно, оно оканчивалось не кроной, а огромным плоским спилом – гладким и отполированным до медового блеска. На этой импровизированной веранде стояли десятки блестящих фарфоровых ванн.

Возле них уже ждали дамы и господа, одетые наподобие Параминта. В руках они держали полотенца, халаты, букеты цветов и многочисленные горшки с чем-то теплым.

Алису так взбудоражила возможность наконец-то помыться, что девочка чуть не выпрыгнула из юбок и кофточки. Оливер, который был хоть и юным, но джентльменом, тут же заерзал, закашлялся, сунул руки в карманы и отвернулся к ближайшему дереву, сделав вид, что его ужасно интересует узор на коре. К несчастью для мальчика, его стеснение абсолютно не стесняло Алису – так что она не придала никакого значения его румянцу и покашливанию. Девочка ненавидела грязную одежду и была рада от нее освободиться.

Алиса охотно последовала за улыбающейся дамой к одной из пустых ванн. Ей дадут помыться! В тепле! В комфорте! Неужели Итакдалия сможет хоть чем-то ее порадовать? Девочка сгорала от нетерпения.

Дама представилась ей как Ансиль, и Алиса немедленно решила, что ей нравится и улыбка новой знакомой, и ее шоколадное лицо, и непокорная копна рыжих кудряшек. Ансиль

помогла Алисе освободиться от остатков одежды и залезть в ванну. Девочка уселась на фарфоровое дно и единственной рукой подтянула колени к груди, слегка дрожа на ветру.

А затем наступило чистое, ни с чем не сравнимое блаженство.

Дорогой читатель, ей приготовили ванну не из горячей воды, а теплого молока – густого шелковистого варева, которое превратило кости Алисы в пастилу. Ансиль лила в ванну горшок за горшком, пока белоснежные волны не укутали девочку по плечи. Алиса опустила голову на фарфоровый бортик, чувствуя, как вся ее усталость растворяется в тягучем сладком мареве; и когда она уже решила, что большего наслаждения быть не может, Ансиль взяла принесенные букеты и принялась обрывать цветочные лепестки. Она целыми горстями бросала их в ванну, и они расплывались по поверхности, словно радужная глазурь на пироге абсолютного удовольствия. Алиса закрыла глаза, смакуя каждое мгновение. Аромат цветов смягчил ее, теплое молоко согрело, яркие цвета успокоили – и вскоре девочка с головой погрузилась в кокон нежного забытья. Это неожиданно напомнило ей, чем так опасна Итакдалия. Алиса чувствовала, что могла бы пролежать в этой ванне вечность – а вечности у нее как раз не было.

Скоро, пообещала она себе. Очень скоро она снова станет бдительной. Но прямо сейчас – еще пять минуточек – побудет разомлевшей и счастливой.

* * *

Через обидно краткий срок Ансиль вернулась с пушистым полотенцем, и Алиса вылезла из ванны – чистая до блеска, пахнущая медом и солнцем. Девочку завернули в теплый уютный халат, и Ансиль принялась расчесывать гребнем ее мокрые волосы.

Распутывая и укладывая в нужном порядке белые пряди, женщина напевала нежную грустную песню. Ее голос был низким и убаюкивающим, и Алиса, которая до сих пор плыла по волнам блаженства, расслышала только один куплет:

Однажды в небо я упала,
Упала, но не умерла.
Однажды в небо я упала
И пару крыльев обрела…

Девочка чуть не уснула. К счастью, она очнулась как раз

вовремя – пронзенная воспоминанием, что в Итакдалии строго запрещается спать без снов. Но песня Ансиль была так красива и печальна, что сердце Алисы все равно превратилось в желе. Девочка с трудом подавила зевок. Теперь мягкие руки Ансиль вплетали ей в прическу крупные бутоны, и эти неожиданные вспышки цвета на фоне белоснежных волос и кожи наполнили Алису неподдельным счастьем.

Она принялась благодарить женщину, но та лишь залилась румянцем и отмахнулась.

– Ну что вы, ваша достопочтенность, – сказала она. – Принимать вас в гостях – честь для нашей деревни. Если вы подождете минуту, я вернусь с подарком.

Оставшись в одиночестве, Алиса уселась на стульчик и снова задумалась, как приятно быть чистой, и как странно иметь только одну руку, и как непривычно вспоминать об этом всякий раз, когда ты пытаешься что-то сделать отсутствующей рукой. Так она размышляла вплоть до возвращения Ансиль – а когда наконец увидела «подарок», поняла, что ее ожидание вознаграждено сполна. В руках у женщины лежало самое прекрасное платье, которое Алиса видела в своей жизни.

Оно представляло собой настоящий сгусток света. Очевидно было, что его сотворил настоящий мастер – и из самых лучших материалов; и, разумеется, оно было в тысячу раз лучше тех юбок и кофточек, которые Алиса шила себе сама. Многочисленные юбки и корсаж переливались каскадами цвета: рубиновый сгущался до лилового, золотой превращался в зеленый, а синий перетекал в ежевичный, сливовый и малиновый. Многослойный тонкий шелк усеивали тысячи воланов и оборок, которые мерцали, точно крылья бабочки. Юбки ощущались прочными, но невесомыми и почти нереальными. Алиса была уверена, что в таком платье сможет летать. Сможет воспарить над всеми земными невзгодами.

– Ансиль! – вскрикнула она, прижимая платье к груди. – Вы сшили его сами?

– Ну что вы, ваша достопочтенность, – ответила женщина, склоняя голову. – Над ним работала лучшая белошвейка Лево. Это наша традиция – преподносить гостям только лучшие подарки. – Ее голос дрогнул. – Мы уже и не верили, что когда-нибудь их вручим.

Женщина выглядела так, будто вот-вот расплачется.

– Мы так горды, ваша достопочтенность. И так благодарны, что вы удостоили своим вниманием нашу скромную деревню. В Лево целую вечность никто не заглядывал.

– Дорогая Ансиль, – торжественно ответила Алиса. – Гостить

у вас – величайшее удовольствие.

И хотя девочка говорила искренне, она не могла избавиться от чувства вины. Не сегодня завтра им предстояло покинуть этот гостеприимный край – и, скорее всего, разочаровать целую деревню. Эта мысль разбивала Алисе сердце, но она знала, что у них нет другого выхода.

Ансиль помогла ей нарядиться в новое платье (Алиса заметила, что у него нет рукавов – без одной руки это оказалось очень кстати), и девочка принялась перекладывать буклеты, карточку и обломки линейки в глубокие карманы шелковых юбок. Воротник украшала россыпь мягких перьев, которые создавали иллюзию, будто у Алисы выросли крылья. Каждый стежок представлял собой произведение искусства, и девочка не могла не восхищаться искусством неведомой белошвейки. Девочка в жизни не носила ничего столь изящного. В этом платье она не шагала, а плыла, в то время как шелк нежнейшими волнами обволакивал ее ноги. Это ощущение напомнило ей о прежних одиноких днях, которыми Алиса так томилась; напомнило, как она танцевала в лесу, и ее сердце билось в такт со всем миром.

Девочка не выдержала и расплакалась.

Это был самый прекрасный и щедрый подарок на свете – и Алиса при всем желании не смогла бы поверить, будто Ансиль хочет ее съесть. В конце концов, Оливер сам сказал, что на каждой грядке встречается хорошая и гнилая картошка, и девочка была точно уверена, что *эта* картошка – хорошая.

Следом ей в голову пришла другая мысль.

– Ансиль, – сказала Алиса, продолжая любоваться платьем. – Если в Лево живут такие искусные белошвейки, нет ли у вас и художника?

Ансиль выглядела удивленной.

– Боюсь, что нет, ваша достопочтенность. А почему вы спрашиваете?

Алиса кивнула на плечо, к которому раньше крепилась ее правая рука.

– Я надеялась починить… поломку. Мне сказали, что это может сделать художник. – Девочка вздохнула. – Вы не знаете, где его найти?

Ансиль покачала головой.

Алиса была разочарована. Она знала, что из них двоих информацию обычно добывает Оливер, но Ансиль вызывала у девочки чувство доверия. К тому же у нее не было особого выбора. Она уже израсходовала все отпущенное ей время, так что художника требовалось отыскать *быстро*.

Поэтому Алиса попробовала зайти с другого конца.

– А в Лево есть кто-нибудь, кто может знать художника? Скажем, белошвейка?

Ансиль оцепенела.

– Может быть, – добавила Алиса торопливо, – творцы Итакдалии знакомы между собой?

Но это предположение было явно неуместным.

Теплота Ансиль мгновенно испарилась, и она отвернулась так резко, что Алиса не успела разглядеть ее лица. Когда женщина заговорила снова, каждое ее слово падало, будто льдинка.

– Может, белошвейка и знала, где найти художника, но ее давно срезали с ветки.

– Срезали с ветки? – испуганно переспросила Алиса. – Вы имеете в виду…

– Ее больше нет.

– Но я думала, это платье сшила она?

– Она много лет работала над платьями всевозможных фасонов и размеров, чтобы каждому гостю нашелся подарок по вкусу. Мы ждали очень долго, – тихо добавила Ансиль, – даже когда разуверились, что кто-нибудь придет.

Алиса коснулась ее руки.

– Ох, мне так жа…

– Прошу меня извинить, ваша достопочтенность. – И Ансиль, рывком выпрямившись, принялась собирать банные принадлежности. Больше она не произнесла ни слова.

Алиса была в смятении – она явно сделала что-то ужасное – и снова попыталась извиниться.

– Мне правда очень жаль, – повторила она. – Я вовсе не…

Но Ансиль тут же принялась громко напевать, делая вид, что ничего не слышит. Алиса в огорчении опустила взгляд.

А потом она услышала пение Ансиль.

Это была та же песня, что и раньше – девочка узнала мелодию, – но на этот раз она разобрала еще и слова:

Однажды в небо я упала,
Упала, но не умерла.
Однажды в небо я упала
И пару крыльев обрела.

Ко мне навстречу вышла дама,
Что от беды меня спасла.
Ко мне навстречу вышла дама,
Что сердцу радость принесла.

Я с правдой ложь не различала,
Найти дорогу не могла,
Но дама в небо указала —
И я без слов все поняла.

Однажды в небо я упала,
Однажды в небо я упала,
Однажды в небо я упала,
Упала, но не умерла.

* * *

Оливер дожидался ее в яичном домике. Параминт уступил им жилище на этот вечер – и все остальное время пребывания в Лево, – и Алиса была искренне благодарна ему за эту жертву. По правде говоря, она уже потеряла счет тем добрым вещам, которые сделал для них Параминт с момента встречи.

Конечно, каждая проведенная в гостях минута уменьшала их шансы найти папу, но будем откровенны: Алиса нуждалась в отдыхе. Последние дни они с Оливером только и делали, что прыгали из деревни в деревню, подвергались смертельным опасностям и спасались бегством, – а девочка знала, что ей потребуются все возможные силы, когда они наконец отыщут дорогу к папе.

Алиса плюхнулась на диван рядом с Оливером и уже успела рассказать ему добрую четверть истории про Ансиль – вернее, Ансиль и белошвейку, – когда заметила, что мальчик как-то странно на нее смотрит.

– Что такое? – спросила она. – Что случилось?

– Ничего, – торопливо ответил Оливер. – Просто ты выглядишь… по-другому.

– Да ну? – И девочка придирчиво осмотрела себя. – Наверное, это потому что я вымылась. Или, *может быть*, из-за этого прекрасного, чудесного, восхитительного платья?

И Алиса рассмеялась, любуясь струящимися юбками. Некоторое время они с Оливером сидели молча, разглядывая свои подарки. Мальчику преподнесли дюжину нитей отборного жемчуга, которые он повесил на шею и грудь наподобие детского слюнявчика.

– А вот ты выглядишь по-прежнему, – заметила Алиса, косясь на спутника. – Как тебе удается всегда оставаться чистым?

Оливер улыбнулся, но ничего не ответил.

– Лучше расскажи про белошвейку.

К концу истории Оливер сидел с круглыми глазами. Его переполняло столько мыслей и вопросов, что он не удержался, вскочил на ноги и принялся мерить шагами комнату.

– Это очень, очень интересно, – только и сказал он. – Чрезвычайно интересно!

– И та песня… – вспомнила Алиса. – Такая странная, правда?

Оливер бросил на нее взгляд из дальнего угла домика.

– Очень странная. Будто Ансиль пыталась сказать тебе что-то, чего ей говорить не следовало.

– Пожалуй, – согласилась Алиса. – Хотела бы я знать, что все это значит.

Мальчик пожал плечами:

– Я тоже. Правда, я не очень понимаю, как секреты белошвейки приведут нас к художнику.

– Они оба – творческие люди, – предположила Алиса. – Может, они знакомы?

Оливер нахмурился.

– Может. Маловероятно, но возможно.

Алиса вздохнула.

– Такая странная песня… – задумчиво повторил Оливер.

– И такая грустная, – кивнула девочка. – Только подумай – ее *срезали с ветки*! Знать бы еще, что с ней случилось.

– Ты думаешь, это правда? Что белошвейка улетела?

– Если «улетела», значит, «умерла», то да, – сказала Алиса. – Думаю, это правда.

Оливер нахмурился:

– Боюсь, мертвая белошвейка нам уже ничего не расскажет.

– Ну, больше у нас все равно ничего нет, – с грустью признала Алиса, откидываясь на диван. Девочка потянулась до самых кончиков пальцев, а потом добавила так тихо, будто не хотела, чтобы Оливер ее услышал: – Надеюсь, мы не совершили ужасную ошибку, решив сперва починить мне руку.

Оливер присел рядом.

– Алиса, – позвал он тихо.

Девочка что-то неразборчиво пробормотала.

– Алиса, – повторил он. – Посмотри на меня, пожалуйста.

Она с неохотой подчинилась. Фиолетовые глаза Оливера нестерпимо пылали на фоне смуглой кожи.

– То, что мы решили починить твою руку, – сказал мальчик, – никогда не будет ошибкой. Пожалуйста, пойми это.

Алиса отвела взгляд.

– А что, если мы из-за этого потеряем папу?

– Не потеряем.

– Но…

– Этого не случится, – твердым голосом сказал Оливер.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – Но нам все равно пора придумывать новый план. Нельзя оставаться здесь надолго.

– Знаю, – ответил Оливер и коротко рассмеялся. – Какое огорчение, правда? Думаю, при других обстоятельствах мы бы отлично провели здесь время. То есть я не настолько глуп, чтобы ожидать от Итакдалии чего-то хорошего, но местные жители – сама доброта. Будет ужасно жаль их покидать – особенно после того, как они пятьдесят шесть лет ждали гостей. – И Оливер покачал головой. – Я уже представляю скорбное лицо Параминта.

– Я тоже, – ответила Алиса тихо. – Не похоже, чтобы он хотел нас съесть. Как думаешь, в Лево живут хорошие люди?

Оливер кивнул.

– Когда мы только встретились, я прочел в сердце Параминта его самый большой секрет. Знаешь, какой? Каково его самое страстное желание?

Алиса могла догадаться, но решила не лишать Оливера момента триумфа.

– Он хотел открыть ту дверь, – сказал мальчик. – Его самое тайное, пылкое, давнее желание заключалось в том, чтобы в Лево когда-нибудь приехали гости.

– Ну вот, теперь я чувствую себя еще хуже, – вздохнула Алиса. – Но разве у нас есть выбор?

– Нет. Надо двигаться дальше. В конце концов, мы принадлежим не Итакдалии, а Ференвуду.

Эти слова заставили девочку улыбнуться.

– И хотя я люблю приключения, – продолжил Оливер, – сейчас я бы с превеликим удовольствием отправился домой. Думаю, мне еще долго не захочется в Итакдалию.

– И мне, – сказала Алиса. – И мне.

Девочка опустила глаза.

– Но я согласна уйти только с папой. Я не хочу возвращаться домой без него.

Оливер коротко кивнул:

– Знаю.

– А как насчет тебя? – спросила Алиса, поднимая взгляд. – По чему ты больше всего скучаешь в Ференвуде?

– Я? – удивился мальчик и склонил голову к плечу, как будто никогда об этом раньше не задумывался. – Даже не знаю. Наверное, по ощущению, что меня никто не хочет съесть.

Алиса рассмеялась.

– Да ладно! Наверняка родители считают дни до твоего возвращения.

Оливер пожал плечами.

– Вот уж не думаю. Честно говоря, я их почти не знаю. И вряд ли они на самом деле знают меня.

– В каком смысле?

– Мой талант… – И Оливер вздохнул. – Это одновременно благословение и проклятие. Я с малых лет научился манипулировать родителями, чтобы они делали то, что мне нужно, и были такими, как я хотел. Прошло немало времени, прежде чем я осознал, что представление пятилетнего ребенка об идеальных родителях… скажем так, несовершенно. Но было слишком поздно. Как я наконец позволил им быть самими собой, они уже забыли, каково это. Они едва меня знали – ведь я отнял у них самые важные годы наших отношений. Они с трудом могли вспомнить, как я рос. Но главная беда в том, что я поступал так не только с родителями. Я делал так со всеми. Я не хотел никому вредить, – быстро добавил Оливер. – Просто был маленьким и не сознавал последствия своих действий. Только когда отец заболел лихолёдкой, я вдруг понял, какой он на самом деле хрупкий – и что однажды я его потеряю. Мне стало стыдно, что я так и не дал ему шанса научить меня всему, что он знал. Не дал шанса быть таким отцом, каким хотел *он*. – Мальчик издал невеселый смешок. – К десяти годам я собственноручно разрушил все важные отношения в своей жизни. Даже не представляю, какие бы родители у меня были, если бы я не принялся менять их так рано.

Алиса судорожно вздохнула.

– Ох, Оливер, – сказала она, беря своего спутника за руку. – Это самая грустная история, которую я слышала.

Оливер помолчал.

– Иногда мне кажется, что вся моя жизнь – история, которую я рассказываю сам себе. Сплошная ложь, уловки и манипуляции, чтобы люди делали то, что мне нужно. Ненавижу себя за это!

– Тогда почему бы тебе не перестать? – спросила Алиса.

– Перестать что?

– Всех переделывать. Манипулировать. Конечно, это не изменит прошлого, но наверняка изменит будущее. Думаю, тебе еще не поздно познакомиться со своими настоящими родителями.

– Наверное, – еле слышно ответил Оливер.

– Но ты не хочешь?

Мальчик покачал головой:

– Не то чтобы не хочу. Просто… Не знаю. Я боюсь.

– Чего? – удивилась Алиса.

– Разве ты не видишь? Никто не станет меня любить, если я их не заставлю. – С этими словами Оливер взглянул Алисе прямо в глаза. – Вот почему я издевался над тобой в среднеросте. Не

потому что считал уродливой. Я так не думаю, правда! Просто я знал, что тебе не нравлюсь, и никак не мог этого изменить. Я не понимал, почему мое убеждение работает для всех, кроме тебя – я же тогда не знал про твой обет, – и это меня пугало. В Ференвуде был ровно один человек, на которого мой дар не действовал, – и этот человек меня не любил. Это подтверждало все мои страхи: если я не заставлю людей любить меня, они и не будут. Все меня бросят, и даже родители отвернутся.

– Но, Оливер! – воскликнула Алиса, сжимая его руку, – я не любила тебя не поэтому, а потому, что ты был заносчивым, злобным и жестоким грубияном!

Оливер застонал и сделал попытку подняться.

– Погоди! – сказала Алиса, хватая его за тунику. – Это еще не все.

Мальчик смерил ее страдальческим взглядом.

– И дальше будет лучше, – поспешно добавила Алиса.

Оливер заколебался, но все же сел обратно на диван.

– Ладно, – кивнул он, – продолжай.

– И посмотри на себя сейчас! Я в жизни не встречала такого милого, доброго и преданного человека. Кому бы ты теперь не понравился? Уверена, родители будут обожать тебя и без всякого убеждения. Лично *я* считаю тебя чудесным, и ты можешь быть уверен, что это правда. Никаких обманок и уловок.

Щеки Оливера пошли красными пятнами.

– Ты правда считаешь меня чудесным?

Девочка просияла и кивнула.

Оливер отвел взгляд и что-то неразборчиво пробормотал. Теперь он тоже улыбался – глупейшей улыбкой, надо признать, – но Алиса улыбалась ему в ответ еще глупее, и так они сидели добрых две минуты, пока девочка внезапно не поняла, что у нее впервые в жизни появился лучший друг.

Эту секунду она не забудет никогда.

* * *

Наконец Оливер откашлялся.

– Ну, свои секреты я тебе рассказал. А ты поделишься своими?

Алиса закусила губу и уставилась в пол. Сердце девочки начало отбивать чечетку.

– Ты уже знаешь мои секреты, Оливер. Незачем их повторять.

– Все равно не понимаю, – сказал мальчик. – Почему ты отрицаешь такой удивительный талант? Чем он тебе не нравится?

Ну вот.

Вот они и добрались до главной ее беды.

Таланта, который она не хотела, не просила и отвергала с такой яростью, будто у нее вообще не было магического дара. А все потому, что он не действовал там, где требовался больше всего. Алиса хотела рассказать Оливеру правду – но боялась, что тогда расплачется, а плакать она категорически не собиралась. Однако момент для признания был более чем удачный, а Оливер заслужил право знать.

– Ну ладно, – сказала девочка. – Как тебе известно, я умею менять цвета вещей…

По позвоночнику Алисы пробежала дрожь. Она не говорила об этом с тех самых пор, как исчез отец.

Оливер легко сжал ее руку.

– Я могу поменять цвет чего угодно. Неба. Солнца. Травы, камней, деревьев и листьев. Всего, чего захочу. – Голос Алисы стал тише. – Могу превратить ночь в день и день в ночь. Могу изменить цвет воздуха, которым мы дышим, и воды, которую мы пьем.

– Но не меняешь, – заметил Оливер. – И я не понимаю почему. Такой огромный талант! Такой прекрасный дар, и…

Алиса ожесточенно замотала головой.

– Такой огромный талант, и все же я не могу изменить цвет *себя*. – Девочка смерила спутника отчаянным взглядом. – Я могу перекрасить тебя…

Алиса коснулась пальцем щеки Оливера, и его кожа мгновенно сменила цвет с оливкового на красный и зеленый – и обратно.

– …быстрее, чем ты успеешь моргнуть. Могу перекрасить кого и что угодно. – Рука девочки упала. – Но не *эти* волосы и не *эту* кожу. Я не могу сделать себя хоть чуть-чуть похожей на свою семью. Знаешь, как это тяжело?

– Алиса…

– У меня нет цвета, Оливер. – Голос девочки превратился в шепот. – Ни капельки пигмента. И я совсем не похожа на своих близких.

– Но послушай, – ответил Оливер мягко, – твоим близким нет до этого никакого дела. Они любили бы тебя даже с кожей жирафа.

Алиса уставилась на ковер, едва улыбаясь уголками губ.

– Папа – возможно. Думаю, папа любил бы меня, несмотря ни на что.

– И твоя мама, – добавил Оливер. – Она тоже тебя любит.

Алиса покачала головой:

– Я не уверена. То есть… Мама была так рада, когда узнала о моем таланте. Я просила папу ей не рассказывать, но он все равно рассказал. – Девочка замялась. – А когда он исчез, мама очень изменилась. За годы без папы она сильно сдала. – Алиса сделала паузу, припоминая. – Она заставляла меня каждый день тренироваться перед зеркалом. Перекрашивать себя. Но ничего не получалось, и со временем мама оставила меня в покое. Правда, затем она вспомнила, как любит ференику…

Оливер шумно втянул воздух.

– И я стала собирать для нее ягоды. – Алиса отвела взгляд. – В общем-то больше я ни на что и не гожусь.

– Но я думал, что ференика невидимая! – воскликнул Оливер с круглыми глазами, а потом быстро добавил шепотом: – И что она не входит в ференвудский Свод дозволенных продуктов.

– Она на самом деле не невидимая, – ответила Алиса, пожимая плечами. – Просто хорошо прячется. Ягоды ференики умеют сливаться с обстановкой, так что их трудно отыскать. Но мне достаточно найти первую, чтобы изменить цвет всей поляны. Так что я собирала за раз по целой корзине.

Оливер был заметно впечатлен.

– И я не знала, что ференика не входит в Свод дозволенных продуктов, – испуганно продолжила Алиса.

Мальчик был так взволнован, что снова встал и принялся мерить комнату шагами.

– Твоя мама вела себя просто отвратительно, – хмуро сказал он и тут же шлепнул себя по губам. – Ох, прости. Я не хотел тебя обидеть. Я знаю, что это не мое…

– Все в порядке, – ответила Алиса с дрожащей улыбкой. – Маме станет лучше, когда вернется папа. Рядом с ним она всегда добрела. Хотя иногда мне кажется, что я успела разочаровать ее еще до папиного исчезновения.

Девочка вздохнула.

– А теперь единственный человек, который меня любил, сидит в тюрьме – может быть, раненый, – без надежды когда-нибудь попасть домой. Я сделаю все, чтобы его вызволить. Что угодно.

Алиса потеребила шелк юбки.

– Знаешь, – добавила она тихо, – папа всегда говорил мне, что я красивая.

Глаза девочки наполнились слезами, и она поняла, что пора остановиться. Поэтому она как можно грациознее встала, извинилась и сказала, что ей нужно подышать свежим воздухом.

Оливер не стал ее задерживать.

Однако стоило Алисе выйти наружу, как железный обруч,

сжимавший ее сердце, разжался. Лес, посреди которого она стояла, поражал воображение. Солнце медленно опускалось в облака, и горизонт был расцвечен янтарными, медовыми и малиновыми мазками. Закатный свет просачивался в паутину ветвей, выкладывая на земле хрупкий золотой витраж. Лес пульсировал изумрудной зеленью, под шоколадной корой струились прозрачные соки, а пепельно-голубой воздух был напоен пронзительной свежестью. Один глубокий вдох – и слезы Алисы высохли, будто не бывало.

Девочка закрыла глаза, позволяя ветру обдуть ее щеки.

Она сильнее, чем мама.

А если нет, то станет сильнее. Она будет сражаться за отца из последних сил. Ей придется быть умной и ловкой; придется выжить, чтобы ему помочь.

Любовь к отцу делала Алису храбрее и тверже.

Делала ее готовой к любым испытаниям.

Прямо по курсу – новая глава!

– Не желаете ли чем-нибудь угоститься? – спросил Параминт.

Он заглянул в дом, чтобы посмотреть, как поживают Алиса с Оливером. Те сидели на полу и составляли список вещей, которыми займутся с папой, когда наконец приведут его домой. Это была идея Оливера – составить список. И первое, что он предложил, стоило Алисе вернуться в комнату. Он сказал, что папа наверняка захочет узнать, что произошло за время его отсутствия, – и на этот случай лучше спланировать все заранее.

– Он же захочет посмотреть новые пруды, и рыболовные деревья, и… Надо не забыть показать ему лодки, упавшие в сад Пенелопы! – Оливер уже исписал весь свиток и перешел на оборот. – И как насчет монетковых кустов у ручья? Они вымахали с целую корову! Как думаешь, ему будет интересно? Алиса?..

Но девочка была так тронута его жестом, что не нашлась с

ответом.

Так они и сидели на ковре – голова к голове, строя планы на папино возвращение, – когда Параминт неожиданно просунул голову в дверь и спросил, не хотят ли они чем-нибудь угоститься.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Алиса.

– Ну, – сказал Параминт, по-прежнему стоя в дверях, – мы можем предложить вам обширное меню для дегустации. Возможно, не такое роскошное, к какому вы привыкли, – добавил старичок, краснея, – но я бы настоятельно рекомендовал попробовать филе-миньон – наш шеф-повар готовит его просто божественно. Представьте себе, сервирует каменной солью и чайными листьями и подает на подложке из кускуса с пряностями, трюфелями и ризотто. Конечно, к вашим услугам еще огромный выбор сэндвичей, стейков и бифштексов из…

– Боже мой, – сказала Алиса, оглядываясь на Оливера. – Я даже не знаю, что это такое.

Параминт окаменел – со ртом, полным комплиментов в адрес местной кухни. К его чести, старичок быстро справился с замешательством и добавил:

– Тогда могу ли я поискать что-то на ваш вкус, ваша достопочтенность?

Алиса на мгновение задумалась:

– А у вас есть тюльпаны?

– У нас… – Параминт выглядел смущенным, но еще больше – расстроенным, что вынужден разочаровать Алису. Девочка тут же почувствовала укол вины. – Видите ли, ваша достопочтенность, в Лево растут самые разнообразные цветы, но в это время суток все они уже закрылись…

– Дорогой Параминт, – торжественно сказал Оливер, – не обращайте внимания на шутки Алисы. – И мальчик бросил на спутницу многозначительный взгляд, словно говоря «Предоставь это мне». – Возможно, мы пропустим основное меню и перейдем сразу к десертам? Дорога выдалась долгой, и немного сладкого точно не повредит.

– О, прекрасная идея, ваша достопочтенность! – Параминт чуть не подпрыгивал от восторга. – Просто *прекрасная*! Я немедленно принесу все наши пироги, пирожные и кексы!

Теперь старичок улыбался от уха до уха, счастливый, что может им чем-то угодить.

– Не желаете ли еще чего-нибудь, ваши достопочтенности? Вероятно, после угощения вам захочется посмотреть сны?

Алису так взволновало последнее предложение, что она закивала быстрее, чем успела его обдумать.

– Звучит отлично, – сказала она. – Я совсем не прочь

посмотреть парочку снов.

– Очень хорошо, ваша достопочтенность, – ответил Параминт, лучась от радости. – Очень, очень хорошо. Я скоро вернусь.

С этими словами он отвесил им очередной поклон и удалился.

Алиса обернулась к Оливеру, дрожа от восторга.

– Я так скучала по снам! Обожаю их смотреть. Мне кажется, я только ради этого и сплю!

Оливер рассмеялся.

– Поверить не могу, что сны привлекают тебя больше, чем десерты.

– Гм, – смутилась Алиса. – Кстати, что такое «филе-миньон»?

Оливер застыл на месте. Рот мальчика округлялся, пока не превратился в небольшую аккуратную букву О.

– Ничего, о чем тебе стоило бы беспокоиться, – ответил он наконец. – Совершенно.

* * *

Алиса никогда раньше не задумывалась, какое удовольствие – просто проснуться утром. Они с Оливером еще не оставались ни в одной деревне настолько, чтобы насладиться роскошью сна (или снов), и теперь девочка впервые за долгий срок обвела комнату затуманенным взглядом, зевнула навстречу рассвету и потянулась до кончиков пальцев на ногах и единственной руке.

Алиса чувствовала себя вялой, сонной, ленивой – но гораздо более счастливой, чем вчера, позавчера и поза-позавчера. Теперь она была готова к очередному бесконечному дню.

Девочка поднялась на ноги и отправилась в личную ванную Параминта (тот сказал, что она в полном распоряжении гостей). Алиса поплескала водой в лицо и на мгновение замерла, ради удовольствия слизывая капли с губ.

Мятные.

Она всю ночь смотрела сны: запутанные, фантастические видения, несомненно вдохновленные последними днями в Итакдалии. Алиса бегала вверх ногами по потолкам незнакомых домов, преследуя какого-то мужчину – предположительно папу. Однако стоило ей подобраться к нему поближе, как рядом распахивалось окно, Оливер хватал девочку за руку, и она снова теряла папин след. Она уже три раза напомнила себе, что глупо злиться на Оливера за его беспардонное поведение в чужом сне – и как раз собиралась напомнить в четвертый, – когда вышла из уборной и нос к носу столкнулась с мальчиком.

– Доброе утро, – сказала она с улыбкой.

– Доброе утро, – ответил Оливер с таким видом, будто его сейчас стошнит. Он засыпал на ходу и даже на ногах удерживался с заметным трудом. Затем мальчик кивнул на дверь уборной: – Ты уже все? Прости, но мне нездоровится.

– Ох, – испугалась Алиса. – Я могу тебе чем-то помочь?

Он вяло отмахнулся.

– Не стоило вчера так налегать на десерты. Ничего, пройдет. – И Оливер невесело рассмеялся. – Кажется, я теперь никогда не смогу смотреть на пирожные.

Алиса смерила его сочувственным взглядом и кивнула. Сама она съела всего пару кусочков, в то время как Оливер перепробовал половину десертов, которые принес им Параминт. Девочка несколько раз напоминала ему быть осторожней – вероятно, только поэтому он не съел все десять тортов, семь пирогов, пятнадцать кексов и четыре пудинга. Теперь Алиса молча порадовалась своей строгости.

Она не знала, что Оливер так падок на сладкое – хотя, похоже, он уже раскаялся в этой своей слабости. Девочка похлопала его по плечу и отступила в сторону.

Когда Оливер скрылся в уборной, Алиса решила прибраться в доме. Она надеялась, что это будет последний их день в Лево, и хотела оставить комнату в таком же порядке, как и до их приезда. Поэтому она свернула одолженные Парамингом сонные мешки (узкие и невероятно уютные тряпичные коконы, обшитые изнутри множеством мягких подушечек) и собрала разбросанные свитки и письменные принадлежности, оставив только вчерашний список. Его она свернула и спрятала в карман шелкового платья (которое оказалось неожиданно практичным для такого изящного туалета). Затем девочка уселась на диван и принялась ждать Параминта и Оливера.

Однако прошло десять минут, ни того, ни другого не было видно, и Алиса решила прогуляться. Снаружи, как она и ожидала, стоял прекрасный день. Солнце только-только всплыло из пуховых облаков, и все Лево было залито мягким золотистым светом. Местные жители сновали по веткам в свежеотутюженных костюмах, покупали пышущий жаром хлеб и поминутно останавливались, чтобы поболтать с соседями на ту или иную животрепещущую тему.

Эта уютная суета заставила Алису еще сильнее скучать по Ферeнвуду.

– Доброе утро, ваша достопочтенность!

Перед ней стоял улыбающийся и, как всегда, подтянутый Параминт. Старичка явно удивило, что Алиса встала так рано.

– Доброе утро, – ответила она с широкой улыбкой.

– Удачно ли вы посмотрели сны? – спросил он. – И насладились ли угощением?

– Вполне, – радостно кивнула Алиса, а потом добавила чуть тише: – Хотя, боюсь, Оливер угостился сильнее, чем следовало.

Глаза старичка на мгновение расширились, но в следующую секунду он разразился счастливым смехом.

– Отлично, ваша достопочтенность! Искренне надеюсь, что он получил удовольствие.

Алиса не нашла в себе мужества признаться, что удовольствие Оливера было недолговечным.

– Без сомнения, – кивнула она. – Еще раз большое спасибо.

– Всегда к вашим услугам. – Теперь Параминт едва не приплясывал на носках. – Ох, простите, ваша достопочтенность, но я больше не могу держать это в тайне!

– Что держать в тайне?

– У нас ПРЕКРАСНЫЕ новости, ваша достопочтенность. Просто ПРЕКРАСНЫЕ!

– Правда?

– Сегодня, ваша достопочтенность, ЛУЧШИЙ день для нашей деревни! Вчера у нас был ЛУЧШИЙ вечер, а теперь – ЛУЧШЕЕ утро! Такие невероятные новости!

– Как… славно, – дипломатично ответила Алиса. Она не могла объяснить почему, но восторг Параминта вызывал у нее недобрые предчувствия. – Надеюсь, в Лево будет еще масса поводов для веселья.

– Так и есть! Так и есть! Самый ЛУЧШИЙ повод!

– Что ж, я очень рада. А теперь, если вы позво…

– Вы, – сказал Параминт, наставив на нее узловатый палец. – Вы сделали очень плохую вещь, ваша достопочтенность. Очень, очень плохую! Но ваш плохой поступок обернулся лучшими новостями для Лево! ЛУЧШИМИ!

Алиса с трудом сглотнула. Горло девочки ледяными пальцами сжала паника.

– Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите, – выдавила она.

Параминт смеялся от счастья и все никак не мог остановиться.

– Вы нарушили закон! Украли время! Множество часов! Не далее как прошлым вечером нас уведомили, что в самом сердце Лево – настоящий преступник. – Параминт просиял. – В нашем Лево! Кто бы мог подумать? Наш гость – преступник! О, вы прославили нас, ваша достопочтенность. Мы уже пятьдесят шесть лет не удостаивались визита Старейшин, а теперь наш гость привлек к этой скромной земле такое внимание. Что за день, что

за день!

– Так вы поэтому счастливы? – Алиса едва не пошатнулась от облегчения. – Что ж, искренне рада вам услужить.

Параминт наклонился к ней и продолжил уже тише:

– Конечно, мы сделаем все возможное, чтобы Старейшины до вас не добрались, но не сможем удерживать их слишком долго. Так что придется поторопиться. Следуйте за мной! Столько всего надо подготовить!

Алиса застыла.

– Что вы хотите сказать? Куда мы пойдем?

– Готовиться к пиру, конечно! – воскликнул Параминт. – Конечно, в других обстоятельствах мы отложили бы его до конца вашего визита, но теперь, раз вы нарушили закон, можно не ждать так долго. К тому же ваш арест только все усложнит. – И старичок отмахнулся. – Ничего. Если подойти с умом, мы как раз успеем до прибытия властей. У королев так долго не было настоящего пира, а вы с вашим другом, без сомнения, сможете удовлетворить самые обширные аппетиты. Тринцессы будут в восторге!

Алиса примерзла к месту, скованная ужасом, и как могла согласно закивала. Тем временем Параминт – старый добрый Параминт – бросился прочь, думая, что девочка последует за ним. Кожа Алисы покрылась холодным потом, а мысли затопил беспросветный ужас. И как только она посмела поверить, будто от Итакдалии можно ожидать чего-то хорошего? Теперь Алиса точно знала, что выход у них лишь один.

Бежать.

* * *

Алиса вихрем ворвалась в дом, надеясь, что сможет вытащить Оливера до того, как вернется Параминт. Она что есть мочи барабанила в дверь ванной и звала мальчика по имени – но никто не откликался. Тогда у нее не осталось другого выбора, кроме как нарушить одно из важнейших правил Итакдалии и открыть дверь, которая не давала на то своего согласия.

Это оказалось мудрое решение.

Оливер лежал на полу почти без сознания – обмякший и ужасно, ужасно тяжелый. Выглядел он при этом так, будто сейчас отдаст богу душу. Разговор с Парамингом неожиданно представил вчерашний вечер в совсем ином свете. Старик пытался *отравить* их в рамках подготовки к пиру. Они были нужны ему слабыми и безвольными, неспособными бороться за

свою жизнь. Теперь каждая капля Алисиных сил уходила на то, чтобы просто удерживаться от истерики.

Девочка похлопала Оливера по щекам, и тот с трудом открыл глаза.

– Оливер, – взмолилась она (по-прежнему пытаясь – не вполне удачно – не паниковать). – Оливер, пожалуйста, очнись!

– Прости, Алиса, – ответил он, тяжело дыша. – Но я не… – Он шумно сглотнул. – Не очень хорошо себя чувствую.

– Знаю, дружочек, знаю, но нам немедленно надо уходить!

– Что? – Оливер недоуменно моргнул. – Почему? Что случилось?

Алиса на мгновение замерла, а потом жалобно призналась:

– Они хотят нас съесть.

Глаза Оливера распахнулись. К счастью, мальчик был не так глуп, чтобы тратить время на дальнейшие расспросы. Возможно, в другое время и в другом состоянии он смог бы убедить местных жителей их отпустить, но сейчас его шатало и мутило, – и Алиса знала, что на этот раз им придется обойтись без магии.

Уже второй раз *она* спасала *его*.

В этот момент – хотя это был один из самых ужасающих моментов ее жизни – девочка внезапно почувствовала к Оливеру особую теплоту, потому что он без вопросов вручал свою жизнь в ее руки (у).

– Пойдем, – выдавил он и немыслимым усилием поднялся на ноги.

Алиса повесила сумку с картами *ему* на плечо, перекинула его руку через *свое* плечо и позволила Оливеру почти повиснуть на ее маленькой фигурке. Впрочем, их вес вдруг перестал иметь значение: обоих переполнял адреналин и вели инстинкты.

И все же им потребовалась целая вечность, чтобы добраться до входной двери. Алиса вздрагивала при каждом шорохе, красочно воображая, как Параминт выпрыгивает из-за угла и коршуном набрасывается на своих жертв. На самом деле она так торопилась сбежать от старика, что даже не задумалась, а *куда* они побегут. Недочет в плане стал очевиден только тогда, когда они перевалились через порог, и Оливер спросил:

– Куда теперь, Алиса?

Но она не знала.

Девочка пребывала в панике. Она посмотрела влево, посмотрела вправо. Вокруг сновали толпы людей – но никому из них больше нельзя было доверять. Почти с каждой ветки свешивались яичные домики, но Алиса знала, что, если они попробуют там спрятаться, их немедленно обнаружат. На секунду ей пришла мысль снова перекрасить мир в черный – ведь с

лисами это сработало, – но сейчас они стояли не на ровной поверхности, а на мшистой ветке во многих сотнях метров над землей. Передвигаться по ней вслепую было бы безумием. Одно неверное движение – и они разобьются.

Возможно…

Возможно, им стоило остаться. Притвориться наивными дурачками и потянуть время, пока у них не созреет настоящий план или Оливер не почувствует себя лучше. Вдруг через пару часов к нему вернется дар убеждения? В конце концов, Параминт планировал *пир* – а это значило, что их вряд ли съедят в ближайшие пять минут.

Вероятно, Алиса поспешила – от страха и отчаяния. Теперь она была в этом убеждена. Что толку скакать по веткам без плана? Девочка сделала глубокий вдох и оглянулась на дом, уже собираясь поделиться с Оливером своей новой идеей…

Как вдруг заметила Параминта. Он стоял в дверях с широкой улыбкой, которой Алиса больше не доверяла. В одной руке он сжимал большой холщовый мешок. В другой – огромный мясницкий нож.

Алиса почти услышала собственный крик – пока только мысленный.

Их с Парамингом глаза встретились. Когда старичок заговорил, его голос звучал чересчур высоко, чересчур радостно – словом, совершенно неестественно и оттого еще более пугающе.

– Куда это вы собрались, ваша достопочтенность?

В любое другое время они бы легко с ним справились, но Оливер едва держался на ногах и почти так же плохо – в сознании. Алиса судорожно осмотрелась в поисках выхода и не нашла ничего, кроме ковра желтых цветов во многих сотнях метров под ногами. Оливер говорил, что в Итакдалии очень трудно разбиться до смерти, но Алиса чувствовала, что этот случай – исключение. В противном случае, разве стали бы *срезать с ветки* белошвейку?

Все эти мысли вихрем пронеслись у нее в голове – и сменились воспоминанием о чем-то важном. О чем-то, что сказала ей Ансиль.

Однажды в небо я упала,
Упала, но не умерла.
Однажды в небо я упала
И пару крыльев обрела.

Неужели это был ключ? И Ансиль подсказала им путь к побегу?

В любом случае у Алисы не было особого выбора, потому что Параминт приближался к ним с ножом наперевес. Ни выбора, ни времени; но у девочки еще оставалась надежда – и она ухватилась за нее, как за спасательный круг.

– Падай, – прошептала Алиса, глубоко вздохнув. – Падай, Оливер.

Так они и поступили.

* * *

Они с Оливером вцепились друг в друга, и в ушах яростно засвистел ветер. Падая, Алиса мысленно просила у спутника прощения, что станет причиной его смерти. Девочку переполняли одновременно ужас и надежда. Конечно, ей хотелось верить песне Ансиль, но их падение ничуть не напоминало полет. Через несколько секунд они собирались разбиться до смерти. Что ж, подумала Алиса, по крайней мере, это будет милосердная смерть – куда лучше, чем если бы их покромсали в жаркое.

Никто из спутников не кричал (а толку?). Все, что видела Алиса, – расширенные глаза Оливера, испуганные и печальные. Девочка, как могла, притянула его единственной рукой и понадеялась, что их уход из этого мира будет быстрым. Но каким бы драматическим ни был момент – сведенные судорогой руки, побелевшие губы, на которых застыло последнее «прощай», – он вскоре закончился.

Алиса распахнула закрытые было глаза и обнаружила удивительную вещь. Они по-прежнему падали, и к ним по-прежнему приближалась твердая земля; но с каждым метром их падение все замедлялось – пока не превратилось в плавное неторопливое парение.

Так они проделали остаток пути, пока не опустились на мягкую травяную подстилку. Алиса с Оливером были так удивлены нежданным спасением, что первые несколько секунд просто смотрели друг на друга.

– Ты в порядке? – спросила девочка. Теперь Оливер стоял вполне самостоятельно – без следа недавней слабости и вялости. – Тебе лучше?

Мальчик кивнул.

– Кажется, тошноту выдуло по дороге.

– И на том спасибо, – сказала Алиса.

В следующую секунду у нее все-таки подкосились ноги, и она осела на землю.

– Как думаешь, они не спрыгнут за нами? – внезапно спросил

Оливер.

Алиса испуганно подняла взгляд.

– Я не…

– Они могут, – раздался у нее за спиной незнакомый голос.

* * *

Алиса вскочила и подалась назад так резко, что уперлась затылком в грудь Оливеру. Их сердца бились в тревожном унисоне. Мальчик поспешно прижал ее к себе, будто надеялся таким образом защитить от надвигающейся опасности.

Голос принадлежал женщине, подобной которой Алиса никогда не видела – разве что в зеркале. Она была высокой, бледной, как лунный свет, и носила плащ, целиком сшитый из золотых листьев: солнечно-желтых, светло-горчичных, лимонных, медовых и шафрановых. Они наслаивались друг на друга, словно миниатюрные крылья, придавая женщине одновременно прекрасный и пугающий облик.

Плащ окутывал ее с головы до пят, так что видны были только кисти – даже бледнее, чем у Алисы, почти полупрозрачные. Сделанный из листьев капюшон оставлял лицо открытым, и из-под него струились длинные, неправдоподобно желтые локоны, которые почти сливались по цвету с плащом. Лицо незнакомки тоже было призрачно-бледным, и на нем выделялась лишь пара внимательных золотых глаз.

– Они могут, – повторила женщина. – Так что вам лучше пойти со мной.

В ее мерцающей, завораживающей красоте было что-то тревожное. Но за этой тревогой скрывалось и нечто другое; нечто в глубине золотых глаз. Алиса почему-то была уверена, что на долю женщины выпало немало боли.

В ту же секунду она снова вспомнила песню Ансиль. Песню, которая спасла им жизнь.

Ко мне навстречу вышла дама,
Что от беды меня спасла.
Ко мне навстречу вышла дама,
Что сердцу радость принесла.

– Кто вы? – наконец осмелилась подать голос Алиса.

– Иса́ль, – просто ответила женщина. Она будто вообще не моргала. – Вы хотите умереть?

– Нет, – быстро ответил Оливер. Алиса слышала, как бьется

его сердце. – Конечно, не хотим.

– Тогда идите за мной, – сказала Исаль и начала разворачиваться.

По дороге она оставляла за собой след из золотых листьев – будто улитка, которая при всем желании не может скрыть, куда направляется. Но Исаль совершенно точно не была улиткой. Алиса молча смотрела на женщину, втайне завидуя ее спокойной, уверенной силе. За ней *хотелось* следовать.

Впрочем, у них все равно не было особого выбора.

Алиса с Оливером двинулись вперед, на ходу обмениваясь взглядами, точно репликами. Исаль вела их в самую чащу. Путь оказался непростым: дорогу то и дело преграждали подножия гигантских стволов, в чьих кронах располагалась деревушка Лево. Большинство деревьев были шире многоэтажного дома и цеплялись за землю громадными, точно скалы, корнями. Алисе с Оливером стоило немалого труда через них перебраться, и девочка молча порадовалась, что Исаль носит такую приметную мантию – без нее дети давно бы потеряли свою проводницу из виду.

Наконец они добрались до маленькой поляны. Посреди нее, бесцеремонно привалившись к очередному дереву, стоял ветхий домик. Внешне он не представлял собой ничего особенного: стены покрывала штукатурка самого скучного оттенка, а стекла в двух единственных окнах были тускло-желтыми, словно их давно не касался свежий ветер.

Стены домика оплетали высокие травы, поблекшая от старости крыша просела посередине. Ничего удивительного: ее давно захватили вечнозеленые лозы, которые почти задушили печную трубу. Пучки диких трав и узловатые корни расшатывали черепицу, будто хотели окончательно отвоевать домик в пользу леса. И им это почти удалось: хижина выглядела так, словно выросла здесь вместе с остальными деревьями.

Исаль открыла парадную дверь и обернулась к Алисе с Оливером.

– Можете зайти.

Но спутники медлили.

– Кто вы? – спросил Оливер.

Женщина сделала шаг вперед.

– Исаль, – только и ответила она.

– Это мы уже услышали, – вздохнул Оливер.

На лице Исаль отразилось недоумение.

– На твоей подруге – платье моей работы, – сказала женщина. – И вы до сих пор не знаете, кто я?

– Белошвейка, – прошептала Алиса.

Исаль кивнула, и, прежде чем она отвела взгляд, Алиса заметила промелькнувшую в ее глазах горечь.

– Когда-то я была белошвейкой. Больше нет.

Девочка была так ошеломлена, что не сразу нашлась с ответом. В голове у нее теснилась тысяча поводов для страха и столько же тем для раздумий, но Алиса не могла оторвать взгляда от стоявшей перед ней женщины. Даже одинокая и покинутая, Исаль казалась слишком изысканной для этого мира. Она воплощала собой все качества, которые надеялась когда-нибудь обрести Алиса: силу, мужество, чувство собственного достоинства. И все же она была *здесь*. Драгоценность, затерянная в лесу.

Поразительно.

Алиса чувствовала странное родство с незнакомкой – хотя и не смогла бы его объяснить.

Исаль подошла ближе и коснулась перьев на воротнике девочки.

– Я помню это платье, – сказала она мягко. – Я два года собирала для него пух лилий.

Лунная рука упала.

– Ансиль предупредила меня, что вы придете.

– Предупредила? – изумилась Алиса. – Но…

– Много лет назад она была моей ученицей. До того, как меня срезали с ветки.

– Так вас и правда хотели казнить? – в ужасе спросил Оливер. – Почему?

Исаль наконец моргнула.

– Пятьдесят шесть лет назад, когда Лево навестил последний гость – девочка ненамного старше тебя… – Она бросила взгляд на Алису. – Я пыталась ее предупредить. Я знала, что в конце концов ее принесут в жертву королевам. – Женщина отвела взгляд. – И поскольку я была не согласна с их методами, меня объявили предателем и срезали с ветки.

У Алисы расширились глаза.

– И все решили, что вы разбились, – подытожил Оливер.

Исаль кивнула.

– Но здешние деревья обладают собственной магией и не хотят причинять никому вред. Среди их корней я в безопасности.

– А они знают? – спросил Оливер, указывая в небо. – Знают, что вы тут живете?

– Скорее всего, подозревают, – ответила Исаль. – Но не уверены. Нужно спешить. Они могут послать за вами погоню. Пожалуйста, входите. Я вам помогу.

– Но вы сказали, что провели здесь все эти годы, – с

подозрением заметила Алиса, – и никто вас так и не нашел. Откуда нам знать, что ваша история – правда? Что вы не работаете на кого-то еще? Или не засунете нас в печь, как только мы перешагнем порог?

Исаль улыбнулась странной, печальной улыбкой и откинула капюшон. Ее золотые волосы, более не обрамленные ярко-желтыми листьями, теперь казались намного бледнее. По правде говоря, сейчас она выглядела почти как Алиса – вся лед и лунный свет. Полупрозрачная кожа была лишена малейшего румянца.

Когда она заговорила снова, то обращалась только к Оливеру.

– Возможно, тебе стоит довериться тому, кто на друга похож.

* * *

Оливер не мог оправиться от изумления.

– Откуда вы знаете мой Тиббин?

Исаль смерила его внимательным взглядом.

– Итакдалия редко бывает столь милосердной, какой хочет казаться. Все Тиббины создаются умышленно – с привлечением жителей Итакдалии и в соответствии с самым вероятным путем гостя. К тому времени, как вы добрались до Пограничного контроля, ваше будущее измерили, рассчитали и спланировали до мельчайших деталей. Меня давно уведомили о моей роли в этом спектакле. Теперь я должна дать вам один совет, после чего моя партия будет сыграна.

Алиса и Оливер замерли в шоке.

– Нам не позволяется говорить о таких вещах, – добавила Исаль, – но я предала свой народ еще много лет назад и не думаю, что от моего признания станет хуже. Отказаться от участия в Тиббине – не судебное, а моральное преступление. Так что я сочту за честь, если сумею вам помочь. – Женщина склонила голову, глядя на напряженные лица Алисы и Оливера. – Знаете, вы первые мои собеседники за пятьдесят шесть лет.

– О да, – сказал Оливер, оглядываясь вокруг. – Могу представить.

– Нет, – ответила Исаль, – ты не понимаешь. Привязать ко мне чей-то Тиббин – худшая помощь, какую только можно придумать. Лево – давно забытая богом земля, и из всех ее жителей я – самая не вспоминаемая. Если Старейшины связали ваш Тиббин со мной, значит, они и не пытались вам помочь. Вряд ли они ожидали, что вы заберетесь так далеко. Наша встреча означает, что вы близки к цели. Но будьте осторожны: Старейшины этому не обрадуются.

Алиса с Оливером промолчали, не желая выдать свой страх.

– Теперь, – продолжила Исаль, складывая руки, – я более чем удовлетворила ваше любопытство. И теперь вынуждена в последний раз настоять, чтобы вы зашли. Если вы останетесь здесь еще на мгновение, я не буду повинна в вашей смерти.

Дети переглянулись и так же молча последовали за Исаль в ее скромный домик. Итакдалия оказалась еще страшнее и страньше, чем предполагал Оливер. Теперь они знали, что все это время были безвольными марионетками в руках искусных кукловодов; что каждый их шаг был спланирован, а все случайности – не случайны. Благодаря объединенным талантам им еще как-то удавалось прыгать из деревни в деревню, но удача спутников таяла на глазах, и сейчас им следовало быть вдесятеро осмотрительней, если они надеялись выбраться из этого переплета живыми. Теперь они были преступниками в бегах.

И использовали оба своих Тиббина.

Алису привел в чувство только художественный хаос дома Исаль. На первый взгляд ее жилище представляло собой увеличенную шкатулку с безделушками. Каждый сантиметр стен был покрыт живописными полотнами в причудливо украшенных рамах («Все мои вещи спасла и срезала с ветки дорогая Ансиль», – пояснила женщина), а горизонтальные поверхности были отданы во власть швейным принадлежностям. Булавки, иглы, бобины с нитями и бесконечные рулоны самых роскошных тканей громоздились от пола до потолка. Рядом с ними теснились манекены, коробки с самоцветами и корзины, полные перьев. Дом Исаль был крохотным, но красочным и опрятным.

Когда они переступили порог, женщина наконец сняла плащ.

Исаль была красива совершенно непостижимой красотой. На ней было платье из нежного голубого шелка, которое мягкими волнами обвивало ноги. В сочетании с золотыми волосами и бледной кожей она казалась видением из полузабытого сна, которое ускользает тем вернее, чем настойчивее пытаешься его вспомнить. Алиса впервые увидела, что столь бесцветный человек может быть красивым, и это наполнило ее внезапной надеждой. Конечно, Исаль не в точности походила на Алису – ее белизну оттеняла богатая желтая краска, – но даже так она отличалась от любого жителя Ференвуда.

– Что ж, – без предисловий начала женщина, – вы ищете художника.

– Да, – испуганно сказал Оливер. – А откуда вы знаете?

Исаль смерила мальчика таким взглядом, будто у него не все в порядке с головой.

– У твоей подруги не хватает руки.

– Точно, – поспешно ответил он. – Точно, конечно.

– Ты уверен, – продолжила Исаль, – что это главный твой вопрос? Что ты не хочешь узнать что-нибудь другое?

Сердце Алисы подпрыгнуло к горлу. Девочка страдальчески посмотрела на Оливера. Неужели это их единственный шанс на помощь? Тогда не лучше ли спросить, где папа?

– Оливер, – прошептала она. – Тебе не кажется…

– Это не твой выбор, – оборвала ее Исаль, смерив девочку не злобным, но несколько холодным взглядом. – Не твой Тиббин.

– Но…

– Я уверен, – ответил Оливер твердо. – Нам нужно починить ее руку.

– Оливер, прошу тебя…

– Мы получим и то, и другое, – сказал мальчик, беря Алису за единственную ладонь. – Обещаю, мы найдем способ. Даже если придется начать все заново. Но сперва мы починим тебе руку.

Алиса с трудом сглотнула. Она была почти готова расплакаться.

– Очень хорошо, – сказала Исаль. – Все просто. Выберите любую картину, – и она обвела рукой стены, – и зайдите в нее.

Оливер приподнял брови.

– И все?

Исаль кивнула.

Алиса с Оливером переглянулись – и расплылись в улыбках. Спутников затопило облегчение.

– Ладно, – сказал Оливер, улыбаясь до ушей. Затем он перевел взгляд на картины. – Как насчет… Ох, я даже и не знаю. Алиса, какую выбрать?

Исаль шагнула вперед.

– Выбирайте мудро. Если художник откажется вас впустить, вы останетесь здесь. – И она коснулась рукой холста. – В картине, которую выбрали.

– Что? – опешил Оливер.

– А надолго? – испугалась Алиса.

– Навечно, – ответила Исаль.

У Алисы подогнулись ноги.

– Что за бред? – возмутился Оливер. – А вы раньше не могли предупредить, что это ловушка? Вы же сказали, что все просто!

Шея мальчика почти побагровела от гнева.

– Не моя работа – защищать вас от последствий ваших решений, – холодно заметила Исаль. – Вы хотели найти художника. Я объяснила, как это сделать. Моя задача выполнена.

– Но…

Внезапно земля застонала, а стены содрогнулись. За окном

взметнулся золотой вихрь, и Алиса немедленно поняла, что это был знак. За Исаль тянулась цепочка из опавших листьев, и кто-то взял их след.

– Они здесь, – тихо сказала женщина, глядя в пустоту.

В следующую секунду в дверь четырежды постучали: по числу людей, стоявших на пороге.

Алиса знала, что их вежливости хватит ненадолго.

Исаль взяла плащ.

– Выбирайте мудро, – прошептала она. – Выбирайте мудро, и удачи.

* * *

Алиса и Оливер в панике переглянулись. Девочка понимала, что у них нет времени на раздумья. Поэтому она схватила Оливера за руку, быстро осмотрела картины в поисках той, которая сильнее всего напоминала ей о доме, любви и папе, и приложила их переплетенные ладони к красочному холсту.

Все действительно оказалось просто.

Их втянуло в раму быстрее, чем Алиса моргнула. Грудь на мгновение сдавило железными тисками, – а когда девочка снова открыла глаза, они с Оливером стояли в каморке, напоминающей древнюю тюремную камеру. В ней пахло плесенью и ржавчиной, а потолок был таким низким, что Оливеру пришлось пригнуться.

Не успели они запаниковать, как маленькая панель в одной из стен отъехала в сторону, и в каморку упала полоса света. Алиса машинально прищурилась.

– Что у вас за дело? – неприветливо спросил чей-то голос. По первому впечатлению он принадлежал мужчине, хотя сказать наверняка было трудно.

– Я п-пришла починить руку, – нервно ответила Алиса. – Я слышала, вы ху…

– Какую руку? – буркнул незнакомец.

– Правую.

Мужчина фыркнул, но ничего не сказал.

– Пожалуйста, – взмолилась Алиса. – Помогите нам…

Окошко в стене захлопнулось.

Девочка чуть не расплакалась от страха.

Это был их последний шанс, и она не представляла, что случится, если художник откажется их впустить. Алиса уже решила, что он так и оставит их умирать в этой камере, когда одна из стен внезапно исчезла и их с Оливером совершенно бесцеремонно выбросило по колено в снег.

Девочка села и попыталась осмотреться – но сколько бы она ни моргала, в поле ее зрения не появлялось ни одного цвета. Вскоре она с недоумением поняла, что их там и не было.

Окружающий пейзаж напоминал газетную фотографию, которую странным образом перенесли в реальность. Повсюду, насколько хватало глаз, тянулись бесконечные снежные поля без домов и деревьев, и единственными красками служили оттенки черного и белого. По сравнению с ними Алиса почти сверкала неоном. Ее белизна была насыщенной и многослойной; была *полным* цветом.

В то время как их с Оливером переполняли жизнь и краски, этот мир казался тусклым, скучным, бесприютным и немного мертвым. Из него будто вырезали весь цвет, выпили всю силу – и оставили взамен серые небеса, серый ветер и серый холод. Здесь не было ровным счетом ничего, за исключением единственной постройки: огромной полусферы, целиком сделанной из серого стекла.

Комната внутри нее была простой, но любопытной: черная мебель, просвечивавшая сквозь матовые стены, составляла изящный контраст с повсеместной серой палитрой, – и Алиса неожиданно поняла, что это тоже красиво.

А еще романтично, потому что сферу и весь пейзаж неторопливо укутывали хлопья снега.

Снежинки падали с неба, словно одноцветное белое конфетти, медленно опушали сугробы вокруг и заносили крышу стеклянного глобуса. Он походил на драгоценность, потерянную и забытую в снегу после зимних праздников. Чем дольше Алиса всматривалась в эту черно-белую сцену, тем глубже начинала постигать тонкую игру света и тени; и хотя теперь девочка могла оценить и такую палитру, она все же оставалась для нее чужеродной. Но самое главное: эта картина совершенно не походила на выбранную Алисой – та была выполнена в богатых осенних тонах, – что могло означать только одно.

Им не отказали.

Алиса чуть не завопила от радости.

А потом подумала – и в самом деле завопила. Девочка откинулась на снег, издала ликующий крик и схватила Оливера за руку.

– Эта не та картина! На той был луг, и осень, всюду лежали листья, а на холмах стояли маленькие домики! Ох, Оливер. – Девочка задыхалась от счастья. – Нас впустили!

Оливер сел рядом – чинный, но тоже с улыбкой от уха до уха – и обвил ее плечи рукой.

– Клянусь своими ушами. У нас получилось!

Они обнимались в снегу целую вечность, переполненные восторгом и благодарностью, что пережили еще одну ловушку Итакдалии. Постоянная близость смерти уже начинала утомлять. Алиса пообещала себе, что, если они вернутся в Ференвуд, она больше никогда не пожалуется на недостаток приключений. Теперь она будет счастлива, просто прогуливаясь по городской площади или глазея на лодки в саду Пенелопы. Девочка пыталась убедить себя, что с нее довольно; что она не прочь прожить самую простую и спокойную жизнь в Ференвуде, – но даже теперь, чудом избежав смерти, не могла представить для себя такого будущего. Потому что это было неправдой. Конечно, она хотела вернуться домой, наконец-то побыть с папой, поесть тюльпанов, посидеть у пруда; но даже после испытаний и вызовов Итакдалии – а может быть, как раз благодаря им – провести так всю жизнь было для нее немыслимо. Она знала, что никогда не откажется от приключения.

Алиса отстранилась от Оливера и взволнованно ему улыбнулась.

– А ну вытаскивайте задницы из снега! – рявкнул рядом чей-то голос. – Боже мой, девочка, ты же так до смерти замерзнешь.

Подняв глаза, Алиса с Оливером увидели над собой пожилого мужчину. Он вполне походил на человека, но разница между их и его миром была бесконечна. Если не считать черно-белого костюма, незнакомец был совершенно серым, будто существовал в другом измерении.

В памяти Алисы всплыла какая-то догадка. Какой-то обрывок разговора с Ремом…

– Эй, я к вам обращаюсь! – снова закричал мужчина, и внимание Алисы рассеялось.

Старик размахивал перед ними тростью. Теперь Алиса разглядела и его неопрятную черную бороду, и вязаную шапчонку, надвинутую на самые глаза, и незажженную трубку во рту. Когда он говорил, она подпрыгивала у него между губ.

– Сидеть в снегу в шелковом платье, – проворчал мужчина и внезапно ткнул Оливера тростью. – Немедленно вставайте. И заходите внутрь.

Дети поднялись на ноги и уставились на незнакомца.

– Простите, это вы… – начала Алиса.

– Ну конечно, это я, – раздраженно оборвал он девочку. – Разве ты видишь здесь еще кого-нибудь? А теперь пошевеливайтесь. Я поставил чайник, и он вот-вот закипит.

Они молча переглянулись и последовали за мужчиной в стеклянный дом-полусферу. Он опережал их на несколько шагов, и Алиса искренне озадачилась, когда незнакомец начал исчезать,

начиная с лодыжек. Однако вскоре девочка заметила уходящие под землю ступени.

Они принялись спускаться следом – только чтобы сразу подняться. В итоге зигзагообразная лестница окончилась люком в потолке. Алиса усердно постучала туфлями, преодолела последние ступени и выбралась в круглую комнату, очень стараясь не нанести грязи с улицы.

Они с Оливером стояли посреди аккуратного домика, глядя на бушующую за стеной непогоду из надежного и теплого убежища.

Как и обещал старик, чайник уже начинал свистеть. Незнакомец добежал до него с прытью, поразительной для человека с палочкой, и Алиса на секунду задумалась, а зачем она ему вообще нужна. В доме не было настоящей кухни, гостиной или спальни: все пространство занимала одна общая комната. Тут не было места для секретов, закрытых дверей, стен или окон.

Мебель тоже выглядела предельно аскетично: чистые линии и простые формы, разложенные на полу черные думки, серые подушки и видавшее виды одеяло поверх односпальной кровати. У Алисы зарябило в глазах от серого цвета. Никаких красок, никаких узоров. Впрочем, это не мешало комнате быть опрятной, обжитой и в каком-то смысле уютной. Под ногами расстилался пушистый серый ковер без единого пятнышка.

Алиса с Оливером не знали, что им делать дальше. Это было чрезвычайно странное жилье для художника; по крайней мере, вокруг не наблюдалось и признака картин. Алиса откашлялась, нервно качнулась на пятках и решила дождаться указаний старика.

Он вернулся быстрыми, размашистыми шагами – трость куда-то исчезла, – неся пару чашек с горячим чаем; при ходьбе тот щедро выплескивался на блюдца. Затем мужчина поставил их на маленький столик, вокруг которого располагались большой диван и несколько кресел. Ни тебе сахара, ни сливок, ни спасибо, ни пожалуйста.

– Садитесь же, – поторопил их незнакомец, с явным раздражением переводя взгляд с Оливера на Алису и обратно. Стоило ему стянуть вязаную шапочку, как на глаза упала густая копна темных волос. Дети осторожно присели на диван, и мужчина последовал их примеру.

Он оказался гораздо моложе, чем сперва подумала Алиса. На самом деле он был даже не старым – просто давно за собой не ухаживал. Девочка хотела получше разглядеть его лицо, но он почти уткнулся подбородком в грудь, а глаза теперь были скрыты длинными прядями. Алиса в растерянности откинулась на спинку

дивана.

В памяти снова всплыла беседа с Ремом, и девочка принялась оглядываться вокруг, внимательно подмечая оттенки серого. Нигде не было и проблеска яркого цвета. Через несколько секунд Алиса окончательно убедилась: они попали в тюремную деревню.

Но как такое возможно? Мог ли художник быть арестантом? Этого Алиса не знала. Она пока слишком плохо понимала Итакдалию.

Девочка уже взглянула на Оливера, собираясь озвучить свои мысли (а думала она, что это *в самом деле* тюремная деревня – и значит, их хозяина стоит расспросить о папе), но постоянный страх приучил ее не надеяться, поэтому она оставила свои соображения при себе.

Оливер откашлялся.

Художник откинулся в кресле, скрестил ноги (теперь Алиса заметила, что он носит толстые шерстяные носки) и смерил ее взглядом, который было очень трудно выдержать. Рядом с ним Алиса чувствовала себя слишком открытой, слишком уязвимой и полноцветной. Так что она отвела глаза.

– Значит, вы пришли насчет руки? – спросил художник.

Девочка кивнула.

– И как ты умудрилась ее потерять?

– Я… Ну, я совершила ошибку.

– Какую ошибку?

– Я пошла за бумажным лисом, – ответила Алиса, ковыряя носком туфли ковер. – И он превратил мою правую руку в бумагу. А потом оторвал.

Алиса не знала, почему говорит так натянуто – или, что важнее, почему близость художника заставляет ее так нервничать. Но ее единственная рука вспотела, сердце пустилось вскачь, а ощущения пытались сказать что-то, чего пока не понимало сознание.

Художник невесело рассмеялся.

– Пошла за бумажным лисом, и он превратил руку в бумагу. – Он вздохнул. – М-да. Как типично.

Голос художника казался загрубевшим, будто им давно не пользовались, но что-то в нем наполняло Алису странным волнением. Что-то в его твердости, в интонациях, которые она уже знала, но никак не могла найти соответствия в памяти…

– Как тебя зовут? – спросил мужчина, вскидывая голову, и его волосы на мгновение перестали закрывать глаза.

Алиса почувствовала, что сейчас упадет в обморок.

– Оливер! – закричала она. – Оливер…

– Тебя зовут Оливер? Странное имя для девочки.

– Нет, это *меня* зовут Оливер, – сказал Оливер, который уже вскочил на ноги и теперь с тревогой смотрел на подругу. – Что такое? Что случилось?

Но Алиса не могла выдавить ни слова. Девочка задыхалась, перед глазами начинали мелькать черные точки.

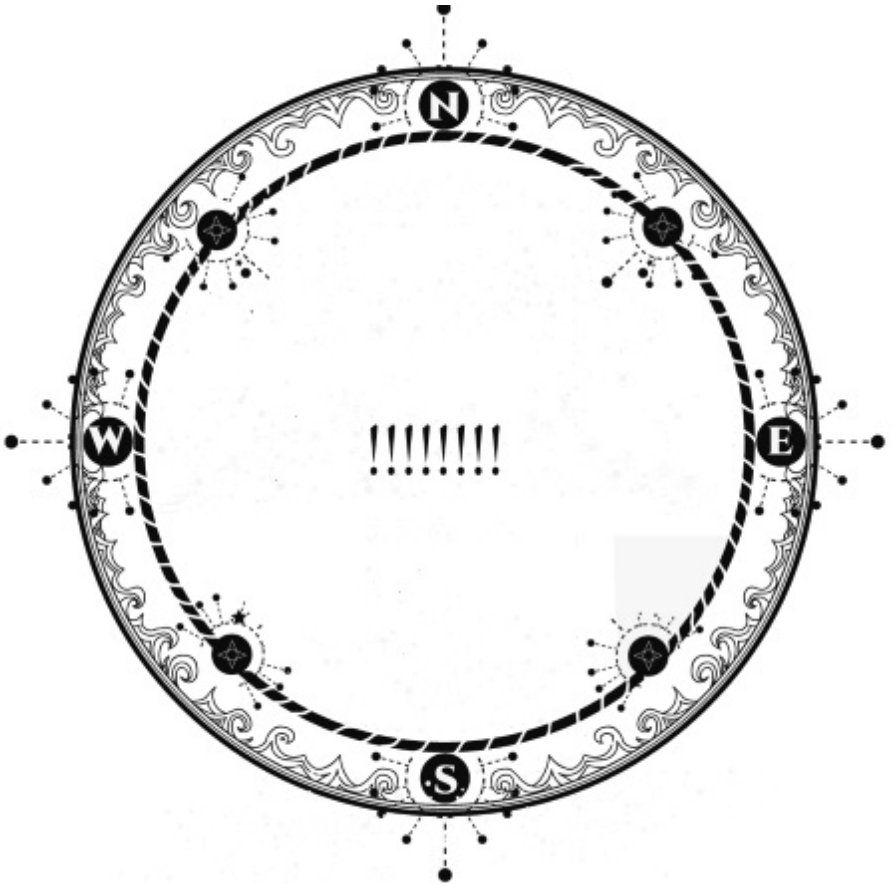
– Алиса? – в панике окликнул ее Оливер. – Алиса, что с тобой?

– Ее зовут Алиса? – воскликнул художник, тоже вскакивая на ноги.

– Папа, – выдохнула она. – *Папа*.

И потеряла сознание.

!!!!!!!!



Не знаю, скоро ли очнулась Алиса – Оливер говорит, что прошло по меньшей мере несколько минут, – но когда она открыла глаза, они блестели от слез.

Итак, Алиса Алексис Квинсмедоу наконец нашла папу. Нечаянно, неожиданно, по удивительной случайности Алиса нашла папу и теперь была совершенно счастлива.

Воссоединение получилось долгим и бурным; звучал смех, лились слезы, рассказывались бесчисленные истории. Приключения Алисы и Оливера вам уже знакомы, так что не буду повторяться. Но папину историю вы еще не знаете – и я постараюсь воспроизвести ее как можно точнее. Хотя прежде проясню один вопрос, который наверняка вас занимает.

Странно, думаете вы, что папа не узнал Алису.

Понимаю вас, дорогой проницательный читатель! В свое время я тоже удивилась, когда Алиса рассказала мне о

случившемся. Но мы должны помнить, что папа Алисы целых три года провел в тюрьме в самом сердце невозможной земли. Он даже не мечтал – и уж точно не осмеливался надеяться, – что его юная дочь, во-первых, узнает об Итакдалии, а во-вторых, сможет выжить там, где едва не погиб он, взрослый мужчина. Появление Алисы в этом мире было для него совершенно исключено. На самом деле, когда папа впервые увидел Алису с Оливером, стоящих на пороге его деревни, он впустил их только потому, что девочка – ее белая кожа, белые волосы – напомнила ему дочь.

Алиса тоже не догадывалась, как сильно изменилась с последней их встречи. Девушка-подросток, сидевшая теперь перед отцом, ничуть не походила на девятилетнюю девчушку, которую он оставил в Ференвуде. Новая Алиса была пылкой, целеустремленной и уверенной в себе; это была сформировавшаяся личность, которая прошла через множество испытаний, но не позволила им себя сломить. Неудивительно, что отец ее с трудом узнал – хотя для этого и требовалось совсем немного усилий.

Но вернемся к радостной встрече.

Как вы можете вообразить, у Алисы и Оливера накопились тысячи вопросов к папе. Что с ним случилось в Итакдалии? Зачем он сюда отправился? Почему никого не предупредил? Как попал в тюрьму? Он правда шпион? И так далее, и тому подобное. Их беседа получилась почти такой же длинной, как эта книга, и поминутно прерывалась пунктиром молчаливых слез и объятий. Поэтому я, чтобы избежать необходимости писать второй том, постараюсь изложить услышанное в нескольких абзацах.

Отца в самом деле арестовали за кражу времени и отправили отбывать срок в Рабскую колонию. Точнее, его сослали в деревню Тушь, где он и жил с тех пор. Конечно, это было довольно комфортабельное заключение – папе выделили целый дом и не стали заковывать в кандалы, – но что за жизнь без цвета? Ни друзей, ни семьи (ни даже сокамерника!), ни единой книги. В одиночестве отец быстро погрузился в тоску. Заключение озлобило его, сделало раздражительным и неуступчивым – так что он открывал дверь далеко не на каждый стук. Хотя именно в этом и заключалась его работа. Его принудили служить художником в Итакдалии, чтобы искупить свою вину; в основном он рисовал местным жителям утраченные конечности. Иногда отец пририсовывал кому-нибудь ногу вместо руки или локоть вместо колена – просто так, для забавы, – но в основном это была скучная, однообразная работа.

– Вы удивитесь, – сказал он, – сколько людей теряют конечности в Итакдалии.

Но главная папина история началась намного раньше, когда он выиграл собственную Сдачу и получил задание от ферренвудских Старейшин. Как вы уже знаете, ему поручили составить карты всех волшебных земель. В двенадцать лет ему так ловко удавалось жить и выживать в Итакдалии, что спустя годы он, не раздумывая, отправился тем же путем.

– Но я не учел, – сказал папа, – что в юности мыслил совсем по-другому. Тогда я преуспел, потому что мой разум был гибче, а представления о мире – податливее. Мне было легче справляться с ловушками и трюками Итакдалии.

Он вздохнул.

– Но с годами я закостенел в привычных убеждениях. Мне уже сложно было мыслить по-другому, и я потратил уйму времени просто на то, чтобы выяснить, по каким принципам живет нынешняя Итакдалия. Однако в этот раз мне было что терять, и страх сделал меня неповоротливым. Я слишком много нервничал, слишком долго выбирал. Поминутно осторожничал и в итоге совершил массу ошибок. – Он покачал головой. – Мне никогда не следовало сюда возвращаться. Я бы и не стал, если бы не думал, что оно того стоит.

Видите ли, Оливер оказался прав в своих предположениях. Папа не был ферренвудским шпионом.

Все его мысли были об Алисе – и только о ней.

Здесь, дорогой читатель, для них наступила самая сложная часть беседы – уж очень много эмоций она вызвала. Алиса была в отчаянии, что папа подверг себя такому риску ради нее. В конце концов, он-то никогда не хотел, чтобы она менялась – просто желал ей счастья, – и эта мысль разбивала ей сердце. Хвала небесам, боль девочки оказалась недолговечна.

Они с папой снова были вместе. Алиса заново училась быть счастливой.

Девочка знала, что ей всегда будет непросто отличаться от окружающих. Знала, что ни одна магия не исправит чужую узколобость и не сгладит несправедливости на ее пути. Но Алиса постепенно осознавала, что жизнь не состоит только из черного и белого. Всегда найдутся люди, которые будут ее любить и отвергать; в жизни встретятся и доброта, и предубеждение. Простая правда заключалась в том, что Алисе было предназначено *отличаться* – но отличаться значило быть исключительной, а быть исключительной значило приключение. Не важно, какой видел ее мир; важно, какой она видела себя.

И Алиса решила любить себя, отличающуюся и исключительную, каждый день недели.

* * *

Вот мы и подбираемся к последним страницам нашей истории – страницам, где Алиса с папой наконец возвращаются домой, – и я испытываю радость пополам с горечью.

Конечно, папа мгновенно нарисовал Алисе новую руку, и теперь она была прекрасной юной леди с полным набором конечностей. В свою очередь, Алиса превратила деревню Тушь в настоящий взрыв цвета и вернула папе все его краски – может быть, сделав их чуть-чуть поярче. Затем Оливер развернул свою коробку со спрятанной на дне дверцей, они по очереди забрались внутрь и вскоре оказались в родном Ференвуде.

Оказалось, что они путешествовали дольше, чем предполагали: в городке наступила зима, а это значило, что их не было почти год. Сверкающий снег медленно опускался на сонную землю, пуховым одеялом укрывая дома, деревья и холмы. Тысячи ветвей силились стряхнуть тонкие ледяные перчатки, и когда Алиса подошла ближе, то разглядела их бледно-зеленые пальчики. До весны оставалось недолго. На крышах ярко освещенных домов пыхтели трубы, городок безмолвствовал, и они трое тоже молчали. Алиса закрыла глаза и глубоко вдохнула. Она еще никогда не была так благодарна жизни за Ференвуд – и пообещала себе, что больше не будет принимать ничего как должное. Девочка была счастлива вернуться домой, *иметь дом*. А еще ей не терпелось увидеть реакцию мамы – мамы, которая еще не знала, что отец здесь.

Они с Оливером крепко обнялись на прощание. Мальчик пообещал, что завтра придет в гости, и они с Алисой построят и́глу и вместе придумают планы на весну. Оливер выполнил задание и теперь должен был перейти в старшерост, но Алиса совершенно не представляла, что ей делать дальше. Папа выслушал ее тревоги с удивлением.

– Но, Алиса, – сказал он, – разве ты не получила черную карточку?

– Да, – понурилась девочка. – Получила.

Отец приподнял голову Алисы за подбородок и взглянул ей в глаза.

– Здесь нечего стыдиться. Черная карточка означает только, что тебе предложили пересдать на следующий год. Ты что, так ее и не открыла?

– Что? – изумилась Алиса, на мгновение забыв, как дышать. – Мне дадут еще одну попытку?

– Конечно, – с улыбкой ответил папа. – А ты как думала? Что Старейшины изгонят тебя из Ференвуда?

– Если честно, – сказала девочка, – я именно так и думала.

– А я говорил! – не удержался Оливер. – Говорил, что надо было вскрыть карточку! Но ты меня не слушала.

Алиса покраснела.

– Ладно, – признала она. – Ты был прав.

– Рад это слышать, – ответил Оливер, улыбаясь от уха до уха.

Наконец мальчику настала пара отправляться домой. Он еще раз обнял Алису, потом папу – и мгновенно скрылся за пеленой снегопада.

– Увидимся завтра! – крикнул он на прощание.

– Не могу дождаться! – откликнулась Алиса.

Затем она взяла отца за руку и решила, что больше никогда, никогда его не потеряет.

* * *

Алиса с папой молча стояли перед их маленьким домиком, погруженные каждый в свои мысли. Дом выглядел точно так же, каким Алиса его оставила (разве что во двор намело снега, да на крыше повисли сосульки). Тихо попыхивала труба, янтарные окна теплились скрытой внутри жизнью. Дом выглядел уютным и гостеприимным. Ожидающим.

И все же Алиса нервничала.

Девочка могла догадаться, как отреагирует мама на возвращение отца – но не знала, что скажет при виде дочери. Эта неизвестность пугала. В конце концов, Алиса сбежала без единого «прощай» и не могла рассчитывать на снисходительность. И как насчет ференики? Стирки и уборки, которые целиком свалились на маму? А самое главное – позора, который девочка навлекла на семью, провалив Сдачу? Мама наверняка в ярости. Алиса была уверена, что, когда дверь откроется, ее встретят гневом, руганью и сокрушительным разочарованием – и это вызвало у нее желание вообще не возвращаться.

На секунду у Алисы промелькнула малодушная мысль спрятаться дома у Оливера, пока папа как-нибудь все не уладит. Но девочка знала, что он этого не одобрит. В любом случае медлить дальше было нельзя. Папа сгорал от желания зайти внутрь, и Алиса не могла отказать ему в такой простой просьбе. Только не после всего, что ему пришлось пережить.

Папа ободряюще сжал ее руку.

– Ты готова, дорогая? Войдем вместе?

Но Алиса покачала головой. Она знала, что должна встретить маму лицом к лицу. (К тому же, если мама начнет на нее орать,

она всегда сможет позвать на помощь папу.)

Поэтому девочка поделилась с ним своим планом – по крайней мере, первой его частью.

– Тогда это будет сюрприз, – пояснила она. – Представляешь, как завопит мама, когда наконец тебя увидит!

Отец рассмеялся.

– Очень хорошо, – сказал он, – если ты так хочешь.

Алиса кивнула, папа спрятался, и они подмигнули друг другу, прежде чем Алиса направилась к парадной двери и – после секундного замешательства – дважды постучала: за себя и за папу. (В конце концов, это была хорошая традиция.)

Дверь немедленно распахнулась.

Мама была все такой же, какой ее помнила Алиса, – красивой, изящной и немыслимо грустной. Несколько зеленых кудряшек выбились из «конского хвоста», и в их обрамлении мамины золотые глаза казались еще больше и печальнее. Алиса встретилась с ней взглядом, и у девочки что-то защемило в груди. Несколько мгновений они обе молчали. Точнее, Алиса молчала, а мама просто окаменела.

– Алиса? – прошептала она наконец.

– Привет, мам.

Она попыталась улыбнуться, но испугалась и быстро опустила голову, чтобы мама не подумала, будто девочка над ней насмехается. Алиса с трудом сглотнула, готовясь к неминуемому шквалу оскорблений и упреков.

Но тут, дорогие друзья, произошла ужасно странная вещь. Мама упала на колени.

Она протянула руки к дочери, крепко ее обняла и надрывно, горестно разрыдалась. Мамина боль горячими волнами плескалась о маленькое тело Алисы, и девочка почти слышала, как с треском раздвигаются ребра у мамы в груди, выпуская наружу все накопившееся отчаяние.

– Прости меня! – восклицала мама. – Я так виновата! Пожалуйста, не убегай больше из дома.

– Но, мама… – растерянно начала Алиса.

– Я винила тебя. Я знала, почему ушел отец, и винила в этом тебя. Прости меня.

– Ты знала? – Алиса была оглушена. – Все это время?

Мама подняла на девочку красные заплаканные глаза и кивнула.

– Он хотел добыть тебе цвет. Он думал… Думал, что это сделает тебя счастливой. Но когда он не вернулся, я обвинила в этом тебя. – Она покачала головой. – Я так ужасно с тобой обращалась. Пожалуйста, прости меня. Я не вынесу, если потеряю

вас обоих.

– Но ты нас и не теряла, – мягко ответила Алиса. – Никогда.

И она отступила в сторону, пропуская вперед отца. Девочка словно плыла в тумане, оглушенная обилием невероятных новостей. Для Алисы, которая всю жизнь хотела только быть любимой, признание мамы стало настоящим откровением. И любопытным жизненным уроком. Они обе безмерно любили отца; но если Алисе это чувство придало твердости, маму оно сломило. Какую удивительную силу может вмещать человеческое сердце!

Оказалось, что любовь и калечит, и исцеляет. Странно.

– А я говорил, что она тебя любит, – раздался над ухом знакомый голос.

Алиса так испугалась, что чуть не подпрыгнула.

– Оливер Ньюбэнкс! – возмутилась она яростным шепотом. – Как ты смеешь за мной шпионить!

(В глубине души, конечно, она была рада его видеть.)

– Просто хотел убедиться, что ты в порядке, – ответил ее друг с улыбкой. – Я знал, что для тебя это будет непростой разговор.

Небо просветлело, с неохотой выпуская из-за облаков зимнее солнце. В его холодных лучах Оливер казался окруженным золотым ореолом.

– Да уж, – сказала Алиса и погрузилась в задумчивость.

– Что такое? – спросил мальчик, внимательно глядя на подругу. – Что тебя тревожит?

– Ты же знаешь, весной я надеюсь пересдать Сдачу. И наконец получить задание.

– Ну конечно, ты его получишь, – заулыбался Оливер. – И блестяще справишься.

– Вероятно, – продолжила Алиса, изучая свои пальцы, – мне придется надолго покинуть Ференвуд.

Улыбка Оливера погасла.

– Точно, – сказал он, откашлявшись. – Разумеется.

– Поэтому я подумала, – добавила Алиса, глядя вдаль, – вдруг ты захочешь пойти со мной?

Оливер заморгал, удивленный.

– То есть ты не обязан, – быстро сказала девочка. – Во-первых, это незаконно, а во-вторых, у тебя будет куча других…

– Вот еще! – фыркнул Оливер. – Чтобы я пропустил *такое*?

Мальчик улыбнулся, и Алиса улыбнулась ему в ответ. Затем она подняла голову к небу, закрыла глаза и задумалась, как такой маленький мир может вмещать столько счастья. Отец вернулся, мама подобрела, они с Оливером по-настоящему сдружились – и больше к этому нечего было добавить.

Вот я и не стану.

До следующего раза, дорогой читатель.